МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Л.Н. РУДЕНКО

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В АРАБСКИХ СТРАНАХ

(конец XX – начало XXI века)

Серия «Совместные труды»

КАЗАНЬ
2017

УДК 330.3(5-012:6)
ББК 65.5(5:61)
Р83

Ответственные редакторы серии:
доктор исторических наук **В.В. Наумкин,**
кандидат исторических наук **Р.Р. Хайрутдинов**

Рецензенты:
доктор экономических наук **В.А. Исаев,**
кандидат экономических наук **З.А. Соловьева,**
кандидат экономических наук **А.О. Филоник**

Руденко Л.Н.
Р83 Экономическая модернизация в арабских странах (конец XX – начало XXI века) / Л.Н. Руденко. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 236 с. (Серия «Совместные труды»).

ISBN 978-5-00019-784-4

Монография посвящена изучению различных аспектов экономической модернизации, которая осуществлялась в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки в течение последних трех десятилетий. Важное место при этом отводится исследованию путей и методов проведения правительствами государств региона экономических преобразований, а также их деятельности по созданию условий для формирования полноценных рынков, отвечающих современным реалиям. В то же время в данной работе анализируются экономические последствия массовых политических выступлений и вооруженных конфликтов, начавшихся на Арабском Востоке в 2011 г. Наряду с этим, большое внимание уделяется рассмотрению острых социальных проблем, с которыми сталкиваются все без исключения арабские страны на современном этапе своего развития.

УДК 330.3(5-012:6)
ББК 65.5(5:61)

ISBN 978-5-00019-784-4

© Руденко Л.Н., 2017
© Институт востоковедения РАН, 2017
© Издательство Казанского университета, 2017

Содержание

Введение 4

Глава I. Экономические преобразования в странах Ближнего Востока и Северной Африки 8

Экономическая ситуация, сложившаяся в арабском мире к началу 1990-х годов 8

Основные тенденции хозяйственного развития арабских стран в 1990–2000-е годы 19

Некоторые итоги рыночных реформ в арабских странах 29

Глава II. Особенности модернизационных процессов в сфере экономики 33

Сдвиги в развитии промышленности и инфраструктуры . . . 38

Нефтяная промышленность арабских стран: итоги и перспективы 60

Модернизация в сфере переработки нефти 71

Эволюция газовой промышленности арабских стран 76

Трансформация глобальных рынков углеводородов и ее влияние на энергетическую политику и нефтегазовый сектор арабских стран 86

Сдвиги в сельском хозяйстве 103

Проблема продовольственного обеспечения 117

Глава III. Экономические последствия «арабской весны» 129

Глава IV. Современные социальные проблемы арабских стран . . . 173

Трудовые ресурсы и рынок труда 173

Проблема занятости и развитие частного предпринимательства 187

Заключение 200

Приложение 210

Литература 230

Введение

Экономическая модернизация, которая происходила в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки на протяжении последних трех десятилетий, явилась во многом продолжением процессов, начавшихся после обретения ими политической независимости. В то же время в экономике государств арабского региона в рассматриваемый период в связи с менявшимися внешними и внутренними условиями стала более отчетливо проявляться настоятельная необходимость либерализации и реформирования их национальных хозяйств, укрепления внутренних рынков путем проведения политики диверсификации, перестройки отраслевой структуры и расширения межотраслевых связей, усиления интегрированности в мировое экономическое пространство. Правящие режимы под давлением объективных причин были вынуждены пересматривать некоторые важные направления социально-экономической политики, проводить структурные преобразования, принимать меры по стимулированию рыночных отношений, частного предпринимательства и т.д.

В результате арабский мир к началу XX1 века добился определенных сдвигов в материально-технической базе производства и в улучшении макроэкономических показателей. Так, если в 1991–1992 гг. среднегодовые темпы прироста валового внутреннего продукта (ВВП) в странах Арабского Востока находились на отметке в 2,9%, то в 2000–2001 гг. они поднялись, по оценке Международного валютного фонда (МВФ), до 5,0% (1, № 3, 2003, с. 13; 2, 19.10.2002).

В последующий период (вплоть до начала глобального финансово-экономического кризиса в 2008 г.) экономика арабского региона продолжала расти достаточно динамично: в 2003–2007 гг. среднегодовой прирост совокупного ВВП арабских стран составлял более 5% (3, с. 259).

Глобальный финансово-экономический кризис 2008 г. привел к резкому снижению мировых цен на нефть, что, безусловно, негативно отразилось на экономике стран Ближнего Востока и Северной Африки. Тем не менее, это влияние носило достаточно краткосрочный характер, и уже во второй половине 2009 г. экономическая ситуация в арабских странах начала постепенно улучшаться. Согласно оценке экспертов Международного института финансов, прирост ВВП арабских стран в 2010 г. равнялся 4,6%, то есть почти приблизился к докризисному уровню. (4; 5).

Процесс социально-экономических преобразований и хозяйственной эволюции, происходивший в изучаемой части мира на рубеже XX–XX1 веков, несомненно, носил характер экономической модернизации на новом этапе, что и стало объектом научного анализа предлагаемой монографии.

Сдвиги в экономическом развитии арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки рассматриваются в первых двух главах работы. Важное место здесь отведено изучению характера, путей и методов осуществления правительствами региона экономических преобразований, а также основных аспектов их деятельности по созданию условий для формирования полноценных рынков, отвечающих современным реалиям.

Следует подчеркнуть, что неодинаковая обеспеченность природными ресурсами, различия в географическом положении, в размерах территорий, в численности населения, разная степень последовательности и эффективности проведения экономической политики, исторические и ряд других факторов, безусловно, наложили отпечаток на характер и темпы экономической модернизации, а также на масштабы и глубину преобразований в отдельно взятых арабских странах.

Особенности социально-экономических преобразований, а также модернизационных процессов в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства на Ближнем Востоке и в Северной Африке в 1990–2000-е годы рассмотрены в монографии главным образом на примере Египта и стран-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива

(ССАГПЗ)[1]. Выбор Египта обусловлен, прежде всего, тем, что эта ведущая ближневосточная страна в указанный период пережила несколько этапов экономических реформ, а по темпам экономического роста и некоторым другим важным макроэкономическим показателям заметно опережала другие страны региона.

Что касается арабских нефтедобывающих стран Персидского залива, то было весьма интересно провести анализ экономических сдвигов, которые произошли в этой группе государств, поскольку они играют важную роль в системе мирового хозяйства и международных отношений благодаря своему положению владельца и распорядителя крупнейшими в мире запасами нефти и газа. Опираясь на огромные нефтегазовые доходы, аравийские монархии получили уникальную возможность для ускоренного развития и переустройства хозяйства и общества на качественно более высоком уровне.

В предлагаемой монографии особое место отведено анализу сдвигов, которые произошли в нефтегазовом секторе практически всех значимых производителей углеводородов Ближнего Востока и Северной Африки. При этом на базе прогнозов российских и международных энергетических экспертов автором сделана попытка показать проблемы и трудности, с которыми могут столкнуться арабские экспортеры нефти и газа в долгосрочной перспективе.

Как известно, начало 2010-х годов ознаменовалось для арабского мира крупными политическими потрясениями, которые, безусловно, оказали и продолжают оказывать негативное влияние как на экономику Арабского Востока в целом, так и ряда расположенных здесь государств, наиболее серьезно затронутых событиями, получившими название «арабская весна». Поэтому определенная часть исследования посвящена изучению экономических последствий массовых политических выступлений и вооруженных конфликтов, начавшихся в регионе в 2011 г. В последнем разделе монографии анализируются острые социальные проблемы, с которыми стал-

---

[1] В состав этой региональной организации входят шесть государств: Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия.

киваются все без исключения арабские страны на современном этапе своего развития.

Важно отметить, что исследование комплекса проблем, связанных с темой монографии, базируется на изучении обширного фактологического материала, учитывая, что в данной работе анализируются особенности экономической модернизации в значительном числе арабских государств. Кроме того, проведенный анализ базируется на почерпнутых из многочисленных источников статистических данных, которые автором систематизированы и представлены в таблицах, содержащихся в приложении к монографии.

Особую актуальность исследованию проблем, затрагиваемых в монографии, придает то обстоятельство, что Россия в период, рассматриваемый в данной работе, также реализовывала программу социально-экономической трансформации. Схожесть процессов, вызванных объективной необходимостью структурной перестройки экономики, ускорения темпов хозяйственного развития, реформирования систем общественного устройства заставляют более внимательно присматриваться к опыту арабских стран, в частности, в сфере экономической модернизации. Поэтому, как представляется, данная работа может заинтересовать не только специалистов, занимающихся изучением социально-экономических проблем стран Ближнего Востока и Северной Африки, но и использоваться в качестве учебного пособия в процессе подготовки магистров по мировой экономике, международным экономическим отношениям и экономике арабских государств.

ГЛАВА I. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Экономическая ситуация, сложившаяся в арабском мире к началу 1990-х годов

В течение последних нескольких десятилетий в экономическом развитии арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки произошли кардинальные перемены.

После достижения исследуемой группой государств политического суверенитета в 1950–1960-е годы в течение последующего двадцатилетнего периода совокупность сложных внешних и внутренних факторов предопределила роль государства и государственного сектора в качестве главного звена формирующегося общественного механизма экономического развития в большинстве арабских стран.

В 1970-е годы государство заметно усилило контроль над жизнью стран Арабского Востока, используя при этом самые разнообразные рычаги воздействия. В результате в регионе сложились мощные бюрократические группировки (включая как гражданскую, так и военную бюрократию), монополизировавшие политическую и экономическую жизнь. В экономике практически всех арабских государств происходило интенсивное развитие капиталистических производственных отношений. Этому в немалой степени способствовал нефтяной фактор, в результате активного воздействия которого шел процесс ускоренной интеграции нефтедобывающих стран региона в мировое хозяйство.

Общие тенденции развития арабского мира в рассматриваемый период нашли отражение прежде всего в том, что государство

в странах региона в борьбе за преодоление хозяйственной отсталости играло особую роль, вытекающую из настоятельной потребности форсировать социально-экономический прогресс. В сущности такая роль предопределялась всей совокупностью внутренних и внешних условий развития исследуемых стран после обретения ими независимости. С одной стороны, это узость и дробность внутренних рынков, малые объемы и большая распыленность наличных материальных и финансовых ресурсов (за исключением крупных нефтедобывающих государств), а также огромное множество нерешенных социальных проблем. Нельзя, кроме того, сбрасывать со счетов абсолютную и относительную слабость местной предпринимательской прослойки. С другой стороны, необходимо учитывать непрестанное усложнение задач, которые выдвигала перед ними индустриализация в условиях постоянного научно-технического прогресса. Хозяйственно-организаторская деятельность государств региона была объективно направлена на изыскание и мобилизацию дополнительных ресурсов и скрытых резервов экономического роста, а также увязку текущих хозяйственных решений с долгосрочными потребностями экономики.

Важно подчеркнуть, что государство в арабских странах в 1970–1980-е годы пыталось решать проблемы преодоления хозяйственной отсталости, ускорения социально-экономической модернизации не только используя различные рычаги и методы активного воздействия на экономику, но и путем непосредственного вмешательства в процесс воспроизводства.

Дело в том, что изменения в государственно-политической системе арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки в 1950–1960-е годы оказали большое влияние на трансформацию их экономического базиса. Проблема взаимоотношения власти и собственности стала центральной в развитии данного региона в указанный период.

Принципиальное изменение форм собственности в законодательном порядке происходило путем передачи во владение государству земли, промышленных предприятий, структур в сфере обращения, а также различных объектов производственной и социальной инфраструктуры, находившихся в частной собственности иностранных владельцев или крупных местных предпринимателей.

Национализация в рассматриваемой группе стран явилась многофункциональным средством воздействия на развитие общества, в том числе и на экономический базис. Путем национализации были не только подорваны позиции иностранного капитала в арабских странах, но и обеспечены предпосылки для создания государства как совокупного капиталиста. Объекты национализации, ее формы и условия зависели от многих факторов, в том числе от характера власти, радикальности её программы действий, а также масштабов деятельности иностранного капитала в данной стране.

В государствах, где имелась относительно развитая прослойка местного предпринимательства, национализация распространилась, прежде всего, на собственность компрадорской буржуазии, крупного национального капитала, предпринимателей и земельных собственников, входивших в правящую элиту свергнутого режима и пытавшихся оказать сопротивление новому курсу правительства. Так, в Египте, например, в середине 1960-х годов доля государственных предприятий достигала 93% стоимости всей промышленной продукции и была самой высокой среди арабских стран (6; 29.08.1987).

Вследствие процессов, которые произошли в экономическом базисе большинства арабских государств Ближнего Востока и Северной Африки, к началу 80-х годов прошлого столетия в регионе в целом сформировалась система государственного капитализма.

Как известно, в понятие госкапитализма входит, с одной стороны, государственная собственность – казенные предприятия, имущество учреждений в различных отраслях хозяйства и, с другой – система средств и методов государственного регулирования экономики.

Государственное воздействие на хозяйственную жизнь в арабских странах осуществлялось с помощью административно-принудительных мер, с одной стороны, и материально-стоимостных – с другой. Например, мобилизация бюджетных поступлений проводилась, прежде всего, с помощью налогов, которые взимались в принудительном порядке. То же относится к инфляционному методу финансирования бюджета, в некоторых случаях и в известной мере и к государственному кредиту (принудительное размещение государственных ценных бумаг).

Отмеченные общие черты государственной политики в области социально-экономического развития в странах Ближнего Востока и Северной Африки в 1960–1980-е годы преломлялись в отдельных частях арабского мира весьма своеобразно и имели свои отличительные особенности. Ниже мы попытаемся показать специфику преобразовательной деятельности отдельных арабских государств, и прежде всего Египта, являющегося по многим экономическим и политическим параметрам лидером Арабского Востока.

Социально-экономические преобразования, осуществленные в **Арабской Республике Египет (АРЕ)** после июльской революции 1952 г., заложили основу перестройки экономики страны. Проведенная в несколько этапов аграрная реформа, национализация активов иностранного капитала, а также собственности крупной и части средней местной буржуазии позволили сосредоточить в руках государства значительные материальные и финансовые ресурсы и приступить к индустриализации, опорой которой стал государственный сектор.

Новый импульс египетская экономика получила в результате политики «открытых дверей» («инфитах»), которая проводилась с 1974 г. и до середины 1980-х годов, и была призвана ускорить решение экономических и социальных проблем путем поощрения деятельности местного частного предпринимательства и привлечения иностранного капитала. В соответствии с законодательными актами, принятыми в рамках «инфитаха», частному сектору были предоставлены значительные льготы. Был снят ряд ограничений принципиального характера на деятельность египетской буржуазии, предусмотренных Хартией национальных действий (1962 г.). Местный частный капитал, в частности, получил возможность самостоятельно действовать во внешнеторговой сфере, используя собственные валютные средства. Специальным распоряжением Министерства промышленности были открыты каналы сотрудничества египетского капитала с иностранным – арабским и западным. Законом № 86 от 1974 г. национальный капитал АРЕ освобождался от уплаты налогов на торговую и промышленную прибыль, а частный сектор принятым впоследствии президентским декретом – от выплаты пошлин на импортируемое сырье, машины и оборудование, необходимые для создания частного предприятия,

сроком на пять лет (причем льготный период мог быть продлен до восьми лет) [7, с. 275].

Государственная политика поощрения частнопредпринимательской деятельности способствовала определенной активизации участия в экономическом развитии Египта национального капитала, который в период «инфитаха» не только овладел рядом позиций, ранее занятых госсектором, но и расширил рамки партнерства с иностранным капиталом, накопил значительные средства в иностранной валюте. Так, доля частного сектора в обрабатывающей промышленности поднялась с 17% в 1975 г. до 33% в начале 1980-х годов. Кроме того, приток значительных средств из внутренних и внешних источников позволили поднять норму накоплений в АРЕ примерно с 13% в 1973 г. до 22–28% в конце 1970-х – первой половине 1980-х годов. В результате замедление экономического развития в 1970-е годы сменилось в конце десятилетия его ускорением.

На основании принятого в 1974 г. закона № 43 об арабских и иностранных инвестициях и свободных зонах, иностранные инвесторы, как и компании с участием зарубежного капитала также получили ряд льгот. В частности, иностранному капиталу было разрешено действовать в сфере финансов, открывать филиалы банков, участвовать в операциях как с иностранной, так и египетской валютой (8, с. 9).

Поощрительные меры египетского правительства и приток значительных средств из внешних источников (финансовая помощь арабских нефтедобывающих стран и развитых государств) содействовали тому, что, начиная с конца 1970-х годов, среднегодовые темпы прироста ВВП превысили, по официальным данным АРЕ, 7% (по более умеренным оценкам они равнялись примерно 5%) (9, с. 115). Улучшению экономического положения в стране в рассматриваемый период способствовали также увеличение добычи и экспорта нефти, рост доходов от вновь открытого Суэцкого канала, от туризма, а также переводы египтян, работавших за границей.

Вместе с тем ряд важных аспектов политики «открытых дверей» оказывал негативное влияние на общее состояние египетской экономики, способствовал в условиях экономического оживления углублению структурных кризисов, которые с наибольшей остро-

той проявились в 1980-е годы. Негативные внутриэкономические тенденции усугубились падением цен на нефть на мировом рынке в 1985–1986 гг., от которого серьезно пострадали основные источники доходов Египта – Суэцкий канал, нефтяной экспорт, туризм и переводы египетских экспатриантов. В итоге во второй половине 1980-х годов правительство АРЕ столкнулось с рядом серьезных кризисных явлений в сфере экономики, среди которых следует, прежде всего, отметить снижение темпов экономического роста, несбалансированность государственного бюджета, ухудшение состояния платежного баланса, высокий уровень инфляции (свыше 20%) и рост цен, накопление крупной внешней задолженности и напряженности по ее обслуживанию, постоянно уменьшавшиеся валютные резервы (8, с. 10).

Беспокойство властей вызывало также нарастание трудностей с обеспечением потребностей в продовольствии за счет внутреннего производства, в результате чего резко расширился импорт продуктов питания. Доля импорта в потребляемых продуктах питания в конце 1980-х годов составляла примерно 60% (по пшенице и муке – около 75%). Возросшее бремя расходов на закупку продовольствия, наряду с резко увеличившимся импортом западных товаров, прежде всего потребительского назначения, привело к огромному, по масштабам египетской экономики, дефициту торгового баланса. Рост государственных ассигнований, связанных с военными закупками, субсидированием цен на товары и услуги первой необходимости, в свою очередь, породили хронический дефицит государственного бюджета Египта.

Во второй половине 1980-х годов заметно усилились трудности и в деятельности государственного сектора – основы египетской экономики. В этой связи следует отметить, в первую очередь, физический и моральный износ основных производственных фондов, отток квалифицированных специалистов, занятых в государственных структурах, небывалое обострение конкуренции продукции государственных предприятий со стороны западных товаров, хлынувших на внутренний рынок по каналам «инфитаха», рост задолженности государственных компаний.

В этих условиях египетское руководство пыталось скорректировать проводимый социально-экономический курс. Принимались

меры, призванные с помощью экономических рычагов направить государственные капиталы в сферу материального производства, чтобы ослабить или ликвидировать структурные диспропорции, возникшие в период «потребительского инфитаха» в 1970-е годы. Такая политика получила название «производительного инфитаха».

С целью оздоровления ситуации в Египте в 1980-е годы был предпринят ряд мер по перестройке управления хозяйством со стороны государства, которому традиционно принадлежит важная роль в экономическом развитии страны. Они включали в себя реформу системы управления государственным сектором, возврат к элементам планового развития, корректировку инвестиционного кодекса и т.д.

В этой связи важно отметить, что реформа государственного сектора привела к расширению прав административных советов государственных компаний, касавшихся использования прибыли, валютной выручки, регулирования вопросов заработной платы, ценообразования. Важным ее элементом стало воссоздание государственных организаций в различных отраслях экономики, выполняющих функции трестов, упраздненных в 1975 г. В соответствии с декретом от августа 1983 г., были несколько ограничены административные функции государственных организаций с одновременным расширением имеющихся у них экономических рычагов управления.

Однако, оценивая итоги государственной политики египетского руководства в 1980-е годы, следует признать, что возврат к старым, административным методам управления не принес ожидаемых результатов, что, в частности, проявилось в тенденции снижения темпов роста ВВП в указанный период.

Ниже мы кратко рассмотрим экономическую эволюцию, которая произошла к началу 1990-х годов в странах Аравийского полуострова – **Саудовской Аравии, Кувейте, Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ), Омане, Катаре и Бахрейне.**

Наличие огромных нефтяных ресурсов создало объективные условия и предоставило возможности для экономической модернизации в этой группе государств. Однако для того, чтобы воспользоваться ими нефтяные монархии должны были, прежде всего,

обладать достаточной степенью политической самостоятельности, контролировать собственную нефтяную промышленность и иметь рычаги влияния на механизм ценообразования на мировом рынке нефти.

Малые страны Персидского залива обрели политическую самостоятельность лишь в 1960-е – начале 1970-х годов. В то же время Саудовская Аравия, хотя и сохранявшая политическую независимость, в важнейших вопросах нефтяной политики также не имела решающего голоса вплоть до начала 1970-х годов. В этот период аравийскими государствами были предприняты первые шаги на пути установления реального контроля над собственной нефтяной промышленностью, которая до этого фактически представляла собой экономический анклав, принадлежавший иностранному капиталу и развивавшийся в соответствии с интересами и потребностями мирового капиталистического хозяйства (МКХ). Это стало возможным благодаря наличию благоприятных внутренних (в первую очередь имеется в виду достижение политической самостоятельности) и внешних условий. Речь идет о фундаментальных изменениях в общей ситуации на мировом нефтяном рынке и в отношениях между продуцентами и потребителями жидкого топлива, произошедшими в 1970-е годы.

Процесс окончательного перехода нефтяной промышленности под национальный суверенитет аравийских государств завершился в начале 1980-х годов. Закон о национализации в Кувейте был принят в 1975 г. В соответствии с этим актом, вся собственность иностранных нефтяных компаний переходила в руки кувейтского правительства (10, с. 94). В указанном году Дубай выкупил 100% активов концессионной компании. В июле 1976 г. национализация завершилась в Катаре. В Саудовской Аравии в конце 1977 г. было объявлено о достижении принципиальной договоренности о выкупе 100% активов АРАМКО. Однако преодоление разногласий по частным вопросам сделки затянулось ещё почти на три года. Лишь в сентябре 1980 г. было объявлено о подписании соглашения, а в декабре – об окончании выплаты компенсации. Что касается Абу-Даби и Омана, то они стали в рассматриваемый период обладателями 60%-ной доли капитала концессионных компаний.

Установление национального суверенитета аравийских государств над своими нефтяными богатствами, а также изменение условий ценообразования на мировом рынке нефти, которое привело к скачкообразному росту цен в 1973–1974 гг. и в 1979–1980 гг., а, следовательно, и к значительному увеличению нефтяных доходов, позволили правящей элите проводить стратегию развития без ущемления своих материальных интересов. В Саудовской Аравии, например, поступления от нефти выросли с 25,7 млрд долл. в 1975 г. до 116,2 млрд долл. в 1981 г., или в 4,5 раза (11, с. 170).

Сосредоточение громадных финансовых ресурсов в руках государства, необходимость принимать меры для преодоления социально-экономической отсталости, защищать интересы растущего класса буржуазии – все это обусловило появление в Аравии государственно-капиталистического уклада.

Всевластие родоплеменной аристократии при слабости местной буржуазии способствовали созданию мощного государственного сектора. Ему принадлежала не только основная отрасль экономики – нефтегазовая, но и большая часть обрабатывающей промышленности и инфраструктура. Так, в конце 1980-х годов в Саудовской Аравии в распоряжении госсектора находилось более 70% основного капитала в сфере производства, государство выделяло свыше 80% всех инвестиций на социально-экономические цели, в том числе более 90% – в промышленность (12; № 1, 1991, с. 11). Правительства нефтяных монархий осуществляли планирование, которое носило, по существу, централизованный характер и охватывало как материальное производство, так и социальную сферу. Например, в той же Саудовской Аравии две мощные государственные организации – Петромин и Сабик являлись главными инвесторами, организаторами, а также распределителями подрядов на строительство объектов между иностранными и местными частными фирмами.

В результате в аравийских странах в 1960–1980-е годы сложился весьма своеобразный государственный сектор. Он приобрел внешние черты государственно-монополистического капитализма, если считать, что основной промышленный потенциал номинально принадлежал государству в лице обуржуазившихся монархических кланов. В то же время госсектор этих стран не утратил свойств,

характерных для докапиталистических структур, поскольку он сознательно насаждался феодально-монархическими режимами и использовался одновременно для стимулирования капиталистического развития и сохранения традиционных социально-политических структур.

Наряду с этим, правящие круги аравийских монархий важным элементом стратегии становления национального хозяйства считали расширение частнокапиталистического предпринимательства. В многочисленных правительственных заявлениях и в ряде официальных документов госкапиталистический сектор рассматривался как инструмент, призванный создать необходимые экономические условия для функционирования частного капитала.

В **Саудовской Аравии** первые шаги по стимулированию предпринимательской деятельности были предприняты в начале 1960-х годов. Так, в мае 1962 г. был принят закон о защите национальной промышленности, предусматривавший отмену таможенных пошлин на ввоз машин, оборудования, запчастей и некоторых видов промышленного сырья и полуфабрикатов, что создавало благоприятные условия для привлечения частного капитала к активному участию в осуществлении планов экономического развития.

Учитывая, что в указанный период подавляющее большинство предпринимателей создавали компании совместно с иностранными фирмами, а также то, что местным бизнесменам недоставало средств, опыта и знаний, правительство приняло в 1964 г. закон об иностранных инвестициях, предоставлявший иностранному капиталу те же привилегии, что и национальному. В 1974 г. был создан Saudi Industrial Development Fund (SIDF) для кредитования частных инвесторов, а в 1984 г.— National Industrialization Company (NIC) с целью поощрения и контроля над инвестированием частных предпринимателей. К началу 1990-х годов капитал SIDF достиг 8 млрд сауд. риалов, а число предоставленных займов — 1404 на сумму в 18,7 млрд сауд. риалов (11, с. 778).

Эти, а также другие поощрительные меры привели к тому, что, например, число саудовских частных предприятий в обрабатывающей промышленности с количеством занятых 10 чел. и более выросло с 746 в 1970 г. до 2255 в 1990 г., или более чем в три раза (11, с. 778).

Правительство **Кувейта** в рассматриваемый период также уделяло внимание расширению деятельности частного капитала. С этой целью устанавливались пониженные пошлины на ввоз машин, оборудования, строительных материалов и сырья, местным предпринимателям предоставлялись налоговые льготы.

В 1970—1980-е годы кувейтские предприниматели, хотя по-прежнему и предпочитали, как и в других арабских странах Персидского залива, по-прежнему вкладывать деньги в торговлю, банковское дело, недвижимость, видя в этом меньше риска и надеясь на более значительную прибыль, в эмирате заметно увеличилось количество частных предприятий фабрично-заводского типа, а также различного рода мелких мастерских. Так, если в конце 1970-х годов в Кувейте насчитывалось всего чуть больше 2 тысяч промышленных предприятий с числом занятых свыше 10 чел., то во второй половине 1980-х годов их количество уже превысило 3 тыс. (13, с. 84).

Тем не менее, частный аравийский капитал, как и в других арабских странах, в рассматриваемый период в основном оставался еще «семейным», он не поднялся до уровня акционерных предприятий. Сфера деятельности «семейных» капиталов была слабо специализирована. Одни и те же семейства занимались подрядами, торговлей, строительством, финансовыми операциями в своих странах и за границей, владели предприятиями. Заметим, что узкий круг крупных предпринимателей был тесно связан деловыми узами с правящими элитами аравийских монархий.

Несмотря на определенное усиление позиций частного предпринимательства в хозяйственной жизни всех шести арабских стран Персидского залива к началу 1990-х годов, практически все сектора экономики аравийских монархий зависели от притока государственных капиталовложений, а подавляющая часть трудовых ресурсов Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, Катара, Омана и Бахрейна приходилась на государственный сектор. В результате на государственных предприятиях производилась преобладающая доля ВВП большинства рассматриваемых стран.

Основные тенденции хозяйственного развития арабских стран в 1990–2000-е годы

К началу 1990-х годов в экономике арабских государств Ближнего Востока и Северной Африки стали нарастать кризисные явления. Роль главного дестабилизирующего фактора сыграло снижение цен на нефть на мировом рынке и, как следствие, уменьшение доходов нефтедобывающих стран, что негативно сказалось на всех других частях региона. Крах надежд на то, что «нефтяное процветание» будет вечным, обусловил кризис политических концепций и внес коррективы в социально-экономические планы ближневосточных лидеров.

В результате правительства стран Арабского Востока в 1990–2000-е годы были вынуждены предпринимать усилия по перестройке хозяйственной сферы, активизировали борьбу за достойное место в системе международного разделения труда. Особую роль в этом процессе играли такие направления как либерализация в сфере экономики и внешнеэкономических связей, разгосударствление и приватизация собственности, создание современных финансовых инструментов, свойственных рыночным экономикам.

Как уже отмечалось, после обретения независимости в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки возникли общества авторитарного типа с гипертрофированной ролью государства в экономике и других областях жизни этих государств. Сформированный для выполнения производственных, а также регулирующих и распределительных функций государственный сектор и разросшаяся на его основе бюрократическая буржуазия со временем превратились в осязаемый тормоз развития, содействуя нарастанию массы негативных явлений, в частности коррупции, бесхозяйственности, затратных в целом методов хозяйственной деятельности. Это консервировало низкую эффективность аппарата управления, отрицательно сказывалось на работе всего воспроизводственного механизма.

Необходимость преодоления негативных факторов и ускорения хозяйственного роста привела к тому, что в рассматриваемый период рыночные преобразования превратились в характерную черту регионального экономического пространства. При этом либера-

лизационные и приватизационные программы, к осуществлению которых приступило большинство арабских стран в 1990-е годы, имели более значительные шансы на успех, чем попытки подобных реформ в предшествующий период. Такой вывод обусловлен, прежде всего, тем, что многие факторы, ранее препятствовавшие экономическому реформированию, в определенной мере утратили свое былое значение. Так, заметно снизилось сопротивление рыночным преобразованиям со стороны различных оппозиционных сил, в частности, предпринимательской элиты, которая была вынуждена брать на себя все более значительные политические и экономические риски, поскольку государство уже не могло обеспечить ей прежний уровень протекционизма. К этому следует добавить, что в 1990–2000-е годы в арабском обществе возросла экономическая сила средних предпринимательских групп, не связанных непосредственно с политической и бюрократической верхушкой и заинтересованных в рыночных реформах.

Безусловно, специфические внутренние и внешние условия, степень подготовленности к рыночным реформам предопределили особенности их проведения в конкретных арабских странах.

Назревшую потребность в переменах в рассматриваемый период наглядно продемонстрировал **Египет**, где руководство начало в 1991 г. осуществление комплексной программы экономических реформ. Поскольку исследованию процесса преобразований в АРЕ в 1990–2000-е годы посвящена специальная монография автора (см. в списке литературы под номером 8), здесь целесообразно остановиться лишь на основных направлениях и определенных результатах, достигнутых страной на пути создания рыночноориентированной модели экономики.

В стране в ходе осуществления экономических реформ было разработано, дополнено и принято несколько десятков нормативных актов, которые легли в основу законодательной базы проводимых преобразований и способствовали совершенствованию системы регулирования экономики и ускорению хозяйственного роста. Так, в соответствии с новым налоговым законодательством, вступившим в силу в 2006 г., максимальная ставка налога на прибыль была снижена с 42% до 20%, а подоходного налога – с 32% до 20% (минимальная ставка – с 20% до 10%). Исключение было

сделано лишь для компаний нефтегазового сектора, которые по-прежнему должны были платить 40,55% (14).

Центральное место в реализации программы структурной перестройки египетской экономики в 1990-е годы занимала приватизация государственной собственности. В течение двух этапов, которые охватывали период с 1994 г. по 1998 г., разгосударствлению подверглись около 40% структур госсектора, подпадавших под действие закона № 203 (15, 1999). Важно при этом отметить, что, как показали итоги выборочного обследования нескольких десятков компаний текстильной, пищевой, химической, электротехнической и цементной промышленности, а также строительных фирм, проведенного Министерством государственных предприятий Египта, показатели деятельности большинства из них после смены собственности заметно улучшились (8, с. 24).

В 2000-е годы осуществление приватизации в АРЕ было не только продолжено, но и приобрело некоторые новые черты. В частности, в 2004 г. была принята программа управления активами (asset management programme) и начались поиски путей решения проблем, с которыми столкнулось правительство в процессе приватизации государственных предприятий в предшествующий период. В результате в 2004–2007 гг. в сфере разгосударствления был достигнут заметный прогресс. Так, в указанные годы в частные руки перешли 74 египетские фирмы. Доходы от продажи активов этих компаний оказались самыми весомыми со времени начала реализации приватизационной программы в стране в 1991 г. (2, 26.06.2006).

Вместе с тем в центре структурных преобразований в Египте в 2000-е годы оказалась банковская сфера, в частности, вследствие принятия в 2003 г. закона о банковской деятельности. Основная цель разработанной на базе этого нормативного акта программы реформирования заключалась в создании в стране эффективной и конкурентоспособной финансовой системы. Данный документ предусматривал консолидацию банковского сектора, сокращение числа банков и приватизацию крупных государственных банков. Продажа 80% государственного «Bank of Alexandria» в 2006 г. стала крупнейшей приватизационной сделкой в АРЕ. В том же году правительство Египта продало свои доли в тринадцати коммер-

ческих банках. Ряд египетских банков перешел под иностранный контроль.

Центральный банк Египта (ЦБЕ), увеличив в соответствии с законом о банковской деятельности коэффициент достаточности собственного капитала (соотношение собственных средств и активов), стремился способствовать укреплению финансового положения банков и наращиванию их капитальной базы. Банковские компании с недостаточным резервным капиталом были вынуждены объединяться с другими или прекращать свою деятельность. Так, в 2006 г. семь банков добровольно участвовали в слияниях, шести – пришлось согласиться на сделки подобного типа, столько же подверглись ликвидации, начал работу один новый банк. В результате банковский сектор АРЕ, признанный чрезмерно распыленным до начала реформирования, стал насчитывать в 2007 г. 34 структуры вместо 57 в сентябре 2004 г. (15; 10–16.04.2009).

В 2000-е годы ЦБЕ стал более независимым и активным, устанавливая с 2005 г. новые рамки для интервенций с использованием межбанковской процентной ставки и принимая меры по либерализации рынков. Наряду с этим, заметно улучшился надзор за банковской деятельностью, была проведена реорганизация коммерческих банков для придания большей эффективности банковскому сектору. Финансовые посредники (между конечными заемщиками и источниками финансовых ресурсов) гораздо успешнее, чем раньше, справлялись со своими функциями по предоставлению фондов предпринимательским структурам.

Выход на местный рынок иностранных банковских компаний способствовал усилению конкуренции, что, в свою очередь, создало условия для вывода на качественно новый уровень операций по управлению рисками. С этой целью ЦБЕ основал систему кредитных агентств, собирающих информацию о заемщиках и выполнении ими обязательств. Эти учреждения начали предоставлять клиентам справки о заемщиках с тем, чтобы повысить надежность оценок их кредитоспособности и оптимизировать решения о предоставлении заемных средств.

Развитию финансовой системы АРЕ в целом способствовал также динамичный рост рынка капиталов. Структурные реформы и либерализация валютного и инвестиционного законодательства

стимулировали усиление интереса к египетскому рынку со стороны иностранных инвесторов и увеличение вследствие этого притока прямых иностранных инвестиций в страну.

Серьезные преобразования осуществлялись во внешнеэкономической сфере, что нашло отражение, в первую очередь, в либерализации таможенно-тарифной системы. Египет в 1990–2000-е годы более активно использовал такое свое конкурентное преимущество, как территориальная близость в качестве ближневосточной и одновременно африканской страны к Европе и Азии, для расширения сбыта продукции на внешних рынках, Были заключены важные торгово-экономические соглашения, в том числе и о свободной торговле, с рядом зарубежных государств.

В целом на протяжении 1990–2000-х годов Египет постепенно отказывался от директивных методов управления экономикой в пользу либерализации, что, наряду с проведением в жизнь программы приватизации, способствовало снижению роли государственного сектора в хозяйственной жизни республики. В то же время шаги в направлении более рыночноориентированной экономики стимулировали развитие местного частного предпринимательства и иностранного инвестирования.

Хозяйственный спад 1980-х годов в **Аравии**, вызванный ухудшением конъюнктуры мирового рынка нефти, с одной стороны, отчетливо высветил объективную необходимость реформирования экономик арабских стран Персидского залива и создания элементов рыночных механизмов. С другой, резкое падение нефтяных доходов в тот период ясно продемонстрировало назревшую потребность в экономической либерализации и диверсификации, постепенном отказе от политики, построенной на высоком уровне государственных расходов, радикальном пересмотре путей и методов управления экономикой.

Пытаясь найти выход из создавшихся трудностей и укрепить основу для динамичного развития в будущем, правящая элита большинства аравийских монархий приступила в 1990-е годы к осуществлению программ экономической либерализации. В этих государствах заметно активизировались усилия по стимулированию частнопредпринимательской деятельности, расширению сфер

приложения частного капитала, освобождению его от длительных процедур лицензирования, контроля над ценами, ограничений на импорт и т.д. В странах Залива была оживлена деятельность или вновь созданы фондовые биржи. Правительства объявили о своей готовности продать часть государственных активов. Кроме того, в аравийских монархиях в 1990-е годы началась подготовка законодательной базы и регулирующих институтов, необходимых для проведения реформирования национальных хозяйств.

Саудовская Аравия

К проведению экономических реформ с целью создания условий для постепенного перехода к рыночной экономике королевство подталкивало накопление комплекса негативных социально-экономических факторов, а также поиск способов ускорения экономического роста. Руководство страны, как показывает анализ, осознало пагубные последствия сохранения значительного дефицита государственного бюджета, невозможность осуществить структурную перестройку и достичь сбалансированного развития общественного производства только за счет более высоких цен на нефть. Помимо этого, появилось понимание, что политика сдерживания государственных расходов недостаточна для поддержания высоких темпов экономического роста и необходимого уровня инвестиций. «Поворот к частному сектору делает бюджет более независимым» – эта точка зрения отражала суть нового подхода государства и была выражена главным экономистом Национального коммерческого банка Саудовской Аравии. По общему мнению, «по мере укрепления своих позиций частный капитал перестанет рассматривать государство как свою опору. Процесс воспроизводства станет менее зависимым от нефтяного сектора» (16; 5.04.1996).

Многие аналитики в качестве ключевого пункта экономической реформы рассматривали либерализацию фондового рынка страны, начало которому было положено в 1997 г. решением Валютного агентства Саудовской Аравии (ВАСА, Центральный банк), одобрившим создание Саудовско-американским банком (Samba), базирующимся в Лондоне, совместного фонда – Saudi Arabian Investment Fund. В соответствии с этим решением, всем

иностранным инвесторам было разрешено осуществлять сделки на рынке ценных бумаг королевства.

Реформа фондового рынка Саудовской Аравии была необходима, поскольку, несмотря на более высокую капитализацию по сравнению с любой другой арабской страной (около 48 млрд долл. в 1996 г.), он являлся относительно неликвидным: оборот, например, в 1996 г. составил лишь 15% общей капитализации (2; 30.02.1997).

В середине 1990-х годов на фондовом рынке королевства оборачивались акции лишь 70 компаний, многие из которых являлись акционерными обществами закрытого типа. С целью привлечения на рынок ценных бумаг страны крупных семейных фирм Министерство коммерции в июле 1997 г. выпустило инструкцию, впервые предусматривавшую, чтобы частные фирмы, трансформирующиеся в акционерные компании открытого типа, владели капиталом не менее 75 млн сауд. риалов. (20 млн долл.) [16; 21.11. 1997]. В этой связи появилась надежда, что разработка четкого критерия и относительно небольшой размер требуемого минимального капитала будут стимулировать саудовских бизнесменов, владеющих семейными фирмами, начать операции на фондовом рынке. Однако требование инструкции, чтобы доход на акцию составлял, как минимум, 10% в течение пяти лет до включения компании в листинг, рассматривался некоторыми предпринимателями как слишком жесткое.

Следует отметить, что в 1990-е годы процесс акционирования в Саудовской Аравии развивался медленно. Саудовские компании все еще находились на стартовой позиции по сравнению с их соседями по Персидскому заливу или ведущими египетскими семейными фирмами. В качестве первого шага к последующим преобразованиям они избирали превращение в закрытые акционерные общества. Так, в конце 1990-х годов саудовская Az-Zamil Group создала закрытую акционерную компанию Az-Zamil Industrial Investment Co., 60% капитала которой принадлежало членам семьи. Остальная часть была размещена среди местных предпринимателей, а также инвесторов из стран ССАГПЗ.

В подобную структуру превратились и две другие семейные структуры королевства – Ahmed H. Fitaihi Company of Jeddah

и National Commercial Bank (NCB) – крупнейший частный банк на Ближнем Востоке. При этом новые инвесторы Fitaihi получили 25% акций. Владельцы NCB продали 20% акций банка восемнадцати новым акционерам, начав тем самым процесс, который мог со временем привести к открытой подписке (17, с. 3).

Вторая половина 1990-х годов стала в определенном смысле переломным периодом и с точки зрения перехода саудовского руководства от декларативных заявлений о готовности предпринять решительные шаги по активизации частнопредпринимательской деятельности, расширению участия частного капитала в экономическом развитии страны к практической реализации этой политики.

Весной 1997 г. саудовское правительство выступило с предложениями по реструктуризации электроэнергетики королевства. Основной акцент в них делался на замену четырех убыточных государственных компаний, действующих в этой сфере, новой горизонтальной структурой, которая должна была создать самостоятельные подразделения с привлечением частного капитала для производства, передачи и распределения электроэнергии (15; 18.04.1997).

Важное значение саудовское руководство придавало привлечению частного сектора в сферу коммунальных услуг. Так, в 1995 г. Королевская комиссия по Джубейлю и Янбу (двум крупнейшим промышленным зонам королевства) объявила о плане создания специальной частной компании для удовлетворения растущего спроса на энергию, питьевую воду и охлажденную морскую воду, а также другие коммунальные услуги.

В планах саудовского руководства по созданию условий для продвижения к рыночной экономике и уменьшению бремени, которое несет государство, немаловажное место отводилось в 1990-е годы и приватизации ряда государственных компаний. В процессе разгосударствления в этот период находилась Saudi Arabian Airlines (Saudia, реорганизация которой началась в 1996 г.) Во второй половине 1990-х годов правительство объявило о возможной продаже 30% акций высоко прибыльной промышленной корпорации Сабик, что должно было привести к сокращению доли государства в ее капитале до 40% (с учетом продажи 30% акций в 1987 г.). Кроме

того, были одобрены рекомендации Администрации саудовских морских портов (Seapa), касающиеся последовательной приватизации в сфере портовых услуг, ремонтных служб и управления (2; 30.10.1997).

Опираясь на результаты шагов, предпринятых в предшествующее десятилетие, руководство Саудовской Аравии в 2000-е годы основной упор в сфере реформирования экономики в 2000-е годы сделало на преобразования, ориентированные в первую очередь на облегчение стартовых условий для предприятий малого и среднего бизнеса. Королевство отменило требование к минимальному капиталу для новых бизнесов (согласно прежним правилам, предприниматель должен был разместить на банковском депозите определенную сумму денежных средств до начала функционирования бизнеса), ускорило процесс выдачи разрешений на строительство и ввело принцип «одного окна» при регистрации компаний.

Ускорение выдачи разрешений на строительство в стране заключалось, в частности, во внедрении в практику однодневной процедуры. Строители в Саудовской Аравии, в соответствии с новыми правилами, могли приобретать в течение одного дня временные разрешения, позволявшие им начинать строительство, а постоянные разрешения (a final business permit) – в течение недели. Начать бизнес в стране стало значительно проще после создания нового офиса при Министерстве коммерции, что ускорило регистрационные процедуры и облегчило выполнение требований о публикации.

В других арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки, в 1990–2000-е годы также осуществлялись экономические преобразования, которые включали в себя реорганизацию систем государственного управления с одновременным повышением роли рыночных рычагов и механизмов (налогов, тарифов, процентных ставок и т.п.), либерализацию экономики и внешнеэкономических связей, приватизацию государственной собственности, стимулирование развития частного предпринимательства, меры по улучшению инвестиционного климата. Характер, последовательность, масштабы и темпы реформ определялись доминирующими в той

или иной стране экономическими, социальными и политическими условиями.

В докладе Всемирного банка «Doing Business 2010», в частности, утверждалось, что в 2000-е годы арабские страны реформировали правила ведения предпринимательской деятельности быстрее, чем государства в других регионах мира (18). При этом эксперты банка отмечали, что преобразования в сфере регулирования бизнеса осуществлялись по всему региону. Так, в 2008–2009 гг. в семнадцати из девятнадцати арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки были проведены подобные реформы. Иордания, например, облегчила условия для начала бизнеса и оплаты налогов, распространила принцип «одного окна» на получение разрешений на строительство для средних компаний и предприятий, снизила налоги при передаче прав собственности и предприняла масштабные судебные реформы.

Одна из беднейших арабских стран – Йемен в 2008 г. стал самым успешным реформатором с точки зрения упрощения требований при открытии новой компании среди 49 государств, где были облегчены стартовые условия. После проведения этих мер для того, чтобы запустить новый бизнес, требовалось в среднем 12 дней. Такой же срок для начала бизнеса был установлен в Омане и Марокко.

В арабских странах реализовывались и другие рыночные преобразования. Так, в Марокко в 2009 г. было открыто первое кредитное бюро, а Тунис укрепил защиту прав инвесторов и смягчил правила торговли. В Алжире произошло упрощение административного процесса выдачи разрешений на строительство. Здесь же в результате принятия нового кодекса гражданских процедур была усовершенствована система принудительного исполнения контрактов. Кроме того, в Алжире были резко сокращены ставки налогов. В частности, корпоративный налог на прибыль был снижен с 25% до 19% в сфере туризма, строительства и общественных работ, а также в производстве товаров.

Наряду с этим, важно подчеркнуть, что, несмотря на живучесть традиционализма в арабском обществе, в условиях нараставшей в мире в 1990–2000-е годы глобализации и развивавшегося в рассматриваемом регионе процесса модернизации набирали силу но-

вые тенденции. Компьютеры и многообразные информационные системы, спутниковая связь становились обычной принадлежностью предприятий современных секторов экономики. Набирала силу децентрализация управления предприятиями, создавались их филиалы, велось краткосрочное планирование, внедрялся маркетинг, усиливалась специализация различных производственных, торговых, обслуживающих и других структур.

В 2000-е годы в арабских странах довольно активно развивался процесс акционирования семейных компаний. Так, в 2000–2008 гг. частные акционерные компании увеличили свои фонды почти до 20 млрд долл. (19). За тот же период они инвестировали около 9 млрд долл. До 2005 г. инвестиции частных акционерных компаний в регионе Ближнего Востока и Северной Африки были незначительными, в 2000–2004 гг. они оценивались в 500 млн долл. После 2005 г. ситуация изменилась, так как региональный «нефтяной бум» заметно расширил инвестиционные возможности. В 2006 г. частные акционерные инвестиции в арабском регионе достигли 1,75 млрд долл., а в 2007 г. они увеличились до 3,5 млрд долл. (15; 22–28.05.2009). В условиях возросшей инвестиционной активности стал крупнее объем отдельных сделок. Так, если в 2005 г. около 91% частных инвестиций приходилось на миноритарные пакеты акций компаний, то в 2007 г., по мере расширения фондов для инвестирования, доля приобретений крупных пакетов акций повысилась до более, чем двух третей состоявшихся частных акционерных сделок.

Некоторые итоги рыночных реформ в арабских странах

Оценивая фактические достижения рыночных реформ, проводившихся в арабских странах в 1990–2000-е годы, необходимо отметить, что они достаточно скромны, что обусловлено комплексом факторов, среди которых следует выделить социально-политический.

Арабская правящая элита была вынуждена в условиях серьезного ухудшения социально-экономического положения в 1980-е годы в большинстве стран региона приступить к реализации различных программ рыночных преобразований. Однако, она не желала выпускать рычаги управления экономикой из своих рук, искала паллиа-

тивные решения, консервируя неэффективные методы хозяйствования, в ряде случаев шла на ухудшение условий воспроизводства, пыталась сохранить социальную структуру режимов и не утратить власть. Это порождало двойственность экономической политики и практики, непоследовательность и половинчатость решений.

Экономические реформы также пугали арабскую бюрократию. Сложившаяся система управления экономикой обеспечивала работой и чувством социальной значимости немалую армию государственных служащих. Их труд оплачивался достаточно высоко, они пользовались такими льготами, как жилье, транспорт, пенсионное обеспечение, наряду с возможностями коррупции и протекционизма. Привычный образ их жизни мог быть изменен в результате реформ, и государственные служащие арабских стран действовали инстинктивно, препятствуя развитию этих процессов. Ближневосточные и североафриканские правительства принимали во внимание точку зрения бюрократии, так как хорошо осознавали, что если потеряют доверие этой части общества, то могут быть подорваны изнутри и стать более уязвимыми перед давлением низов населения.

Практика осуществления рыночных преобразований в Египте в 1990–2000-е годы подтверждает сделанные выводы. Так, руководство АРЕ, понимая, что фундаментальные изменения в положении государственного сектора и ускоренный процесс приватизации не только ослабляют социальную базу его поддержки, но и угрожают его политическому и материальному благополучию, предпочло отсрочить ряд важных приватизационных шагов (подробнее см. 8).

Что касается арабского частного сектора, то бизнес-элита, которая зачастую была близка к местным режимам или даже являлась одной из их составляющих, оказывала весьма заметное влияние на формирование реформаторских усилий своих правительств, а также на определение результатов и получение выгод от принимавшихся мер, тогда как малый и средний бизнес был слишком слаб, чтобы воздействовать на процесс реформ. В результате, наибольшие преимущества от усилий по стимулированию развития частного сектора получили предприниматели, имевшие связи в правительствах или военных структурах арабских стран. Важно в этой связи подчеркнуть, что стремление правящих элит и круп-

ного бизнеса сохранить свои привилегии в современном и будущем устройстве своих стран являлось одним из серьезных факторов, порождавших оппозиционные по отношению к реформам настроения в регионе.

Как уже отмечалось в данной работе, одним из основных направлений реформирования экономик арабских стран в 1990–2000-е годы являлось принятие мер, направленных на активизацию и углубление участия частного сектора в хозяйственной жизни путем приватизации государственной собственности, улучшения условий для ведения бизнеса, включая отказ от чрезмерно сложной системы регулирования и ликвидацию барьеров при переводе капитала и его репатриации, упрощение доступа к финансированию для малых и средних предприятий, облегчение процедур при осуществлении внешнеторговых операций и др. Однако даже в самых продвинутых государствах Ближнего Востока и Северной Африки в конце рассматриваемого периода продолжал существовать достаточно большой разрыв между отдельными составляющими системы регулирования предпринимательства и делового климата. Так, несмотря на то, что Саудовская Аравия возглавляла мировые рейтинги по скорости регистрации собственности, она занимала 140-ю позицию в области исполнения контрактов. Еще более ощутимы были различия между отдельными арабскими странами. Например, в той же Саудовской Аравии для того, чтобы открыть новую компанию, требовалось всего пять дней, в Кувейте – 35 дней (20, с. 262).

В целом в регионе сохранялось множество проблем, мешавших эффективному ведению частного бизнеса. Значительное время занимало получение лицензий и реализация контрактов. Компаниям в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки требовалось в среднем 3,5 года, чтобы завершить процедуру банкротства, то есть почти в два раза больше времени, чем в развитых государствах. Явно недостаточным оставался уровень компетентности местных судов в разрешении коммерческих споров. Согласно анализу американской организации «Heritage Foundation», вынесение решений по судебным коммерческим искам, например, в Египте в среднем занимало шесть лет. По данным Всемирного банка, для регистрации собственности в АРЕ требовалось 190–200 дней. Эти и другие трудности негативно воздействовали как на

местных предпринимателей, так и на иностранных инвесторов, снижая их заинтересованность в развитии бизнеса и наращивании активов. В итоге достаточно ограниченным оказывался перечень выгод, которые арабские страны могли бы извлечь из более интенсивного участия частного сектора в хозяйственной жизни собственной страны, а также благодаря притоку прямых инвестиций из-за рубежа.

Ускорение проведения преобразований в рассматриваемых государствах во многом сдерживалось неразвитостью фондовых рынков, которая, в свою, очередь, была обусловлена сохранявшимся «семейным» характером арабского частного капитала.

ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Модернизация материально-технической базы производства, происходившая в арабском мире в течение последних нескольких десятилетий под влиянием изменившихся запросов и потребностей национального государства и общества наряду с совершенствованием инфраструктурного комплекса, а также сдвиги в социальных процессах, использование внешних факторов развития создали в ряде случаев благоприятные предпосылки для изменения условий воспроизводства и структуры общественного продукта, которые, в свою очередь, привели к улучшению макроэкономических показателей, способствовали определенному росту темпов производства, объемов и номенклатуры выпускаемой продукции.

В этой связи важно напомнить, что в 70-е годы прошлого столетия возможности для успешного экономического развития арабского региона создал энерго-сырьевой кризис, возникший в мировом капиталистическом хозяйстве. В условиях дефицита ряда видов минерального и сельскохозяйственного сырья на мировом рынке арабские страны сумели частично или полностью (в нефтегазовом хозяйстве) овладеть нефтяной рентой, повысить цены на экспортируемое сырье, расширить масштабы накопления в стоимостной форме и на этой основе ускорить темпы экономического роста всего региона.

Достаточно репрезентативно выглядели в указанный период

темпы прироста ВВП арабского мира. В среднем они опережали аналогичные показатели по развитым и развивающимся странам, а в отдельные годы превосходили их более чем вдвое: 8,7% в 1970–1975 гг. против 3,5% в развитых и 6,6% в развивающихся государствах (21, с. 12).

В 1980-е годы темпы прироста ВВП в арабском регионе заметно снизились главным образом в связи с изменением конъюнктуры на мировом рынке жидкого топлива, уменьшением вывоза нефти из исследуемых стран и падением цен на энергоносители. Так, среднегодовые темпы прироста ВВП в арабских странах в 1983–1984 гг. упали до 1,8% по сравнению с 4,6% в развитых и 2,7% в развивающихся государствах в целом (21, с. 14).

Последствия продолжительного хозяйственного спада в ближневосточных странах в 1980-е годы были в основном преодолены к середине 1990-х годов, а к концу указанного десятилетия экономическое развитие заметно ускорилось. Об этом наглядно свидетельствуют данные о повышении среднегодовых темпов прироста ВВП в арабском мире. Если в 1991–1997 гг. они находились на отметке в 2,9% против 1,0% в 1981–1990 гг., то в 1998 г. и 1999 г. поднялись до 3,5% и 4,4% соответственно (2; 4.02.1999; 19.09.1998).

Что касается истекшего десятилетия, то до начала глобального финансово-экономического кризиса в 2008 г. арабский регион переживал период динамичного и успешного развития благодаря высоким ценам на нефть, притоку прямых иностранных инвестиций и растущему внутреннему спросу. Так, в 2000–2007 гг. среднегодовой прирост ВВП арабских стран превышал 5%.

Экономическому росту в арабских нефтеэкспортерах в 2000-е годы, помимо благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, содействовали и другие факторы:

– подъем в ненефтяном секторе, связанный со ставшими возможными благодаря крупным нефтяным доходам правительственными ассигнованиями;

– приток прямых иностранных инвестиций;

– быстрое увеличение объемов частного кредитования.

Арабские страны, импортирующие углеводородное сырье, также извлекли выгоды из регионального экономического бума и возросшего внутреннего спроса. В частности, инвестиции из стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) в экономику Египта, Иордании и Ливана выросли почти на 17% в 2007 г. и примерно на 19% – в 2008 г. (15; 2–8.01.2009).

На экономику региона в докризисный период благотворно влияло улучшение климата для предпринимательской деятельности,

что способствовало росту частных инвестиций. Такую же роль в арабских странах играла реализация общественных проектов, призванных устранить «узкие места», число которых существенно увеличивалось из-за быстрого роста населения. Речь шла, прежде всего, о сфере инфраструктуры и жилищной проблеме. И все же главными двигателями экономического роста в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки в 2000-е годы являлись высокие цены на нефть и приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

Глобальный финансово-экономический кризис привел к резкому снижению мировых цен на нефть. Так, если в июле 2008 г. этот важнейший углеводород подорожал до рекордного уровня в 147 долл. за баррель. то в период обострения неурядиц в мировой экономике он подешевел до 32 долл. Падение нефтяных доходов нанесло ущерб не только экономике арабских нефтедобывающих государств, но и всего региона в целом.

Наряду с этим, дефицит заемных средств в мире негативно повлиял на приток прямых иностранных инвестиций в арабские страны. Они сократились с 64 млрд долл. в 2007 г. до 60 млрд долл. в 2008 г. и до 51 млрд долл.– в 2009 г. Это было связано:

– со спадом в экономике развитых стран;

– нежеланием ТНК рисковать в неблагоприятных условиях финансовыми средствами;

– с замораживанием ряда инвестиционных проектов в арабских государствах (22).

В результате усилилось давление на местные рынки недвижимости и капиталов, ухудшились внутренние условия для быстрого превращения активов или пассивов в наличность, а также возможности для получения ликвидных ресурсов на финансовых рынках. В ряде стран возникла напряженность в области финансов, государственные инвестиционные фонды понесли потери от вложения средств за рубежом. Существенный спад спроса на внешних рынках оказал сдерживающее влияние на рост экспорта, денежные переводы соотечественников, работающих за рубежом и доходы от туризма (Египет, Иордания и Ливан).

Важно отметить, что в 2008 г. основную часть ПИИ (76%) в регионе получили три страны – Саудовская Аравия, ОАЭ и Египет.

Именно они сумели создать на своей территории благоприятный для инвесторов климат. Приватизация ряда государственных предприятий в Египте способствовала росту прямых зарубежных инвестиций в этой стране. Открытие некоторых секторов для инвесторов, например, строительства, привело к увеличению притока иностранного капитала в Объединенные Арабские Эмираты. Саудовская Аравия в 2008 г. получила ПИИ в объеме 22,0 млрд долл. (24,4 млрд долл. в 2007 г.). Инвестиции этого типа поступали в основном в сектор недвижимости королевства (21%), нефтехимическую (16%) и добывающую промышленность (10%),

Однако приток прямых иностранных инвестиций в указанные три страны в абсолютном выражении снизился, в том числе:

– в ОАЭ они составили 13,7 млрд долл., то есть были на 3,2% меньше, чем в 2007 г.;

– в Египте они сократились с 11,6 млрд долл. в 2007 г. до 9,5 млрд долл. в 2008 г.

Сокращения ПИИ имели место также в Кувейте, Омане и Йемене (4).

В то же время в пяти арабских странах – Бахрейне, Иордании, Ливане, Сирии и Судане – отмечался рост притока ПИИ. При этом в Ливане и Сирии в 2008 г. было зарегистрировано беспрецедентное увеличение зарубежных капиталовложений – до 3,6 млрд долл. и 1,3 млрд долл. соответственно. На арабские инвестиции пришлось почти 90% притока ПИИ в Ливан. Доля капитала, поступившего из Саудовской Аравии, составила 70%, из Кувейта – 20%. В отраслевой структуре ПИИ доминировали капиталовложения в сферу услуг: сектор недвижимости привлек 56% инвестиций, банковская сфера – 20%, туризм – 13%.

После возникновения глобального кризиса осенью 2008 г. в финансовой сфере арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки отмечалось усиление напряженности из-за:

– уязвимости банков; дестабилизации на рынке недвижимости и фондовом рынке;

– проблем с поступлением из-за рубежа ликвидных средств.

Важно отметить, что в арабских государствах, затронутых этими негативными процессами, реакция регулирующих органов оказа-

лась достаточно быстрой и своевременной. Ими были приняты меры по укреплению доверия хозяйствующих субъектов и предотвращению системного банковского кризиса. Среди таких инициатив можно выделить страхование вкладов (Кувейт, ОАЭ), обеспечение дополнительной ликвидности и финансовая поддержка банковского сектора (Катар, ОАЭ, Саудовская Аравия).

В этой связи следует особо подчеркнуть, что **Египет**, где экономические реформы, в частности, в банковской сфере, создали определенные гарантии того, что египетские банки пережили глобальный финансовый кризис с минимальным ущербом.

Что касается денежно-кредитной политики арабских стран в целом, то их центральные банки в период обострения глобального кризиса действовали, по мнению экспертов Международного валютного фонда, надлежащим образом, обеспечивая достаточную ликвидность, снижая резервные требования к банкам и сокращая базовые процентные ставки (Египет, Иордания, Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия). В такой обстановке страны, ориентирующиеся на фиксацию валютного курса относительно доллара, или «корзины валют» (Бахрейн, Катар, Кувейт, Ливия, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Сирия), извлекли определенные выгоды из ослабления жесткости денежно-кредитной политики США.

В арабских нефтедобывающих странах и государствах региона, импортирующих нефть, степень замедления экономического роста в 2009 г. оказалась примерно одинаковой, однако факторы, определившие падение темпов прироста ВВП были различными.

В группе стран-экспортеров нефти и газа наиболее заметное сокращение экономического роста наблюдалось в ОАЭ. Здесь уход иностранных инвестиционных фондов вызвал уменьшение ликвидных средств, спад на рынке недвижимости и фондовом рынке, усиление напряженности в банковском секторе. На другом «полюсе» находился Катар, ВВП которого в 2009 г. вырос, согласно оценке экспертов «Economic Intelligence Unit», на 14%. Макроэкономический подъем в этой стране стал возможным во многом благодаря удвоению добычи газа в указанном году.

Среди арабских стран, не входящих в группу нефтедобывающих, наиболее значительное падение темпов экономического роста отмечалось в Ливане. Объяснялось это проблемами с ликвидно-

стью, увеличивавшей расходы страны на обслуживание внешнего долга, а также снижением активности в экономике государств Персидского залива, что вело к сокращению денежных переводов работающих там ливанцев.

Ситуация в экономике арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки во второй половине 2009 г. начала постепенно улучшаться благодаря некоторой стабилизации в мировом хозяйстве, умеренному росту цен на нефть, а также антикризисным мерам правительств рассматриваемого региона. В результате, согласно оценке экспертов Института международных финансов, прирост совокупного валового внутреннего продукта арабских стран в 2010 г. составил 4,6% (5).

Сдвиги в развитии промышленности и инфраструктуры

Общие для всего арабского региона цели преодоления экономического отставания и ускорения развития предопределили необходимость акцента в государственной политике на модернизацию хозяйственных структур, создание промышленных секторов, обеспечивающих быстрый подъем всего общественного производства. Развитие промышленности трактовалось в расширительном смысле как планируемый государством процесс наращивания производственных мощностей прежде всего в ключевых отраслях хозяйства для реконструкции материально-технической базы национальной экономики и углубления общественного разделения труда. С формированием современных структур на индустриальной основе были связаны надежды на ускорение социально-экономической трансформации общества, ликвидацию докапиталистических укладов, архаических элементов.

Понятно, что конкретные условия арабских стран (размеры территории и численность населения, объем и набор природных ресурсов и т.п.) вносят существенные коррективы в стратегию экономического развития, в том числе и в области промышленности. Рассмотрим это на примере Египта и арабских государств Персидского залива.

В **Египте,** начиная с 1950-х годов, когда индустриализация стала важной составной частью государственной политики, в экономике

происходили структурные изменения, наблюдалось неуклонное повышение доли промышленности в ВВП при сокращении удельного веса сельского хозяйства.

В итоге структура ВВП к концу 2000-х годов заметно изменилась. Так, согласно данным Министерства планирования АРЕ, доля промышленности (включая добывающую) в 1,8 раза превысила соответствующий показатель 1960 г., достигнув примерно 30% валового внутреннего продукта. В то же время удельный вес сельского хозяйства снизился более чем вдвое – с 29% до 14%.

Ввиду отсутствия надежных статистических данных в ряде случаев представляет немалую трудность определение некоторых важных показателей, в том числе доли обрабатывающей промышленности в ВВП, темпов прироста продукции отрасли в целом и ее подотраслей. Четкое разделение между добывающей и обрабатывающей промышленностью проводится в египетской статистике далеко не всегда, не выделяются отдельно данные по тяжелой и легкой промышленности. По имеющимся оценкам, в конце 2000-х годов доля обрабатывающей промышленности Египта в ВВП составляла примерно 20%.

Развитие индустриального сектора было одним из заметных достижений правительства Ахмеда Назифа в 2004–2010 гг. В рассматриваемый период египетское правительство и деловые круги АРЕ пришли к более четкому осознанию, что недостаточно снизить налоги, внести определенные изменения в законодательство, осуществить приватизацию государственных предприятий и т.п., необходимо также проводить активную промышленную политику. Поэтому руководство страны при тесном взаимодействии с частным сектором принимало меры по стимулированию развития обрабатывающей промышленности и созданию новых рабочих мест.

Так, в октябре 2005 г. было объявлено о принятии Программы развития национальных поставщиков (National Suppliers Development Programme – NSDP), нацеленной на повышение качества египетских товаров при сохранении приемлемой стоимости, чтобы за счет этого сделать их привлекательными для транснациональных компаний (ТНК), действовавших а Египте, а также для местных фирм-экспортеров, активно участвовавших в конкурентной борьбе на внешних рынках. Реализация новой инициативы

должна была содействовать поставленной правительством цели – увеличить в два раза (до 10% в год) темпы роста обрабатывающей промышленности (2; 8.11.2005).

В соответствии с NSDP 100 транснациональным корпорациям и ведущим египетским экспортерам было предложено выбрать десять местных поставщиков, каждый из которых мог воспользоваться технической помощью международных консультантов для выявления причин отставания по эффективности работы и качеству выпускаемой продукции. Затем эти поставщики должны были получить доступ к банковским кредитам для совершенствования своей деятельности. Экспортеры, воспользовавшиеся выгодами от реализации указанной программы, дали согласие на подключение египетских поставщиков к глобальным сетям поставок. Одним из первых участников этой инициативы стала «General Motors» (GM), которой в Египте принадлежало самое крупное предприятие по сборке автомобилей.

Другим важным шагом в сфере промышленной политики Египта явилось создание в ноябре 2005 г. Агентства промышленного развития (Industrial Development Agency – IDA) вместо ранее существовавшей Генеральной организации промышленности. Агентство получило в наследство от старой структуры более 800 квалифицированных специалистов, распределенных между десятью техническими департаментами, охватывающими все аспекты промышленного сектора.

Перед этой организацией была поставлена сложная и масштабная задача: реализовать египетскую индустриальную стратегию, преследующую цель превратить АРЕ в ведущую промышленную страну на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Если конкретизировать данную цель в форме экономических показателей, это означало, что среднегодовой прирост промышленного производства в Египте должен был увеличиться с 5% в 2006 г. до 10% в последующий пятилетний период, египетский промышленный экспорт с 18 млрд ег. ф. до более 40 млрд ег. ф., число рабочих мест в отраслях индустрии – с 2,4 млн до почти 4,0 млн. (15; 9–15 March 2007).

В 2000-е годы в Египте значительная часть промышленной активности осуществлялась в построенных с этой целью парках или зонах. В стране на начало 2007 г. насчитывалось 86 подобных

структур, за развитие 19 из них отвечало Агентство промышленного развития.

IDA само по себе не являлось оператором промышленных зон, оно выполняло регулирующие функции. Это агентство получило мандат на создание благоприятных условий для развития частного предпринимательства на данных территориях, а также на разработку и проведение в координации с другими правительственными структурами политики, направленной на стандартизацию регулирующих процедур и статуса промышленных зон.

Анализ сдвигов в структуре обрабатывающей промышленности Египта в 1980–2000-е годы позволяет сделать вывод о том, что хотя традиционные отрасли – пищевая, текстильная, фармацевтическая и др.– все еще сохраняли свое значение, однако их удельный вес в добавленной стоимости снижался, а доля отраслей I подразделения возрастала.

Отмеченная тенденция нашла свое отражение и в том, что в указанный период в АРЕ довольно быстрыми темпами развивалось машиностроение, которое, однако, в значительной степени зависело от импорта компонентов изготовляемого оборудования.

В середине 1980-х годов было запущено несколько проектов в сфере автомобилестроения, когда американская General Motors и японская Isuzu создали совместное предприятие для производства легковых автомобилей и грузовиков типа «пикап». В последующие два десятилетия в Египте был построен еще ряд сборочных автомобильных заводов при содействии европейских и российских компаний. Самой успешной вновь созданной компанией стала Ghabbour Auto, производившая автомобили Hyundai.

В республике было освоено производство преимущественно из привозных деталей кондиционеров, стиральных машин, холодильников, телевизоров, радиоприемников, электрических светильников, а также электротехнического оборудования производственного назначения. Вместе с тем в АРЕ практически отсутствовало производство сложного, наукоемкого оборудования, в частности, энергетического, электронного, электротехнического, станков и т.п. В результате страна импортировала высокотехнологичное оборудование преимущественно из промышленно развитых государств.

Черная металлургия возникла в Египте фактически после июльской революции 1952 г. Наращивание объемов капитального строительства и повышение темпов роста египетской промышленности создали благоприятные условия для динамичного развития этой отрасли индустрии. Так, общие производственные мощности сталелитейных предприятий Египта выросли с 800 тыс. т в 1980 г. до 8,2 млн т в конце 2000-х годов, или более чем в 10 раз (23).

Активное участие в развитии черной металлургии АРЕ в последние три десятилетия начал играть частный сектор, удельный вес которого в производстве стали за это время увеличился в шесть раз и превысил 80%.

В то же время следует отметить, что, несмотря на ускоренное развитие черной металлургии, она до сих пор не в состоянии полностью удовлетворить быстро растущие потребности внутреннего рынка. Для их покрытия Египет вынужден импортировать до 20% необходимой стальной продукции.

Совершенно новой отраслью для Египта в период независимого развития стала алюминиевая промышленность. В Наг-Хаммади был построен крупный алюминиевый комплекс, работающий на привозном сырье и использующий дешевую электроэнергию ГЭС Асуанской плотины. Программа модернизации и расширения этого комплекса, осуществленная к началу 2000-х годов, позволила увеличить его мощности со 180 тыс. т до 250 тыс. т в год (23).

Египетское руководство уделяло также значительное внимание развитию таких отраслей обрабатывающей промышленности, во многом обеспечивающих сдвиги в материально-технической базе экономики в целом, как химия, нефтехимия, производство минеральных удобрений.

После 2004 г., в ходе масштабных реформ, в АРЕ осуществлялась модернизация предприятий химической промышленности, а также велось строительство новых заводов. Во всех секторах химического производства активизировался процесс приватизации. Благодаря этому данной отрасли удалось преодолеть стагнацию, которая отмечалась в 1998–2003 гг. В стране вырабатывались этилен, ксилол, глицерин, фенол, хлор, соляная и азотная кислота, каустическая сода и серная кислота, азотные и фосфорные удобрения. Во все возрастающих объемах выпускались химические во-

локна, было налажено производство камер и шин для велосипедов и мотоциклов, а также для автомобилей.

Важное значение в АРЕ в 1990–2000-е годы придавалось созданию дополнительных мощностей в производстве строительных материалов для выполнения проектов в сфере жилищного, дорожного, ирригационного и энергетического строительства, сооружения промышленных объектов как в освоенных, так и новых районах, а также в индустриальных зонах.

Значительная часть строительных материалов, использовавшихся в Египте производилась в рассматриваемый период местными предприятиями, примерно четверть импортировалась. При этом промышленность по производству стройматериалов функционировала в условиях относительно высокой защиты египетских продуцентов от конкуренции со стороны иностранных производителей.

В истекшие два десятилетия руководство АРЕ уделяло большое внимание развитию цементной промышленности, бурный рост производства которой превратил Египет из нетто-импортера цемента в одного из крупных экспортеров этого товара, входящих в группу десяти лидирующих по его поставкам за рубеж стран. Например, Suez Cement Company, располагавшая мощностями, достаточными для производства 8 млн т цемента в год, превратилась в рассматриваемый период в одну из ведущих компаний по производству этого важнейшего строительного материала на Ближнем Востоке. Общие мощности цементной промышленности Египта достигли 50 млн т в 2010 г.

Наряду со становлением и развитием новых отраслей, традиционные виды промышленности в Египте в прошедшие десятилетия не были преданы забвению. Однако, несмотря на то, что в 1990–2000-е годы заметно возросло внимание к легкой и пищевой промышленности, продукция которых была призвана удовлетворять основные потребности населения, эти старейшие отрасли экономики АРЕ сталкивались с серьезными трудностями, в частности, вследствие старения основного капитала, что вызывало необходимость реконструкции предприятий.

Фармацевтическая промышленность Египта – одна из старейших отраслей – была представлена в конце 2000-х годов тридцатью, в основном частными, предприятиями. Их продукция (в ней доми-

нировали лекарства общего назначения) удовлетворяла примерно две трети всех потребностей страны в фармацевтических товарах. Вместе с тем препятствиями для развития этой отрасли продолжала оставаться сильная зависимость от импорта исходных материалов, политика центральных властей в области ценообразования, несоответствие местного патентного законодательства международным стандартам.

Существенную роль в хозяйственной модернизации Египта сыграло создание весьма развитой по масштабам развивающихся стран электроэнергетики. Установленные энергетические мощности, достигли в конце 2000-х годов 23,5 ГВт против 4,0 ГВт в 1975 г., т.е. увеличение составило 5,9 раза (15; 31.12.2010–6.01.2011).

До начала 1980-х годов основным источником электроэнергии в АРЕ являлись гидростанции, на которых вырабатывалось около двух третей всей электроэнергии. Самая крупная гидроэлектростанция Египта – ГЭС Высотной Асуанской плотины, с вводом которой в эксплуатацию в 1970 г. значительно расширились производственные мощности в египетской промышленности.

В середине 1980-х годов суммарная производительность ТЭС превысила мощности ГЭС. Поскольку гидроэнергоресурсы Нила были освоены достаточно полно, и в дальнейшем, вероятно, основным источником останутся тепловые электростанции. Если ранее полагали, что к 2000 г. значительно возрастет роль атомных электростанций, то вопрос о целесообразности строительства АЭС в Египте в прошедшем десятилетии все еще оставался открытым. Более того, в стране форсировалось строительство новых тепловых электростанций.

В области инфрастуктуры АРЕ, создававшей необходимые условия для повышения уровня материально-технической базы производства и ее диверсификации, уделялось внимание выполнению проектов водоснабжения, строительству опреснительных и водоочистных сооружений, насосных станций, а также развитию всех видов транспорта (железнодорожного, автомобильного, трубопроводного, водного, воздушного) и связи.

В 2007 г. правительство АРЕ приняло обширную программу развития транспортной инфраструктуры, рассчитанную на пять лет. в частности, в соответствии с этой программой, планировалось

направить 8,5 млрд ег. ф. (1,48 млрд долл.) на модернизацию египетских железных дорог с целью повысить их безопасность и надежность, поскольку лишь одна четверть эксплуатировавшихся в стране локомотивов имели срок службы, превышавший тридцать лет. Обновление подвижного состава являлось актуальной задачей, особенно учитывая необходимость обслуживания более 1,5 млн пассажиров в сутки.

В течение двух лет (с октября 2007 г.) Министерство транспорта Египта израсходовало на строительство и реконструкцию железных дорог 2 млрд ег. ф. (355 млн долл.). Кроме того, планы правительства предусматривали, в частности, вложение 900 млн ег. ф. (165 млн долл.) в модернизацию 300 станций, проведение исследований, касающихся целесообразности строительства рядом с этими станциями новых объектов недвижимости и приобретение у канадской компании Electro Motive Diesels (ранее известной как GM Canada) узлов и деталей для сорока локомотивов, которые должны были собираться в Египте. Наряду с этим, согласно принятому в 2009 г. «Проекту реконструкции национальных железных дорог» (National Railways Restructuring Project), планировалось совершенствование сигнализации на линии Араб-аль-Рамл – Александрия и установка там централизованной системы управления движением, а также обновление 200 км путей на дорогах Каир-Асуан и Бенха-Порт-Саид. Помимо этого, проект был призван повысить эффективность работы управленческого и операционного персонала железных дорог.

Важное место в деятельности правительства Египта по развитию транспортного сектора экономики в прошедшие два десятилетия отводилось модернизации инфраструктуры портов и портового хозяйства страны. На северной оконечности Суэцкого канала был построен Контейнерный терминал, через который осуществлялась перевалка 20% трансграничных грузов в регионе с перспективой увеличения объема операций в два раза.

Среди других инфраструктурных проектов в области транспорта следует выделить строительство Каирского метро. После завершения его третьей линии, намеченного на 2020 г., должна быть создана 100-километровая сеть с ежедневным обслуживанием 5 млн пассажиров.

В секторе связи Египта (без учета стационарной телефонной сети) благодаря либерализационным и приватизационным усилиям в 1990–2000-е годы наблюдался значительный рост предпринимательской активности. В результате в стране в течение истекшего десятилетия активно развивался сектор информационных и коммуникационных технологий, в частности аутсорсинговых услуг. Следует подчеркнуть, что этот сектор демонстрировал устойчивый рост даже в условиях глобального кризиса. В конце 2000-х годов мобильной связью в АРЕ было охвачено 75% населения (60 млн абонентов). Рынок услуг широкополосного доступа в интернет как фиксированного, так и мобильного рос на 25% ежегодно и в конце рассматриваемого периода насчитывал 1,1 млн подключенных домохозяйств (24).

В 2000-е годы основную часть рынка аутсорсинга в Египте составляли услуги телефонных центров обработки вызовов (далее именуемыми колл-центрами) и другие услуги поддержки. В этом бизнесе было создано около 40 тыс. рабочих мест. Министерство информационных и коммуникационных технологий АРЕ поддерживало развитие данной отрасли путем возмещения ее затрат на обучение персонала и сертификацию.

Западные аналитики считали Египет привлекательным местом для размещения колл-центров ввиду удобного географического расположения этой страны, наличия там обновленной телекоммуникационной инфраструктуры и финансовой поддержки со стороны государства. По оценке базирующейся в Лондоне исследовательской компании «Datamonitor», среднегодовые темпы роста данной отрасли в период после 2004 г. составляли 50–60%, сферы связи в целом (дерегулированной в конце 2005 г.) – 25% (2; 10.04.2008). Благодаря финансовой поддержке государства, наличия обновленной телекоммуникационной инфраструктуры и удобного географического расположения АРЕ к концу 2000-х годов превратилась в региональный колл-центр.

Первые колл-центры в Египте появились в 2001 г. Уровень подготовки их сотрудников считался достаточно высоким, они могли владеть несколькими языками (английским, французским, немецким, испанским и греческим), тогда как в Индии, например, по-

добные услуги предоставлялись в основном только на английском языке, а в Марокко и Тунисе – на французском.

Для работы в египетских колл-центрах ежегодно (начиная с 2004 г.) готовилось более 1 тыс. человек. Будущие менеджеры и операторы знакомились с телекоммуникационными технологиями, совершенствовали свои навыки в работе с компьютером, а также знание языков и телефонный этикет. Важно отметить, что во многих странах работа оператором в колл-центрах воспринимается как кратко- и среднесрочная. Из-за напряженного и однообразного характера большинство сотрудников увольняются через 6–18 месяцев. В Индии, например, коэффициент текучести кадров среди операторов мог достигать 80%. Это означало, что действовавшие в этой стране колл-центры должны были ежегодно нанимать абсолютно новые команды. В Египте же во второй половине 2000-х годов указанный коэффициент составлял менее 20%, так как местные жители положительно оценивали свою занятость в этих структурах. Последние гарантировали им обучение на месте, а также приемлемую заработную плату и возможность карьерного роста в различных компаниях. Для сравнения укажем, что в целом по миру соответствующий коэффициент колебался в пределах 40–60% (24).

В то же время в Египте в последние годы истекшего десятилетия начали уделять внимание развитию информационных услуг более высокого уровня. С этой целью в страну удалось привлечь такие ведущие информационные компании мира, как IBM, Microsoft, Intel и др., которые были заинтересованы в расширении своей деятельности на рынках Ближнего Востока и Северной Африки. В Гизе (пригород Каира), в технологическом парке была создана Smart Village, где ИТ-компаниям предоставляли определенные льготы для организации своих офисов. В 2010 г. здесь уже работали более 100 компаний из разных стран, предоставивших 13 тыс. рабочих мест профессионалам в сфере высоких технологий и коммуникаций. Например, индийская компания Satyam открыла в Smart Village свой Global Solutions Center, который выполнял роль крупного технологического центра по развитию и поддержке программного обеспечения для ближневосточных клиентов Satyam.

Министерство информационных и коммуникационных технологий АРЕ и подчиняющееся ему Information Technology Industry Development Agency (ITIDA) придавало большое значение реализации программы по стимулированию малых и средних предприятий с тем, чтобы они более активно использовали информационно-коммуникационные возможности в своей деятельности. Западные фирмы в сфере высоких технологий, консультирующие данные египетские структуры, предоставляли фиксированные гранты, инвестирование и налоговые льготы небольшим фирмам, квалифицированным физическим лицам и компаниям по обучению персонала с целью поощрения предпринимательской инициативы на местном уровне.

Развитие программного обеспечения – это еще одна растущая область, которая очень важна для ITIDA. Египет в качестве исторически сложившегося центра книгопечатания и публикаций в арабском мире становился естественным двигателем развития таких форм применения арабского языка, как поисковые системы интернета (internet search engines) и перевод программ. В этой связи важно упомянуть, что арабский «веб контент» (Arabic Web Content) составлял в 2010 г. менее 0,5% общемирового «веб контента».

Другая потенциальная сфера роста – это развитие услуг с более высокой добавленной стоимостью (value added services). Один из видов этих услуг включает продвижение высококачественного ресурса поддержки арабского языка с помощью, например, таких возможностей как социальные мобильные сети.

Поскольку Египет пока отстает в развитии широкополосного интернета, правительство страны в соответствии с инициативой «Egypt PC2010» обещало исправить это положение и постепенно присоединить все персональные компьютеры к высокоскоростному интернету. В частности, на первом этапе планировалось присоединить около 40 тысяч школ к широкополосным услугам.

Арабские страны Персидского залива начали осуществлять программы индустриализации со второй половины 1970-х годов, хорошо понимая, что залогом успешного поступательного движения их экономик может служить лишь наличие у них развитой, дифферен-

цированной индустрии и прежде всего ее наиболее динамичного сектора – обрабатывающей промышленности.

Результатом этой политики явилось ускоренное развитие, в первую очередь, базовых отраслей промышленности, опирающихся на нефть и газ – нефтеперерабатывающей, нефтехимии, производства сжиженного газа и удобрений (модернизация этих отраслей рассматривается в разделах монографии, представленных ниже). Наряду с этим, в странах Залива был создан ряд новых отраслей обрабатывающей промышленности. Появились современные металлургические предприятия (производство стали, алюминия и др.). Значительный прогресс был достигнут в производстве строительных материалов и, прежде всего, цемента. В рассматриваемой группе государств действовали также заводы по сборке автомобилей, производству электротехнического оборудования, электромоторов, кондиционеров, холодильников, изделий из пластмасс и резины, мебельные фабрики, развивались пищевая промышленность и легкая индустрия.

Таким образом, в течение последних двух десятилетий в арабских странах Персидского залива стала все более четко материализовываться тенденция, ассоциируемая со стремлением разнообразить производственный потенциал и материально-техническую базу, не замыкаться только на эксплуатации нефтегазовых ресурсов.

Так, в рамках политики диверсификации экономики, проводившейся государствами Аравийского полуострова, в некоторых из них в 1990–2000-е годы получила развитие черная и цветная металлургия.

Если до начала 80-х годов прошлого века **Саудовская Аравия** практически полностью зависела от импорта черных металлов и изделий из них, то в указанный период она превратилась в сравнительно крупного производителя этой продукции. Так, производство стали в стране возросло с 794 тыс. т в 1984 г. до более 5,3 млн т в 2013 г. (2; 2.12.1995; 25).

Металлургическая промышленность Саудовской Аравии представлена следующими крупными предприятиями и компаниями:

– Saudi Iron & Steel Co. (в саудовских деловых кругах называется условно Hadeed) основана в 1979 г. с участием DEG (Германия),

которой принадлежит 5% капитала. Металлургический комбинат введен в эксплуатацию в 1983 г. в г. Джубейль. В 1991–1992 г. мощности комбината были расширены до 2 млн т стали в год, а по производству проката (арматурная сталь и катанка) – до 1,3 млн т в год. Продукция предприятия в основном предназначена для внутреннего потребления;

– компания Al-Tuwaiaqi Group, которая во второй половине 2000-х годов ввела в действие первое в регионе предприятие по выпуску бесшовных труб вблизи г. Даммам мощностью 2 млн т в год. Завод оснащен современным оборудованием и выпускает трубы диаметром до 600 мм, которые поступают в основном на рынок Саудовской Аравии. Помимо этого, продукция частично экспортируется в страны Ближнего и Среднего Востока.

– филиал компании Hadeed – Jeddah Steel Rolling Mill Co. (Sulb) мощностью 317 тыс. т стального проката в год (арматурная сталь, катанка), производимого из заготовок, поставляемых Hadeed.

Кроме того функционируют завод по производству стального провода в г. Джубейль мощностью около 50 тыс. т в год; трубный завод для нефтяной и газовой промышленности из импортного стального проката в г. Аль-Хобар мощностью около 180 тыс. т в год.

Тем не менее, собственное производство черных металлов в королевстве не в состоянии удовлетворить внутренние потребности страны как по объему, так и по номенклатуре. Примерно 40% спроса на эти товары страна в конце 2000-х годов покрывала за счет импорта – в основном из Японии, Западной Европы и США (25).

Черная металлургия в **Объединенных Арабских Эмиратах** до последнего времени была развита достаточно слабо. В ОАЭ (Дубай) практически действовал один мини-завод частной фирмы Ahli Steel Co., который был построен в середине 1970-х годов и выплавлял до 40 тыс. т в год. Его основная продукция – конструкционная сталь.

В 2000-е годы в Эмиратах был построен ряд новых сталелитейных предприятий, среди которых крупнейшим являлся Emirates Steel. В начале текущего десятилетия его мощности возросли до 2 млн т стали в год (25).

В 2010 г. холдинг «Металлоинвест» (Россия) ввел в эксплуатацию металлургический завод Hamriyah Steel, который дал первую

партию стальной арматуры в марте того же года. К концу 2010 г. предприятие вышло на полную мощность в 1 млн т арматуры в год.

Кроме того, в 2000-е годы в ОАЭ действовали еще две менее крупные сталелитейные компании – Gulf Steel Industries и Al-Ghurair Iron & Steel (25).

В **Кувейте** первая крупная компания в сфере черной металлургии – United Steel Industrial Company (KWT Steel) была создана в 1996 г. В течение последующих четырех лет она в партнерстве с австрийской Voest Alpine построила прокатный завод мощностью 650 тыс. т высокопрочной полосовой стали в год. В 2010 г. KWT Steel ввела в строй сооруженный при содействии итальянской компании Danieli сталеплавильное предприятие в промышленной зоне Шуэйба мощностью по производству 1 млн т стальных болванок в год (25,26).

В стране имеются также два трубных завода, выпускающих сварные трубы, в том числе спиральношовные и трубы большого диаметра, а также другую продукцию. Эти предприятия с годовой мощностью 200 тыс. т принадлежат частной компании Kuwait Metal Pipe Industries.

Бахрейн во второй половине 2000-х годов сделал крупные ассигнования в развитие сталелитейной промышленности. В результате в 2010 г. здесь был введен в строй завод по производству железорудных окатышей, а также предприятие по производству 100 тыс. т нержавеющей стали в год (25; 26).

Наличие дешевой энергии дало региону особое преимущество для развития, помимо черной металлургии, алюминиевоплавильного производства. При этом два аравийских эмирата – Бахрейн и Дубай – в течение нескольких последних десятилетий превратились не только в крупных региональных, но и мировых производителей алюминия.

Бахрейн в 1971 г. первым среди арабских стран Персидского залива реализовал проект по строительству крупного алюминиевого завода. Это предприятие – Aluminium Bahrain (Alba) – к началу текущего десятилетия производило 870 тыс. т алюминия в год, что вывело его на первые позиции в мире по выплавке алюминия, а его вклад в ВВП страны превысил 10% (27; 28).

На базе компании Alba в стране создана успешно функционирующая промышленность по обработке алюминия, которая включает прокатные станы, завод по штамповке и прессованию и другие виды предприятий. Так, компания Bahrain Aluminium Extrusion (Balexco) во второй половине 1990-х годов осуществила проект трехкратного роста производства – до 21 тыс. т в год. Другая крупная фирма – Gulf Aluminium Rolling Mills (Garmco) в указанный период удвоила мощности до 120 тыс. т Кроме того, в конце 1990-х годов на Бахрейне вступил в строй завод сплавов мощностью 20 тыс. т в год, строительство которого осуществлено компанией Bahrain Alloys Manufacturing при содействии иностранных фирм (27; 28; 29).

Алюминиевая промышленность Бахрейна излишки сверх объема, необходимого для удовлетворения внутренних потребностей, экспортирует в другие страны ССАГПЗ.

Второй крупный производитель алюминия в зоне Персидского залива – **Дубай.** Компания Dubai Aluminium (Dubal) была создана в 1979 г. с первоначальной мощностью в 136 тыс. т в год. С тех пор компания реализовала несколько фаз модернизации, в результате ее мощности выросли, как минимум, в семь раз, до более 1млн т алюминия в год. Так, в 2012 г. Dubal произвела 1025,3 тыс. т (27).

Кроме того, в Дубае с конца 70-х годов прошлого столетия действует компания Gulf Extrusions мощностью 60 тыс. т изделий из алюминия в год.

Крупнейший эмират ОАЭ – Абу-Даби – во второй половине 2000-х годов также включился в процесс развития черной металлургии страны. Компания этого эмирата Emirates Steel Industries (Emal) в 2009 г. ввела в действие завод мощностью 750 тыс. т первичного алюминия в год. После завершения второй фазы расширения в конце 2014 г. его мощности возросли до 1,3 млн т в год (27,28,29).

Некоторые национальные и международные компании в последние годы получили разрешение на строительство новых предприятий черной и цветной металлургии в странах, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. В частности, в Омане компанией Shadid Iron and Steel планируется строительство предприятия мощностью 1,5 млн т в год, в Саудов-

ской Аравии намечено сооружение Jizan Steel Plant с предполагаемым объемом производства также 1,5 млн т в год. Бахрейнская United Steel Company (Sulb) в апреле 2010 г. подписала контракт на строительство Hidd Steel Mill производительностью 2,5 млн т металлоизделий в год. Этот проект уже активно реализуется базирующейся в Бахрейне United Steel Holding Company (Foulath) совместно с японской Yamoto Kogyo Company (27).

В то же время предполагается, что в обозримом будущем наибольший объем инвестиций в странах Аравийского полуострова привлекут проекты в области производства цветных металлов и в первую очередь алюминия. В этой связи важно отметить строительство алюминиевого комплекса, осуществляемое в Рас аз-Зуре (Саудовская Аравия) компанией Saudi Arabian Mining (Maaden) совместно с американской Alcoa и представляющее собой крупнейший промышленный проект королевства стоимостью 10,8 млрд долл. Центральным объектом этого комплекса должен стать завод по выплавке алюминия мощностью 740 тыс. т в год. Помимо этого, в его состав войдет предприятие по производству глинозема (1,8 млн т в год) и прокатный стан производительностью до 460 тыс. т в год. Планируется также создание предприятия по добыче бокситов в Аль-Байфа мощностью 4 млн т в год. Другие крупные алюминиевые проекты связаны с расширением мощностей заводов Alba (Бахрейн) Sohar Aluminium (Оман) и Emal (Абу-Даби) (27).

Помимо алюминия, в регионе Персидского залива в последние годы заметно вырос спрос на один из самых дорогостоящих промышленных металлов – медь. Мировая цена на этот металл в середине 2010 г. находилась на уровне 6650 долл. за тонну, тогда как одна тонна стали стоила 757 долл., а алюминия – 2000 долл. (15; 23–29.07.2010). Учитывая высокую цену меди и рост ее потребления в арабских странах, назрела необходимость строительства в регионе завода по выплавке этого металла.

Вместе с тем выплавка меди – это весьма энергоемкое производство, требующее крупных первоначальных инвестиций. Поэтому с целью минимизации части инвестиционных рисков саудовская National Industrialization Company (Tasnee) планирует построить в г. Янбу промышленный комбинат по выплавке не только меди, но и цинка и свинца. Каждый вид металла будет выпускаться вна-

чале в объеме 100 тыс. т в год, а затем годовое производство может быть расширено до 200 тыс. т. Рассматривается также возможность строительства предприятий по обработке этих металлов после возведения плавильного комбината. В случае принятия окончательного решения о реализации проекта пуск в эксплуатацию завода должен был состояться во второй половине 2013 г.

Важно отметить, что на Арабском Востоке наблюдается высокий спрос не только на медь, но и на изделия из нее, в частности, медные трубы, которые широко используются в системах кондиционирования воздуха, а также в жилищном и промышленном строительстве. Согласно данным MEED Projects, только в странах ССАГПЗ в конце 2000-х годов осуществлялись или планировались жилищные и промышленные проекты общей стоимостью около 630 млрд долл., для реализации которых требовалось примерно 15–20 тыс. медных труб в год. Потребности в этой продукции всех арабских стран оцениваются специалистами в области цветных металлов примерно в 35 тыс. т в год. В то же время в регионе пока нет ни одного предприятия по выпуску медных труб. Исходя из этого, ряд компаний Саудовской Аравии, Катара и ОАЭ заявили о своих планах реализовать необходимый проект, чтобы удовлетворить потребности строительной индустрии региона (15; 23–29.07. 2010).

Помимо прогресса в ведущих отраслях обрабатывающей промышленности заметное развитие в Аравии наблюдалось в производстве строительных материалов. Например, мощности девяти саудовских цементных заводов увеличились в 1996 г. до 15,8 млн т (в 1981 г.– 6 млн т).

В 1990–2000-е годы в странах Персидского залива расширили свою деятельность небольшие предприятия по сборке электротехнического оборудования, электромоторов, кондиционеров, холодильников, производству изделий из пластмасс и резины, мебельные фабрики. Интенсивно росла пищевая промышленность, включая производство безалкогольных напитков. В Саудовской Аравии, в частности, был пущен в эксплуатацию завод по сборке автобусов, предприятие по изготовлению телефонной аппаратуры в Джидде, завод по сборке сварочных агрегатов и электродов, холодильников и фармацевтической фабрики в Эр-Рияде.

Особое место в экономической стратегии государств Персидского залива занимало развитие производственной инфрастуктуры, а также транспорта и связи, что является необходимым условием создания высокоразвитой промышленности, непременной предпосылкой полноценного функционирования национальных рынков.

Динамично расширившиеся связи с внешним миром, ускорение интеграции в мировой рынок потребовали строительства современных морских и воздушных портов. В Саудовской Аравии было построено 23 аэропорта, в ОАЭ их число увеличилось до пяти. Порты ОАЭ – Рашид и Джебель Али – занимали в начале 1990-х годов 15 место в мире среди портов, работавших с контейнерами.

В текущем десятилетии, как и в предшествовавшие два десятилетия, транспортный сектор стран ССАГПЗ развивается достаточно успешно. При этом приоритетное внимание уделяется железнодорожному строительству.

Согласно информации министерств коммуникаций стран Персидского залива, к концу 2010-х годов единая сеть железных дорог свяжет все шесть членов ССАГПЗ. Планируется, что каждая страна построит свой отрезок на собственной территории, затем все участки дороги объединят (30).

Правительство ОАЭ, где до сих пор отсутствует железнодорожная сеть, в 2009 г. учредило специализированную отраслевую компанию Etihad Rail, которая намеревалась потратить 11 млрд долл. на создание железнодорожной инфраструктуры. Предполагалось, что к 2016 г. магистраль соединит Дубай и Абу-Даби, а к 2018 г.– другие регионы ОАЭ. Ее протяженность составит 1,2 тыс. км, она будет рассчитана на перевозку 16 млн пассажиров в год и в перспективе войдет в общую сеть железных дорог аравийских государств.

Крупные железнодорожные проекты реализуются в Саудовской Аравии. Консорциум во главе с испанскими компаниями ADIF и RENFE осуществляет строительство высокоскоростной железной дороги протяженностью 450 км между городами Мекка и Медина. Этот проект, стоимость которого оценивается в 6,7 млрд евро, позволит, в частности, наладить перевозку паломников между двумя священными для мусульман городами. Двенадцать испанских компаний получили 88% акций консорциума, который после завер-

шения строительства будет осуществлять эксплуатацию железной дороги, остальные 12% принадлежат двум саудовским фирмам.

Катар также отдает приоритет развитию железнодорожного сектора, особенно учитывая необходимость построить сеть железных дорог для транспортировки футбольных болельщиков по стране во время чемпионата мира в 2022 г. Среди ключевых транспортных контрактов, заключенных в последние годы, следует выделить назначение американской компании Parsons Brincherhoff стратегическим менеджером программы Qatar Integrated Rail Programme стоимостью 35 млрд долл.

Одновременно в странах ССАГПЗ уделяется большое внимание строительству метро, включая так называемое легкое метро (light rail). Например, в 2011 г. состоялось открытие метро в Мекке и началось сооружение «легкого метро» в Джидде, а в Дубае была введена в строй вторая ветка метро.

Быстрыми темпами развивается в странах Персидского залива авиационная инфраструктура и парк авиалайнеров. Это обусловлено преобладанием в этом субрегионе населения в возрасте 25–40 лет, наличием довольно значительной прослойки среднего класса, достаточно высоким уровнем ВВП на душу населения, расширением притока туристов и благоприятным географическим положением на пересечении важных воздушных коридоров.

В последние годы правительства стран ССАГПЗ вкладывали значительные средства в строительство и расширение аэропортов. Так, в Катаре строится новый аэропорт – New Doha International Airport, пропускная способность которого должна была достичь к 2015 г. 50 млн чел., а перевозки грузов к 2020 г. планируется довести до 2 млн т. В ОАЭ два аэропорта Дубая смогут принимать в 2015 г. 95 млн пассажиров, а международный аэропорт Абу-Даби (после завершения сооружения терминала Midfield) – 20 млн чел.

Тем не менее, самым важным видом транспорта для аравийской торговли остаются региональные порты, обеспечивая перемещение грузов как внутри региона, так и между Азией и Европой. Интенсивное развитие портов осуществляется в ОАЭ, Катаре, Кувейте, Саудовской Аравии.

В случае, если планы стран Персидского залива по развитию железных дорог, аэропортов, портов, метро и т.д. будут претво-

ряться в жизнь без существенных задержек по экономическим и политическим причинам, то к концу текущего десятилетия этот регион будет обладать весьма развитой транспортной системой, построенной на самых современных технологиях.

Одна из целей заключается в том, чтобы в перспективе железнодорожные сети и порты стран Аравийского полуострова функционировали в единой связке, сокращая время для грузоперевозок. например, предполагается, что грузы из центров обрабатывающей промышленности Китая и Японии будут перемещаться на судах в порт Халифа в ОАЭ или в соседние порты северной части Персидского залива. Затем они после перевалки в железнодорожные вагоны будут через Ирак и Турцию следовать дальше в Европу. Таким образом, ближневосточный регион может со временем стать важным центром глобальной торговли, как это уже было однажды много сотен лет назад.

Аравийские монархии уже к началу 1990-х годов практически решили задачу электрификации не только городов и деревень, но и отдельных поселений. В течение последующих двух десятилетий установленная мощность электростанций стран ССАГПЗ выросла с 39,9 ГВт в 1997 г. до 75 ГВт в 2010 г., то есть увеличилась в 1,9 раза (15; 31.12.2010–6.01.2011).

Тем не менее, в странах ССАГПЗ в текущем десятилетии все более обостряется проблема высокого потребления энергии, которая может стать в предстоящие годы трудноразрешимой. По мнению аналитика Лондонской школы экономики и политологии К. Ульрихсена, правительства этих стран «не только субсидируют цены на энергию вопреки законам рынка, но и осуществляют чрезвычайно энергоемкие проекты индустриализации (и урбанизации). Неэкономное потребление электроэнергии частными домовладениями (в Катаре электричество бесплатно для коренного населения, хотя это, конечно, крайний случай) сочетается с эксплуатацией опреснительных установок, а также очень энергоемких нефтехимических предприятий и алюминиевых заводов (краеугольный камень диверсификации). Источник дешевой электроэнергии – поставки на местные рынки нефти-сырца по цене 8–10 долл. за баррель, кратно дешевле мировой» (31).

Масштабы проблемы неумеренного потребления энергии обозначены в официальном докладе, подготовленном Саудовской электроэнергетической компанией (Saudi Electricity Company – SEC) весной 2011 г. Согласно этому документу, почти треть нефтедобычи королевства уходит на удовлетворение местного спроса, который формируется в основном генерирующими компаниями, а на экспорт остающейся нефти приходится почти 80% государственных доходов. Авторы доклада предупреждают, что при сохранении нефтедобычи и потребления на современном уровне страна в 2030 г. не сможет полностью удовлетворять внутренний спрос. Так, потребление электроэнергии в Саудовской Аравии летом 2012 г. на 9% превысило соответствующий показатель в 2011 г. (15; 26.10–1.11.2012). Более того, быстрый демографический рост может ускорить развитие негативных тенденций. Аналогичное исследование, проведенное в Кувейте, выявило тот факт, что, если уровень потребления энергии не снизится, то эмирату уже к 2027 г. придется расходовать 100% добываемой нефти на покрытие внутренних издержек.

Правительства стран Персидского залива отвечают на этот вызов разработкой планов по созданию, согласно оценке, 60 тыс. MW новых мощностей по выработке электроэнергии. При этом самая крупная программа развития электроэнергетики в текущем десятилетии принята в Саудовской Аравии. Она предусматривает инвестиции в ряд проектов в размере 48 млрд долл. с целью получения 40 GW дополнительных мощностей (15; 31.12–6.01.2011). Однако, по имеющимся прогнозам, к 2032 г. королевство будет нуждаться в увеличении производственных мощностей еще примерно на 70 тыс. MW, чтобы удовлетворить внутренний спрос. В целом для решения этих задач в предстоящие восемнадцать лет потребуется объем инвестиций, равный вложениям в саудовскую электроэнергетику за последние восемь десятилетий.

Учитывая негативные тенденции, развивающиеся в рассматриваемой сфере, правительство Саудовской Аравии поставило цель снизить потребление электроэнергии в обозримом будущем на 30%, прежде всего, за счет уменьшения потерь во время ее производства. В частности, предполагается заменить оборудование на объектах электроэнергетики, вырабатывающих половину установ-

ленной мощности (55 тыс. MW), что позволило бы увеличить производство на 10%. Министерство водоснабжения и электроэнергетики королевства планирует повысить эффективность и снизить потери также благодаря реорганизации SEC путем её разделения на четыре компании (15; 26.10–1.11.2012).

В Саудовской Аравии намечено установить более высокие стандарты эффективности для всех новых и уже находящихся в эксплуатации кондиционеров, на которые приходится около 70% потребления электроэнергии в периоды пикового спроса. Эта мера, по мнению специалистов, помогла бы сберечь до 15% электроэнергии. Как минимум, еще 10% энергии можно сохранить путем улучшения теплоизоляции во вновь построенных зданиях, которое предполагалось осуществить в течение 2013–2014 гг.

Кроме того, важная роль в снижении потребления электроэнергии отводится развитию возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Так, Центр короля Абдаллы по атомной и возобновляемой энергии наметил развитие солнечных технологий, которые могут дать дополнительные 20% к энергоресурсам Саудовской Аравии.

Из всех шести государств, входящих в ССАГПЗ, потенциальными возможностями для обеспечения прогнозируемого роста потребления электроэнергии располагают ОАЭ, в частности Абу-Даби. Тем не менее, эмирату будет необходимо в течение текущего десятилетия активно инвестировать в данный сектор экономики, чтобы удовлетворить местный спрос, который, согласно прогнозу, к 2020 г. вырастет в 2,8 раза по сравнению с 2010 г. Достижение этой цели потребует строительства объектов общей мощностью в 14,7 GW к 2019 г. (15; 31.12–6.01.2011).

Центральным пунктом стратегии Абу-Даби в рассматриваемой области является расширение частной электроэнергетики, которая сыграла ключевую роль в достижении современного уровня производства. В 2011 г. на неё приходилось 32,7% общей генерирующей мощности.

В этой связи важно отметить, что частный сектор уже играет заметную роль в предоставлении коммунальных услуг (канализация, электро- и водоснабжение) в странах Персидского залива, где независимые частные проекты (independent power projects) существуют с середины 1990-х годов. Эксперты в сфере электроэнергетики

предполагают, что подобная практика будет развиваться и в предстоящие годы, особенно в менее богатых аравийских монархиях, которые нуждаются в значительном частном инвестировании для реализации новых проектов.

Что касается альтернативных источников энергии, то Абу-Даби является региональным лидером в этой области. Руководители Abu Dhabi Water & Electricity Company надеются, что строительство атомной электростанции и осуществление других проектов по развитию возобновляемых источников энергии (ВИЭ) позволят сократить внутренний спрос на 25% к 2020 г. Другие страны ССАГПЗ, помимо Саудовской Аравии и ОАЭ, также включили задачу развития атомной энергетики и ВИЭ в свои долгосрочные энергетические стратегии. Так, Кувейт планирует производить 5% электроэнергии на основе возобновляемых источников (32).

Представленная картина развития отраслей обрабатывающей промышленности и инфрастуктуры стран Аравийского полуострова позволяет сделать вывод, что в 1990–2000-е годы в экономической эволюции рассматриваемой группы государств произошло постепенное смещение центра тяжести от гипертрофированной зависимости от нефти в сторону создания более диверсифицированной материально-технической базы. Наличие развитой инфрастуктуры, где существенно возросла роль управленческих и вспомогательно-обслуживающих функций, несомненно, способствовало такому сдвигу.

Нефтяная промышленность арабских стран: итоги и перспективы

Несмотря на бесспорные достижения в структурной перестройке национальных хозяйств и их диверсификации, социально-экономическое развитие большой группы арабских стран продолжает в значительной степени зависеть от добычи и экспорта нефти. Так, доля нефтяного сектора в ВВП аравийских монархий колеблется в пределах от 30% до 65%. Поступления стран ССАГПЗ от продажи нефти на внешних рынках составляют основу доходной части их государственных бюджетов (75–95%), а также подавляющую долю всей валютной выручки (70% и более). Важно также отметить, что

94% подтвержденных запасов нефти арабских стран Персидского залива приходилось (по данным на 2012 г.) на Саудовскую Аравию, Кувейт и ОАЭ. Нефтяные месторождения Бахрейна практически исчерпаны, Омана – близки к исчерпанию, а Катара, Дубая и Шарджи – крайне незначительны (27).

Стремление правящих кругов обеспечить финансовые ресурсы, необходимые для выполнения социально-экономических программ, предопределили существенное внимание, которое уделялось в 1990–2000-е годы в Саудовской Аравии, Кувейте и ОАЭ развитию нефтедобывающей промышленности.

Саудовская Аравия в рассматриваемый период увеличила производственные мощности по добыче нефти до 12,5 млн баррелей в сутки (б/с), что позволило ей стать не только первым экспортером, но и одним из ведущих, наряду с Россией и США, производителем жидкого топлива в мире. В период с 1990 г. по 2011 г. добыча нефти в стране выросла в 1,6 раза (33).

Крупные месторождения королевства, на которые приходится свыше 90% суммарной добычи нефти, эксплуатируются в среднем более 45 лет. Так, согласно данным Oil and Gas Journal, основу добычи нефти в стране составляет месторождение Ghawar, введенное в эксплуатацию в 1951 г. В последние 25 лет на него приходилось до 65% всего производства этого энергоносителя (около 5,5 млн б/с).

В 1990–2000-е годы в Саудовской Аравии были открыты два новых месторождения: Hawtah (1991 г.) и Yerbin (2003 г.), Помимо этого, были разведаны еще девять месторождений: Jafm, Warid. Takhman, Mazalldj, Abqaiq, Utad, Shaybah, Abu Sadr, Madraka. Семь из них находятся в уже освоенной Восточной провинции страны. Одно из девяти указанных месторождений содержит нефть, три – природный газ, три – нефть и газовый конденсат, а два являются структурным продолжением уже эксплуатирующихся нефтяных полей.

К началу 2010-х годов в королевстве оставалось три не изученных на наличие углеводородов области: территория вдоль границы с Ираком, глубоководная часть шельфа Красного моря и часть пустыни на юго-западе государства.

В обозримой перспективе компания Saudi Aramco планирует увеличить производственные мощности месторождения Sheybah

на 250 тыс. б/с, а также осуществить массированную техническую модернизацию гигантского нефтепромысла Ghawar. Кроме того, должны начаться работы в районе нейтральной зоны между Саудовской Аравией и Кувейтом (34).

Второе место по подтвержденным запасам нефти среди стран ССАГПЗ занимает Кувейт: согласно данным British Petroleum, они оцениваются в 101,5 млрд барр. Добыча нефти в эмирате выросла с 2,0 млн б/с в 1994 г. до 3,2 млн б/с в 2011 г. (15; 9–15.03.2012).

Кувейт планирует расширить мощности по добыче нефти до 4 млн б/с (200 млн т в год) к 2020 г. Однако осуществление этой цели представляется довольно проблематичным. Для её достижения государственной Kuwait Oil Company (KOC) будет необходимо поддерживать добычу на месторождении Burgan на уровне 1,7–1,8 млн б/с, получить дополнительные 700 тыс. б/с с северных нефтяных полей и ввести в действие новые мощности, чтобы восполнить прогнозируемое падение производства на других существующих нефтепромыслах (35). В этой связи важно отметить, что значительную долю в планируемом расширении нефтедобывающих мощностей должна дать разработка технически более сложных ресурсов тяжелой нефти. Учитывая, что региональные компании не обладают достаточным опытом в разработке подобных месторождений, решение этой задачи без сотрудничества с международными нефтяными структурами, как утверждают многие эксперты, будет весьма затруднительно.

В то же время участие иностранного капитала в нефтяных проектах Кувейта оставалось в течение ряда последних лет под вопросом из-за противостояния между правительством эмирата и парламентом, оппозиционные депутаты которого выступали против привлечения международных компаний в разработку нефтегазовых ресурсов страны. Однако в 2014 г. ситуация начала постепенно улучшаться. Об этом свидетельствует, в частности, возобновление в указанном году торгов по проекту, предусматривающему разработку нефтяного месторождения Lower Fars.

Достоверные запасы нефти в Объединенных Арабских Эмиратах оцениваются в 97,8 млрд баррелей. Добыча «черного золота» в ОАЭ в 2012 г. составила 2,6 млрд б/с. При этом более 95% всех запасов и добычи приходилось на Абу-Даби. Дубай добывал до

середины 1990-х годов в среднем 400 тыс. б/с, постепенно из-за истощения запасов добыча сократилась до 50–70 тыс. б/с в последние годы (36).

ОАЭ планирует увеличить добычу нефти до более 3,5 млн б/с (175 млн т в год) к 2017–2018 гг. путем разработки новых и развития имеющихся сухопутных и шельфовых месторождений.

Важно отметить, что 55–60% мощностей Абу-Даби приходится на сухопутные месторождения. Так, Abu Dhabi Company for Onshore Operations (Adco) добывает, по оценке, 1,4 млн б/с нефти на нефтепромыслах Asab, Bab, Bu Hasa, Sahil, Shah и North East Bab, которые расположены в западной пустыне Абу Даби. В рамках программы, предусматривающей увеличение добычи до 1,8 млн б/с, Adco реализует ряд проектов, в частности, третью фазу разработки нефтяных полей North East Bab и новых месторождений в районах Sahil, Qusahwira и Mender.

Однако более значительная часть ассигнований Абу-Даби в нефтяную промышленность приходилась на шельфовый сектор. При этом два государственных оператора в сфере шельфовых месторождений – Abu Dhabi Marine Operating Company (Adma-Opco) и Zakum Development Company (Zadco) – осуществляют ряд крупных проектов, которые позволят им в предстоящие два года добывать дополнительно примерно 700 тыс. б/с (15; 9–15.03.2012).

Наиболее заметной среди осуществляемых этими компаниями проектов является разработка Zadco гигантского месторождения Upper Zakum, которая включает строительство четырех искусственных островов для использования их в качестве бурильных платформ. Стоимость этих работ оценивается в 15 млрд долл.

Важным фактором достижения поставленных в сфере развития нефтедобывающей промышленности целей руководство ОАЭ рассматривает продолжение сотрудничества с международными нефтяными компаниями, которое насчитывает более пяти десятилетий. Сейчас все крупные местные добывающие компании-операторы имеют иностранных партнеров среди своих акционеров. Это позволяет, например, Abu Dhabi National Oil Company (Adnoc) получать доступ к их опыту и технологиям. Вместе с тем, ожидается, что в течение предстоящего десятилетия будут пролонгированы несколько концессионных соглашений с зарубежными партнерами (36).

В менее крупных странах-производителях нефти ССАГПЗ – Катаре, Омане и Бахрейне – добыча этого энергоносителя в 1990–2000-е годы постоянно сокращалась. Однако в текущем десятилетии в них наблюдается заметное повышение активности в нефтяном секторе.

Катар уже добился определенных успехов в этой сфере и планирует в перспективе инвестировать миллиарды долларов в продление жизни своих нефтяных запасов.

Мощности месторождения Al-Shahun, например, в 2011 г. достигли 525 тыс. б/с против 20 тыс. б/с в середине 1990-х годов. Существенного роста также удалось добиться на нефтепромысле Idd al-Shargi. Операторами этих объектов являются датская компания Maersk и американская Occidental Petroleum соответственно. Соглашения о разделе продукции (development and production sharing agreements) с данными фирмами истекают в 2017 г., хотя предполагается, что государственная Qatar Petroleum, которая входит в совместные предприятия с их участием, продлит действие этих документов.

Стратегия Qatar Petroleum, разработанная с целью остановить падение добычи на катарских месторождениях, предусматривает, прежде всего, реализацию нескольких программ по развитию геологоразведки на существующих нефтепромыслах, которые включают проведение оценки запасов, залегающих в глубоких слоях. Кроме того, Qatar Petroleum подписала соглашения о техническом обслуживании (technical service agreements) с тремя международными компаниями: с французской Total (месторождение Bul Hanine); с американскими Exxon Mobil Corporation (Dukhan) и Conoco Phillips (Mahzam).

Оман обладает нефтяными запасами в 5,5 млрд баррелей, которых при современных темпах добычи в султанате хватит менее чем на 20 лет. Значительная часть ресурсной базы расположена в труднодоступных геологических структурах и сосредоточена на небольших месторождениях. Отмеченные особенности привели к тому, что в 2001–2007 гг. добыча нефти в Омане заметно снизилась. Однако в последующий период султанату удалось увеличить производство нефти благодаря проведению активных мер по модернизации нефтяного сектора и использованию новейших

технологий, в частности технологии EOR (enhanced oil recovery). В результате добыча выросла до 941,9 тыс. б/с в 2013 г. (36).

В среднесрочной перспективе Оман надеется не только поддерживать добычу нефти на современном уровне, но и увеличить свой ресурсный потенциал. Главный производитель султаната – Petroleum Development (PDO) – планирует расходовать, по оценке, 3 млрд долл. ежегодно в течение предстоящей декады на поддержку нефтедобычи. С этой целью компания запланировала реализацию трех крупных проектов на базе использования технологии EOR.

Наряду с этим, Министерство нефти и газа Омана в последние годы провело серию тендеров на осуществление геологоразведочных работ, для участия в которых привлекало международные нефтяные компании, стремясь расширить энергетический потенциал султаната, а также обеспечить техническую экспертизу и инвестиционные ресурсы.

Бахрейн в 2012 г отметил восьмидесятую годовщину начала добычи нефти, однако из-за истощения запасов нефтяных месторождений это государство Персидского залива в течение нескольких десятилетий превратилось во второстепенного игрока на региональном энергетическом рынке.

Добыча на месторождении Abu Saafah делится с Саудовской Аравией, а шельфовые запасы разрабатываются Saudi Aramco. При этом доля Бахрейна обычно составляет в среднем 150 тыс. б/с, хотя в 2013 г.она поднималась до 160 тыс. б/с (36).

Как и другие производители нефти Персидского залива, Бахрейн в обозримой перспективе планирует реализацию нескольких проектов для увеличения добычи. Так, крупные инвестиции предполагаются в проведение геологоразведочных работ на нефть в различных районах эмирата. В частности, они уже возросли на эти цели на месторождении Bahrain Field. Кроме того, такие технические методы, как закачивание воды и пара, а также бурение 900 новых скважин, как ожидается, позволят утроить добычу на указанном месторождении и довести ее до 100 тыс. б/с к концу текущего десятилетия.

Помимо стран Персидского залива крупным арабским производителем нефти является Ирак.

Ирак обладает вторыми в мире (после Саудовской Аравии) подтвержденными запасами нефти, которые оцениваются в 143,1 млрд баррелей (33). Однако за последние три десятилетия в результате военных действий, экономических санкций, иностранной интервенции, разгула терроризма нефтяной промышленности страны был нанесен существенный ущерб.

Иракское руководство во второй половине 2000-х годов начало предпринимать активные усилия по восстановлению и развитию нефтяного сектора. При этом оно поставило весьма амбициозную цель – повысить добычу жидкого топлива с 2,8 млн б/с в 2011 г. (140 млн т в год) до 12,0 млн б/с (600 млн т в год) к 2020 г. Однако, для того, чтобы нефтяные амбиции Ирака стали реальностью необходимо преодолеть множество экономических и политических препятствий.

Ирак располагает более чем сотней как действующих, так и бездействующих нефтяных месторождений. Однако львиная доля добычи нефти поступает с менее чем двадцати нефтепромыслов, самые крупные среди которых – Румейла, Киркук, Зубейр и Западная Курна.

В стране, начиная с 2009 г., было проведено несколько тендеров на разработку нефтяных месторождений, по итогам которых заключены соглашения с рядом международных компаний, предусматривающие развитие двенадцати нефтепромыслов. При этом степень развитости инфраструктуры и уровень добычи на семи из них существенно различаются. Остальные пять месторождений никогда не разрабатывались.

Крупнейшим нефтяным проектом в Ираке является разработка месторождения Румейла на юге страны. Пока здесь добывается более 1 млн б/с. Британская British Petroleum и китайская China National Petroleum Corporation, получившие лицензию на развитие этого нефтепромысла, планировали повысить добычу до 2,85 млн б/с к 2016 г., что требует проведения достаточно большого объема работ по модернизации инфраструктуры. В частности, план развития включает ремонт и переоборудование существующих дегазационных станций, капитальный ремонт скважин, нефтепроводов и вспомогательного оборудования (15; 2–8.03.2012).

Восстановление и развитие некоторых других нефтепромыслов представляется более легкой задачей. Так, итальянской компании ENI, которая разрабатывает месторождение Южный Зубейр при участии партнеров – американской Occidental Petroleum, южнокорейской Kogas и государственной иракской South Oil Company (SOC) – удалось уже на первой стадии, завершившейся в конце 2010 г., увеличить добычу до 250 тыс. б/с. Соглашение с этим консорциумом заключено на двадцать лет (15; 2–8.03.2012).

На месторождении Мажнун, которое также находится на юге Ирака, на момент подписания контракта на его развитие производилось нефти менее 50 тыс. б/с. Однако в отличие от таких более продвинутых проектов, как Румейла и Зубейр, где уже имеется инфраструктура, разработку месторождения Мажнун нужно начинать практически с нуля (15; 2–8.03.2012).

Важно подчеркнуть, что ряд тендеров в Ираке в последние годы выиграла крупнейшая российская нефтяная компания Лукойл в партнерстве с другими участниками торгов. В частности, контракт на разработку месторождения Западная Курна-2 (является вторым по величине в мире неразработанным месторождением с извлекаемыми запасами нефти около 14 млрд баррелей), сроком на двадцать лет с возможностью продления на пять лет был подписан в январе 2010 г. Право на разработку месторождения Лукойл выиграла совместно с норвежской Statoil. Доли участников проекта после подписания контракта были распределены следующим образом: Лукойл – 56,25%, иракская государственная компания North Oil Company – 25%, Statoil ASA – 18,75%. В середине 2012 г. Statoil передала Лукойл свое долевое участие в проекте Западная Курна-2, в результате доля компании Лукойл возросла до 76% (37).

В мае 2012 г. компания Лукойл и японская Inpex Corporation выиграли тендер на геологическое изучение и разработку нефтяного блока № 10 на юге Ирака. В данном консорциуме доля Лукойла составляет 60%, Inpex Corporation – 40% (37).

Многие аналитики в сфере энергетики полагают, что Ираку вряд ли удастся увеличить добычу нефти более чем в четыре раза к 2020 г., в соответствии с планом правительства (Саудовской Аравии для подобного расширения мощностей понадобилось 70 лет).

Оценки разнятся, но ряд экспертов подсчитали, что для достижения поставленной цели нужно будет бурить, как минимум, 1000 скважин каждый год. Это, в свою очередь, потребует использования труда тысяч квалифицированных работников (38).

Тем не менее, в иракском нефтяном секторе в начале 2010-х годов наблюдался заметный прогресс. Так, в феврале 2012 г. был введен в строй первый плавучий нефтяной терминал вблизи Басры, сооружение которого предусматривалось в рамках расширения в три раза мощностей по экспорту нефти через Персидский залив. Новый причал позволил обрабатывать 850 тыс. б/с нефти, что увеличило экспортные возможности страны до 2,1 млн б/с (39).

Помимо этого, в сфере нефтяной транспортной инфраструктуры намечено осуществить значительное число проектов, предусматривающих, наряду со строительством новых нефтепроводов, капитальный ремонт и переоборудование существующих, восстановление насосных станций и другие работы. Согласно оценке MEED Insight, для восстановления и строительства нефтепроводов и других объектов экспортной инфраструктуры необходимо вложить примерно 30 млрд долл. Сооружения для транспортировки, хранения и экспорта требуют серьезной модернизации, чтобы соответствовать растущим объемам добычи нефти. В противном случае в Ираке просто появятся дополнительные бездействующие мощности.

Развитие нефтяной промышленности страны, наряду с экономическими и техническими трудностями, сталкивается с серьезными политическими проблемами. В этой связи важно подчеркнуть, что одна из важнейших задач, стоящих перед центральными властями Ирака заключается в том, чтобы найти конструктивное решение спорных вопросов, касающихся добычи и экспорта нефти с руководством Иракского Курдистана.

Как известно, крупные нефтяные месторождения Ирака расположены на севере – в Иракском Курдистане и на юге – в районе Басры. Центральное правительство пока сохраняет контроль над нефтедобывающим сектором страны. Однако в последние несколько лет в этих двух основных регионах нефтедобычи растет стремление к более самостоятельному управлению своими нефтяными комплексами.

Курдское региональное правительство (Kurdistan Regional Government – KRG) во второй половине 2000-х годов добилось привлечения международных компаний к разработке нефтяных месторождений в Северном Ираке на условиях заключения соглашений о разделе продукции. Оно уже подписало ряд контрактов и выдало несколько лицензий на добычу. Центральные иракские власти, в свою очередь, сочли, что эти документы не обладают юридической силой, поскольку KRG не имела полномочий их подписывать. Дело в том, что, согласно новому закону об углеводородах, принятому иракским правительством, заключенные KRG соглашения не являются легитимными, поскольку они не одобрены Нефтегазовым совета Ирака (Oil and Gas Council), заседающим в Багдаде, большинством в две трети голосов. Курды не признали новый закон и продолжали требовать от центрального правительства уступок.

Необходимо отметить, что позиции KRG в переговорах с Багдадом были достаточно сильны, поскольку курдские партии выступали в качестве ключевых игроков при формировании иракского правительства после выборов марта 2010 г., вынудив премьер-министра Аль-Малики пойти с ними на компромисс, чтобы выиграть поддержку курдов и сохранить свое место во власти. В Эрбильском соглашении (The Irbil Agreement), заключенном с Иракским Курдистаном, центральные власти Ирака обещали выполнить девятнадцать курдских требований, связанных с энергетическим сектором, разделом доходов, спорными территориями и др. По мнению Бархама Салиха, главы Курдского регионального правительства, курды впервые в своей истории получили возможность оказывать влияние на политику всей страны, вместо борьбы за политическую независимость они стремились стать частью иракского истеблишмента, но одновременно заложить основы своей собственной экономической независимости (15; 31.12.2010–6.01.2011).

Другой источник напряженности между иракским правительством и KRG – это контроль над богатым нефтью городом Киркук, о котором спорят между собой арабы и курды достаточно давно. Статья 140 Конституции Ирака призывает к проведению референдума, который должен разрешить эту коллизию. Однако референдум по вопросу о статусе Киркука до сих пор не состоялся.

Комплекс проблем, который в последнее время приобрел особую актуальность и от которого во многом зависит развитие нефтяного сектора в Ираке в обозримом будущем, связан с ситуацией с безопасностью в стране.

Несмотря на то, что подавляющая часть добычи нефти Ирака осуществляется на юге страны, имеются нефтяные месторождения и в других регионах, включая два района, близкие к Киркуку, которые были захвачены в 2014 г. боевиками террористической организации «Исламское государство». В этих условиях иностранные нефтяные компании, работающие в Ираке, принимали меры предосторожности, в рамках которых, в частности, Chevron, ExxonMobil, Abu Dhabi National Energy Company, Talisman Energy, Oryx сокращали геологоразведочную активность и бурильные работы, а также переводили часть персонала на другие объекты. Эскалация террористического насилия в Ираке может привести не только к негативным последствиям для его нефтяного сектора, но и дестабилизировать ситуацию в стране в целом.

Что касается Египта, то снижение добычи нефти, которое отмечалось в этой стране со второй половины 1990-х годов, привело к тому, что АРЕ постепенно превратилась в импортера этого вида минерального сырья. Производство нефти уменьшалось по мере истощения запасов на побережье и в акватории Суэцкого залива. Однако использование современных технологий замедлило спад добычи на старых месторождениях. Наряду с этим, продолжалось открытие новых нефтяных залежей в разных районах страны, обеспечивющих рентабельную разработку. В конце 2000-х годов в Египте развернули свою деятельность более двадцати иностранных компаний, включая такие крупные как BP, ENI, Лукойл. Некоторые нефтяные эксперты утверждают, что запасы нефти в Египте в указанный период увеличились, причем до сих пор большая часть страны в достаточной степени не исследована.

Модернизация в сфере переработки нефти

Исторически арабские страны были ориентированы главным образом на добычу и экспорт сырой нефти. Переработка этого вида минерального сырья, хотя и получила определенное развитие в рассматриваемый период, однако заметно отставала от быстро растущего спроса на ее продукцию на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В результате они превратились в регион с самым высоким уровнем потребления нефтепродуктов в мире.

Стремясь повысить самообеспеченность продукцией нефтепереработки, а также увеличить экспорт жидкого топлива, арабские нефтедобывающие страны во второй половине 2000-х годов начали реализовывать беспрецедентную программу расширения производства нефтепродуктов.

Согласно данным MEED Projects, самые крупные инвестиции в строительство новых предприятий и модернизацию уже существующих осуществляет Саудовская Аравия. Одна из основных мотиваций для расширения нефтепереработки в королевстве заключается, как и в других странах ССАГПЗ, в необходимости удовлетворить растущий внутренний спрос. При этом Саудовская Аравия является крупнейшим в регионе потребителем нефти: в 2013 г. потребление этого энергоносителя составило около 3 млн баррелей в сутки, что в два раза превысило показатель 2000 г., по данным Агентства энергетической информации США (36). Для сравнения укажем, например, что данный индикатор в Германии ниже, хотя население королевства составляет лишь 30% от его численности в ФРГ.

С 2009 г. Saudi Aramco инвестировала почти 30 млрд долл. в сооружение новых нефтеперерабатывающих заводов, В то же время на несколько миллиардов больше было потрачено на модернизацию и расширение существующих предприятий. В управлении этой компании находится семь заводов общей мощностью в 2,5 млн баррелей в сутки, которая, как ожидается, в течение предстоящих трех лет увеличится на 800 тыс. б/с после ввода в эксплуатацию двух новых предприятий.

В 2014 г. вступил в действие первый из трех запланированных проектов – нефтеперерабатывающий завод в Джубейле (на побе-

режье Персидского залива), построенный Saudi Aramco и французской Total. Два других аналогичных объекта Saudi Aramco строит в сотрудничестве с китайской Sinopec (один – в Янбу, на побережье Красного моря, а другой – в Джизане, на западном побережье королевства). Каждое из этих предприятий должно иметь мощность не менее 400 тыс. баррелей в сутки (20 млн т в год).

Значительное расширение мощностей в сфере нефтепереработки предусматривается в ОАЭ. Один из самых крупных запланированных проектов – новый завод в Фуджейре (на восточном побережье Персидского залива), которое впоследствии станет составной частью комплекса по производству нефтепродуктов и нефтехимии.

Соседний Оман также планирует увеличить нефтеперерабатывающие мощности. В ноябре 2013 г. совместное предприятие (СП) в составе южнокорейской Daelim и британской Petrofac подписали контракт стоимостью 2,1 млрд долл., предусматривающий расширение завода в Сохар.

Строительство еще одного нефтеперерабатывающего предприятия мощностью 230 тыс. б/с намечено в Дукм (центральное побережье султаната). Для этой цели было создано СП с участием Oman Oil Company и Abu Dhabi International Petroleum Investment Company.

В период до 2020 г. Ирак намеревается построить пять нефтеперерабатывающих заводов, чтобы увеличить производство продукции с 860 тыс. б/с до 1,5 млн б/с (15; 7–13.02.2014).

Важно подчеркнуть, что нефтеперерабатывающие заводы, уже строящиеся или намечаемые к строительству в арабских странах, спроектированы на производство продукции со сверхнизким содержанием серы, что позволит ведущим региональным производителям стать поставщиками нефтепродуктов на европейские рынки.

В странах ЕС с 2009 г. действует так называемый стандарт Евро-5, который устанавливает максимальное содержание серы в размере 10 частей на миллион (10 parts per million – ppm) в дизельном топливе по сравнению с прежним уровнем в 50 ppm.

Более строгие технические условия, безусловно, оказали сильное влияние на планы арабских стран по развитию экспортных возможностей. Так, завод в Джубейле (Саудовская Аравия) будет

способен производить до 200 тыс. б/с газойля в сутки с содержанием серы 10 ppm.

Другое саудовское предприятие в Янбу, возможно, еще лучше расположено, чтобы обслуживать европейские рынки: оно построено на побережье Красного моря, то есть на главном морском пути в Средиземноморье. Завод спроектирован на выпуск около 263 тыс. б/с дизельного топлива со сверхнизким содержанием серы (ultra-low sulphur diesel – ULSD).

Как и Саудовская Аравия, ОАЭ также в рамках модернизации предприятия в Рувейсе в последние годы осуществила расширение производства продукции, соответствующей стандарту Евро-5, до 400 тыс. б/с (15; 7–13.02.2014).

Потенциальные возможности для экспорта на крупные неевропейские рынки (например, в Турцию), которые придерживаются технических требований к жидкому топливу ЕС, предоставляют дополнительный стимул поставщикам стран Залива для транспортировки этой продукции через Суэцкий канал. В этой связи уместно отметить, что Турция перешла на ULSD в соответствии со стандартами Европейского союза в 2011 г.

В настоящее время самый высокий спрос среди различных видов продукции нефтепереработки приходится на дизельное топливо. Так, российская компания «Лукойл» в своем долгосрочном прогнозе, опубликованном в 2013 г., отмечала, что к 2025 г. доля дизтоплива в глобальном потреблении нефтепродуктов возрастет с 32% в 2012 г.до 37%.

Аналитики полагают, что в обозримой перспективе европейский рынок ULSD останется привлекательным для потенциальных поставщиков. В частности, Британская консультационная фирма Wood Mackenzie прогнозирует, что дефицит дизтоплива стандарта Евро-5 на континенте вырастет до почти 710 тыс. б/с к 2016 г. с 585 тыс. б/с в 2012 г. При этом, согласно мнению эксперта британской энергетической консультационной компании KBC, крупнейшими импортерами этого товара из региона Ближнего Востока могут стать страны, имеющие выход к Средиземному морю, например, Франция и Турция. Некоторая часть данной продукции сможет также транспортироваться вокруг Европы в порт Роттер-

дам, где она компенсировала бы нехватку поставок в Германию и государства Центральной Европы (15; 7–13.02.2014).

Однако шансы на успех арабских экспортеров ULSD в ближайшем будущем в значительной степени будут зависеть от их возможностей поставлять свою продукцию в Европу, преодолевая конкуренцию со стороны России и Северной Америки, объемы вывоза дизельного топлива которых на европейский рынок в последние годы постоянно росли.

Путем вложения огромных инвестиций в модернизацию и расширение имеющихся нефтеперерабатывающих предприятий, а также в сооружение новых объектов арабские нефтедобывающие страны и в первую очередь государства Персидского залива стремятся к созданию более значительного объема добавленной стоимости на базе использования своих углеводородных ресурсов. Наряду с этим, реализация планов развития нефтепереработки будет способствовать снижению зависимости региона от импорта нефтепродуктов, увеличению их поставок на внешние рынки, созданию новых рабочих мест, в которых он остро нуждается.

Аналогичные цели преследовали аравийские монархии, уделяя значительное внимание в 1990–2000-е годы развитию в них нефтехимической промышленности. В результате в конце истекших двух десятилетий общая стоимость продукции нефтехимии, производимой странами Персидского залива, достигла 40 млрд долл. При этом на данный субрегион приходилось примерно 10% мирового рынка нефтехимикатов. Даже в период глобального финансово-экономического кризиса, который вынудил многих производителей в США и Европе сократить производство и в ряде случаев закрыть соответствующие предприятия, нефтехимические мощности на Ближнем Востоке выросли почти на 4%.

Прогнозируется, что к 2020 г. глобальный центр нефтехимического производства сместится на Ближний Восток, который обладает важнейшими конкурентными преимуществами – дешевыми сырьем и энергией, а также в Китай и Индию, где быстрыми темпами растет спрос на нефтехимикаты. Этот сдвиг уже начал происходить. Согласно данным Gulf Petrochemicals & Chemicals Association, только за один 2009 г. в данном регионе появились дополнительные мощности по производству 4 млн т этилена в год.

В 2013–2014 гг. в странах ССАГПЗ вступили в строй семь крекеров (установок по крекингу нефти): пять – в Саудовской Аравии и по одному – в Абу-Даби и Катаре. В результате доля региона на мировом рынке этилена поднялась до 20%. Приблизительно до такого же процента повысился удельный вес аравийских монархий и на глобальном рынке нефтехимической продукции в целом.

В последние годы нефтехимические проекты, запланированные в регионе, нацелены на производство продукции с более высокой добавленной стоимостью. Это во многом обусловлено растущим дефицитом газа в странах ССАГПЗ. В частности, не хватает этана, вместо которого приходится использовать альтернативное сырье – бутан, пропан и нафту.

Промышленные эксперты полагают, что в 2010-е годы нафта будет более широко использоваться в качестве сырья для нефтехимической промышленности Ближнего Востока. При нехватке газовых ресурсов для богатых нефтью арабских стран нафта рассматривается как приемлемая альтернатива. Однако, поскольку стоимость этого вида сырья выше чем газа, компании вынуждены строить более крупные предприятия, чтобы сократить издержки за счет масштаба производства и поддержать свои конкурентные преимущества. Существует также другой путь: объединять нефтехимические предприятия с нефтеперерабатывающими заводами. Кроме того, производство продукции из нафты требует более значительной рабочей силы. Таким способом нефтехимический сектор может помочь аравийским государствам достичь целей по созданию новых рабочих мест.

В списке ведущих мировых производителей нефтехимической продукции четвертую позицию занимает саудовская государственная корпорация Сабик, которая в течение последних трех десятилетий осуществила несколько программ развития. В результате общий объем ее производства возрос до 35 млн т в год. В соответствии со своим планом Vision 2020, корпорация поставила цель довести годовой выпуск продукции до 130 млн т к 2020 г., что позволит ей выйти на первое место в мире.

Другая крупная саудовская компания Saudi Aramco также планирует укрепить свои позиции в сфере нефтехимии и с этой целью реализует ряд проектов. Например, она совместно с американской

фирмой Dow Chemical сооружает предприятие стоимостью 15 млрд долл. в Джубейле (Восточная провинция). Другие крупные проекты осуществляются в партнерстве с японской Sumitomo и американской Chemicals ExxonMobil Chemical. Важно отметить, что Saudi Aramco планирует производить на своих новых заводах более сложную и диверсифицированную продукцию, чем та, которая выпускалась в регионе ранее.

Новые нефтехимические предприятия строятся или намечаются к строительству и в других странах ССАГПЗ. В частности, достаточно амбициозные планы имеет Абу-Даби. Так, в течение текущего десятилетия этот богатый нефтью эмират планирует стать одним из мировых лидеров в области нефтехимического производства и более чем в два раза увеличить экспорт этой продукции.

Эволюция газовой промышленности арабских стран

За последние пятьдесят лет природный газ стал одним из важнейших источников энергии, составляя более 30% мировой торговли энергоносителями и зачастую доминируя в производстве электро- и теплоэнергии на развитых рынках. При этом произошло существенное приращение разведанных запасов газа в мировом масштабе: с 16 лет потенциальной добычи в 1960-х годах до 60 лет в 2010 г. (40, с. 36).

Что касается арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки, то на них в настоящее время приходится около одной трети подтвержденных мировых запасов газа. Однако, несмотря на внушительные газовые ресурсы, доля этого региона в глобальном производстве газа весьма невелика (в 2011 г., по данным British Petroleum (BP), она составляла 15,7%). В этой связи важно отметить, что более 75% запасов газа арабских стран связаны с нефтяными месторождениями. Поэтому исторически сложилось так, что этот энергоноситель до самого последнего времени рассматривался как побочный продукт добычи нефти, которая считалась более ценным товаром. Арабские производители нефти использовали попутный газ в основном для повторного закачивания в пласты для поддержания уровня добычи или просто сжигали в факелах,

так как не было необходимых технологий, обеспечивающих его сбор и хранение (41, с. 264).

Со второй половины 1980-х годов ситуация в энергетической сфере стран региона начала меняться, и в 1990-е годы произошел решительный поворот к политике, направленной на интенсивную разработку ресурсов природного газа. Помимо роста необходимости в более рациональном использовании дефицитных, невозобновляемых энергоресурсов, этому способствовали и другие факторы:

– осознание реальности угрозы истощения разведанных запасов нефти;

– рост спроса на внутреннем и мировом рынках на газ;

– усиливающийся выбор потребителей в пользу экологически более чистых видов топлива, к числу которых относится природный газ;

– появление новых технологий, открывающих перспективы

широкомасштабной прибыльной эксплуатации и транспортировки к районам потребления продукции, как правило, с крупных и экспорториентированных газовых месторождений.

Ведущее место по добыче газа среди арабских стран занимает **Катар**, обладающий третьими в мире после России и Ирана запасами природного газа (896 трлн куб футов по состоянию на 1 января 2011 г., согласно Oil and Gas Journal). Этому эмирату принадлежит крупнейшее в мире Северное месторождение (North field).

Важно отметить, что Катар сравнительно недавно начал производить и экспортировать сжиженный природный газ (СПГ), так как достаточно длительный период времени не мог освоить технологию сжижения природного газа из-за высокой ее стоимости. Руководство страны во главе с шейхом Хамад бен Халифой (был эмиром Катара в 1995 г.– 2013 гг.) во второй половине 1990-х годов сумело преодолеть эту ситуацию. Вложив в течение последних десяти лет крупные инвестиции в энергетический сектор, Катар превратился в крупнейшего экспортера сжиженного природного газа в мире. Производство этого энергоносителя подскочило в 2011 г. на 25,8% и достигло 146,8 млрд куб. м. за счет введения в строй двух предприятий по выпуску СПГ в г. Рас Лаффан (33).

Помимо расширения производства сжиженного газа, Катар динамично развивает так называемые GTL-технологии (gas-to-liquids), суть которых заключается в переводе газа в жидкое состояние и его последующее преобразование в высококачественные, не содержащие серу, моторные топлива (иными словами синтетические жидкие топлива – СЖТ) и другие тяжелые углеводороды. В настоящее время в Катаре по GTL-технологии компании Shell функционирует завод Pearl в Рас Лаффан, который производит синтетические жидкие топлива из природного газа, поступающего с Северного месторождения. Общая мощность предприятия – 240 тыс. баррелей в сутки, 140 тыс. из которых приходится на СЖТ. Оно также выпускает примерно 120 тыс. т баррелей в сутки газового конденсата и сжиженного нефтяного газа. Завод Pearl GTL является крупнейшим предприятием подобного рода в мире. По мнению многих экспертов, GTL – технологии, являясь более гибким решением, чем трубопроводы и СПГ-проекты, способны не только вывести нефтегазовые компании на качественно новый уровень развития, но и существенно диверсифицировать экспорт.

В 2000-е годы значительное развитие получил газовый сектор стран Северной Африки. Согласно данным British Petroleum, на три арабские страны – **Алжир, Египет и Ливию** – приходится в совокупности 5% мировых доказанных запасов газа. При этом Алжир располагает газовыми резервами в 4,5 трлн куб. м, Египет – в 2,2 трлн куб. м и Ливия – 1,5 трлн куб. м. (33). Необходимо подчеркнуть, что некоторые специалисты считают, что эти цифры не в полной мере отражают газовый потенциал Ливии. Так, британский Oxford Institute of Energy Studies оценивает газовые запасы этой страны примерно в 3,3 трлн куб. м. (15; 5–11.08.2011).

Первенство в добыче и экспорте газа среди стран Северной Африки в истекшем десятилетии удерживал **Алжир,** который по величине запасов природного и сланцевого газа занимает десятое и третье место в мире соответственно. Добыча газа в стране с 2002 г. составляла, как минимум, 80 млрд куб. м в год по сравнению с 50 млрд куб. м в 1994 г. (15; 6–12.06.2014).

В 1983 г. был введен в эксплуатацию первый трубопровод Transmed, соединивший Алжир и Италию, а в 1996 г.– второй (Maghreb – Europe), по которому алжирский газ стал поступать

в Испанию. К началу 2010-х годов суммарная мощность двух систем достигла 42 млрд куб. м газа в год (15; 5–11.08.2011).

Третьим каналом, по которому алжирский газ экспортируется в Испанию стал трубопровод Medgas, построенный и введенный в эксплуатацию в 2010 г. национальной компанией Алжира Sonatrah и испанской Cepsa. Его минимальная пропускная способность определена в 8 млрд куб. м в год (42).

Возможность строительства еще одного газопровода – от алжирских месторождения In Salah до о. Сардиния, а затем через территорию о. Корсика в Италию – изучает итальянская электрическая компания Edison.

В последние годы газовый сектор Алжира переживает серьезные трудности. Политика правительства по ограничению участия иностранного капитала в реализации нефтегазовых проектов привела к резкому снижению интереса международных энергетических компаний к разработке углеводородных запасов страны. Так, по результатам торгов, проведенных в 2010–2011 гг., было заключено всего лишь пять лицензионных соглашений на реализацию газовых проектов при том, что алжирская сторона выставляла на продажу в указанные годы в общей сложности двадцать лицензий.

В то же время государственная энергетическая компания Sonatrah в последние два года приостановила реализацию планов по развитию своих газовых месторождений, что привело к уменьшению добычи газа в Алжире в 2011 г. до 78 млрд куб. м по сравнению с 80,4 млрд куб. м в 2010 г. (15; 6–12.07.2012). Объем алжирского газа, поставленного в Европу, упал с 53,8 млрд куб. м в 2010 г. до 32,8 млрд куб. м в 2012 г. (MEED.6–12.06.2014).

Несмотря на проблемы, имеющиеся в алжирском газовом секторе, некоторые достаточно крупные проекты продвигались вперед. Об этом свидетельствовало заключение в 2013–2014 гг. нескольких контрактов на проведение инжиниринга, поставку оборудования и материалов, а также строительные работы (EPC contracts) в рассматриваемой сфере. Так, испанская Technicas Reunidas подписала в 2013 г. контракт, предусматривающий разработку месторождения Tonat на юго-западе Алжира. После вступления этого объекта в строй добыча газа должна составить 4,5 млрд куб. м газа и 1700 баррелей в сутки конденсата в год, Южноко-

рейская Samsung Engineering в рамках EPC contract, подписанного в 2014 г., реализует газовый проект Timmoun (юго-запад Алжира), включающий строительство предприятия по обработке 1,8 млрд куб. м газа в год и трубопровода протяженностью 180 км. Британская Petrofac заключила в том же году соглашение об осуществлении проекта Regane North, после завершения которого добыча газа на этом месторождении должна достичь 3 млрд куб. м. Кроме того, предусматривается строительство объекта по обработке газа, газосборной сети и трубопровода протяженностью 74 км.

Добыча газа в **Египте**, по данным British Petroleum, увеличилась с 21 млрд куб. м в 2000 г. до 61,3 млрд куб м в 2010 г., при этом разведанные запасы выросли с 1,4 трлн куб. м до 2,2 трлн куб. м благодаря интенсивному сотрудничеству с иностранными газовыми компаниями (2; 20.10.2011; 15, 6–12.06.2014).

Международные компании, добывающие газ в АРЕ на условиях соглашений о разделе продукции, а также Египетская генеральная нефтяная корпорация (Egyptian General Petroleum Corporation – EGPC) и компания Egas, являющаяся их партнером в совместных предприятиях, в истекшем десятилетии, наряду с увеличением поставок газа для внутренних нужд страны, заметно активизировали усилия по продвижению этого энергоносителя на рынки государств Ближнего Востока и Европы. В 2003 г. Египет начал экспортировать сжиженный газ, а в конце 2000-х годов вошел в десятку крупнейших в мире поставщиков этого вида топлива.

В рассматриваемый период Египет построил два терминала для экспорта сжиженного природного газа в Идку и Дамиетте. В АРЕ в 2011 г. на различной стадии реализации находились четыре экспортных проекта по транспортировке сжиженного природного газа. К наиболее проработанному варианту относился проект испанской электрической компании Union Fenosa, которая еще в июле 2000 г. подписала контракт с EGPC на приобретение 4 млрд куб м газа в год для его последующего сжижения. С этой целью Union Fenosa планировала построить завод по производству СПГ мощностью 8 млрд куб. м в год на островах в дельте Нила. При этом основную часть сжиженного природного газа предполагалось поставлять в Испанию для последующего использования для производства электроэнергии, а остальную

продукцию – реализовывать как для других нужд в этой стране, так и за ее пределами.

Египетская генеральная нефтяная корпорация подписала также соглашение с концернами BP и ENI о строительстве завода по производству СПГ в порту Дамиетта. Еще один аналогичный проект был разработан египетской компанией в сотрудничестве с British Gas и итальянской Edison, согласно которому завод по производству СПГ предполагалось построить недалеко от Александрии. Суммарный объем экспорта сжиженного природного газа в случае реализации четырех указанных проектов оценивался в 18 млрд куб. м в год. При этом аналитики допускали, что для снижения конкуренции и поддержания цен на СПГ на приемлемом уровне некоторые из этих проектов будут объединены.

Консолидация газовых комплексов в масштабах Северной Африки могла бы быть еще более глубокой, так как в регионе появление новых экспортеров неизбежно привело бы к резкому обострению конкуренции. Поэтому, по мнению экспертов The World of Africa, не исключалось, что со временем Алжир, Египет и Ливия могли бы образовать неформальный альянс, а его физическим подкреплением стал бы транссевероафриканский газопровод, идея создания которого обсуждалась длительный период. Объединение экспортного потенциала позволило бы государствам Северной Африки выступать на европейском рынке в качестве единого поставщика природного газа с объемами, которые, вероятно, превзошли бы экспортные возможности Норвегии и Нидерландов (42).

Планы по превращению рассматриваемого региона в крупного поставщика газа в Европу вызвали в 2000-е годы новую волну интереса к поисково-разведочным работам в Алжире, Ливии и Египте. Со своей стороны правительства североафриканских стран стремились поддерживать эти стремления, создавая более благоприятную деловую среду. Так, в Алжире результативность геологоразведочных работ достигла достаточно высокого показателя – 47%, а в Египте в конце истекшего десятилетия этот показатель был близок к 80%. По данным компании British Gas, на ее лицензионных участках в АРЕ он достигал 100%. В Ливии до начала боевых действий в тендерах на разработку недр участвовали около 200 компаний.

Успехи в проведении геологоразведочных работ и крупные экспортные проекты североафриканских государств способствовали усилению интереса генерирующих компаний ЕС к газовому бизнесу, поскольку основную часть газа из этого региона предполагалось использовать в секторе электрогенерации. Поэтому в Алжире в одном из трубопроводных проектов активное участие принимала итальянский концерн Edison, а в Египте в двух из четырех проектов по производству СПГ участвовали иностранные электрогенерирующие компании (итальянская Edison и испанская Union Fenosa). Следует отметить, что фирма Edison (она является одним из подразделений Montedison Group) с середины 1990-х годов осуществляла в АРЕ геологоразведочные работы, которые завершились открытием нескольких газовых месторождений.

Международные энергетические аналитики утверждают, что в предстоящие годы внимание правительств арабских стран к развитию газового сектора заметно усилится не только из-за стремления повысить доходы этих государств за счет продажи газа на внешних рынках, но также в связи с необходимостью удовлетворить быстро растущий внутренний спрос на данный углеводород со стороны населения и промышленности (43,44,45,46). Важно отметить, что в настоящее время регион Ближнего Востока и Северной Африки испытывает острый дефицит природного газа для покрытия местных потребностей. Поэтому страны даже обладающие крупными запасами газа вынуждены его импортировать. Это имеет прямое отношение к таким крупным производителям нефти и газа, как Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты.

Как известно, **Саудовская Аравия** была первой страной в регионе, которая стимулировала развитие нефтехимической промышленности путем создания корпорации Sabic в 1976 г., призванной сыграть ключевую роль в обеспечении диверсификации экономики страны, что подразумевало уменьшение чрезмерной зависимости от добычи и экспорта нефти путем развития производства продукции с более высокой добавленной стоимостью. В качестве сырья для нефтехимических предприятий был выбран этан из-за его огромного ценового преимущества. Saudi Aramco поставляла этим заводам этан по фиксированной цене, равной 0,75 долл. за

1 млн. BTUs (british thermal units – британские тепловые единицы). Для сравнения отметим, что рыночная цена для большинства американских производителей нефтехимической продукции в 2011 г. составляла примерно 3,50 долл. за 1 млн. BTUs (43, с. 214). Эта ценовая политика привела к тому, что саудовская нефтехимия в последние годы стала испытывать значительные трудности в связи со снабжением предприятий газовым сырьем, поскольку из-за отсутствия стимулов для инвесторов затормозились разведка и разработка новых месторождений.

Важно подчеркнуть, что не только нефтехимическая промышленность арабских стран озабочена отсутствием газа в необходимых объемах. Региональные производители металла также испытывают растущее беспокойство по поводу ограниченных ресурсов газового сырья по конкурентным ценам. Нехватка газа сдерживает развитие электроэнергетики региона. Тепловые электростанции вынуждены использовать в качестве сырья импортное топливо.

В Саудовской Аравии, в частности, спрос на электроэнергию, согласно исследованию Университета нефти и минералов (King Fahd University of Petroleum & Minerals), к 2032 г. вырастет в четыре раза и достигнет 140 ГВт. Саудовская электрическая компания (Saudi Electricity Company) заявила, что собирается в ближайшие три года инвестировать 28 млрд долл. в увеличение производства электроэнергии на 13 ГВт и в модернизацию распределительной системы. Однако дефицит местных ресурсов газа может серьезно затормозить реализацию этих планов.

Поэтому Saudi Aramco в последние годы увеличила мощности по производству газа с 64 млрд куб. м в год до 93 млрд куб. м. путем разработки двух шельфовых месторождений в Персидском заливе (Karan и Wasit). Добыча газа на месторождении Karan составляет 50,4 млн куб. м в сутки, при этом сырье на газоперерабатывающий завод (ГПЗ) Khursaniyh, расположенный на побережье, поставляется по подводному трубопроводу протяженностью 110 км (44).

Проект разработки месторождения Wasit, которое было введено в эксплуатацию в 2014 г., предусматривал сооружение завода по переработке 70 млн куб. м газа в сутки. Кроме того, в указанном году Saudi Aramco построила ГПЗ Shaybah по переработке 67 млн

куб. м газа в сутки и выпуску широкой фракции легких углеводородов (ШФЛУ) в объеме до 264 тыс. тыс. баррелей в сутки.

Несмотря на то, что на **Объединенные Арабские Эмираты** приходится 3,3% мировых запасов газа (15; 27.01–2.02.2012), эта страна в последние годы испытывает острый дефицит этого важнейшего вида сырья.

Важность проблемы наглядно демонстрируют следующие цифры. Согласно данным государственного дистрибьютора Emarat, ОАЭ производит 4,65 млрд куб. футов газа в сутки (1 куб. фут = 0,028 куб. м), из них – 3,85 млрд.– в Абу-Даби и 0,5 млрд.– в Дубае (15; 27.01–2.02.2012). При этом потребности страны в газе оцениваются примерно в 7 млрд куб. футов в сутки. Нехватка газа на внутреннем рынке покрывается за счет импорта 2–2,3 млрд куб. футов газа в год из Катара. Ожидается, что спрос на этот энергоноситель к 2025 г. возрастет до 25 млрд куб. футов в сутки.

В условиях усиливающегося газового дефицита Abu Dhabi Gas Industries (Gasco), дочерняя компания Abu Dhabi National Oil Company (Adnoc) с целью повышения добычи развивает в настоящее время два крупных газовых проекта: Shah (стоимость 10 млрд долл.) и IGD (Integrated Gas Development).

Компания Adnoc в январе 2011 г. подписала соглашение о создании совместного предприятия с Occidental Petroleum для реализации проекта Shah Gas, который имеет ключевое значение для экономического развития ОАЭ, поскольку его реализация позволит в значительной степени решить проблему растущего дисбаланса между спросом и предложением газа на местном рынке. В то же время проведение в жизнь этого проекта сопряжено со значительными трудностями, которые во многом связаны с системой ценообразования в газовом секторе ОАЭ, которая характерна и для других арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Руководство **Ирака** также наметило осуществить в текущем десятилетии достаточно амбициозные цели в области развития газового сектора страны. Прежде всего, это касается прекращения расточительной практики сжигания попутного газа. Каждый действующий нефтепромысел в стране имеет дегазационную станцию, которая подготавливает сырую нефть для транспортировки путем

удаления соли, воды и газа. Несмотря на то, что весь газ, получаемый из нефти, должен направляться в централизованную газосборную сеть, из-за слабого развития инфраструктуры в большинстве случаев он сжигается в факелах.

В настоящее время в Ираке действуют четыре основные построенные в 1980-е годы газоперерабатывающие предприятия общей мощностью по переработке 1 млрд куб. футов попутного газа в сутки. Три из них располагаются на юге и функционируют не на полную мощность.

Одной из наиболее важных инициатив в этой области является долго откладывавшийся проект по сбору газа, осуществляемый консорциумом, возглавляемым UN-Dutch Shell Group. Контрактом, подписанным с консорциумом на 25 лет, предусматривается создание Basra Gas Company, которая будет осуществлять сбор и утилизацию попутного газа на месторождениях Зубейр, Румейла и Западная Курна (1 и 2 фаза), расположенных в южных районах страны. Министерство нефти Ирака планирует распространение подобных проектов и в других провинциях страны.

В то же время создание стимулов для расширения работ по разведке газовых месторождений, а также для запуска новых проектов по добыче и переработке газа в арабских странах непосредственно связано с необходимостью реформирования системы ценообразования в этом секторе экономики, которая предусматривала бы, в частности, постепенную ликвидацию субсидий, что привело бы к повышению внутренних цен на данный сырьевой товар. Однако правительства государств Ближнего Востока и Северной Африки, учитывая политическую нестабильность в регионе, вряд ли пойдут на столь радикальную меру, поскольку дешевые источники энергии рассматриваются как часть социального контракта.

Трансформация глобальных рынков углеводородов и ее влияние на энергетическую политику и нефтегазовый сектор арабских стран

Сдвиги, которые набирают обороты на мировых рынках углеводородов в последние годы, могут оказать серьезное влияние на нефтегазовый сектор аравийских монархий, а также всех арабских стран-производителей нефти и газа.

В силу неравномерности географического расположения месторождений основных видов углеводородов и несовпадения во многом с ним центров их массового потребления, а также различной степени развития производительных сил в различных частях мира объем энергетических товаров, перемещавшихся по каналам международной торговли в период с 2002 г. по 2012 г. стабильно увеличивался. В указанные годы доля сырой нефти, поставлявшейся на внешние рынки возросла с 60,55 до 66,3%, природного газа – с 23,0% до 30,7%. Наряду с этим, произошли качественные изменения в структуре международных поставок нефти, нефтепродуктов и газа. Так, в их суммарном товарообороте доля нефтепродуктов, то есть товаров с более высокой добавленной стоимостью, увеличилась с 22,6% до 29,4%, а в газовом сегменте удельный вес сжиженного природного газа (СПГ) повысился с 25,8% до 31,7% (47).

Ведущим мировым поставщиком энергоресурсов в 2002–2012 гг. являлась Россия, которая увеличила их экспортный потенциал на 43% – до 611 млн т нефтяного эквивалента (н.э.), что почти в 1,5 раза превысило аналогичный показатель второго крупнейшего нетто-экспортера – Саудовской Аравии (417 млн т н.э.). Следующие за ними Катар, Индонезия и Австралия демонстрировали менее масштабные возможности – около 190 млн т (47).

В начале текущего десятилетия по степени зависимости от внешних поставок энергоносителей лидером стала Япония, восполнившая снижение атомной генерации ввозом сжиженного природного газа. В 2012 г. внешнее поступление топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) в эту страну достигло рекордных 94% национального энергобаланса (в 2002 г.– 81%). Критически высокой оставалась доля импорта в суммарном энергопотреблении Тайваня (в 2012 г.– 90%), Республики Корея (86%), Италии (80%), Испании

(75%), а также ведущих экономик объединенной Европы – Германии (65%) и Франции (53%). В то же время Соединенные Штаты Америки, являвшиеся в 2000-е годы крупным импортером нефти и газа, коренным образом изменили энергетическую политику, взяв курс на сокращение импорта углеводородов.

Обращает на себя внимание ситуация в Китае, обогнавшем в 2010 г. США и ставшем мировым лидером по потреблению ТЭР, которое в 2012 г. достигло уровня в 2,7 млрд т н.э. (22% глобального расхода энергии). Для наглядности масштаба этой величины ее можно сравнить с аналогичным суммарным показателем стран объединенной Европы и СНГ, близким к 2,9 млрд т (23%).

Мировым лидером по экспорту нефти в 2012 г. оставалась Саудовская Аравия. За ней следовала Россия. На третье место поднялся Ирак, а Объединенные Арабские Эмираты опустились на четвертую строчку.

Что касается импорта нефти, то ведущее место в 2012 г. по-прежнему занимали США, однако для них в последние годы была характерна нисходящая динамика закупок (максимум был пройден в 2006 г.– 530 млн т). Высокие цены на нефть, с одной стороны, заставили американское правительство проводить энергосберегающую политику и развивать альтернативные источники энергии, а с другой, благоприятно повлияли на активную разработку собственных месторождений сланцевой нефти. Важно отметить, что географическая структура импорта «черного золота» в США являлась наиболее диверсифицированной в отличие от других крупных покупателей, что во многом связано с широким распространением производственной деятельности американских нефтегазовых ТНК. Среди крупнейших поставщиков можно выделить Канаду, Саудовскую Аравию, Мексику и Венесуэлу.

В 2000-е годы отмечалось активное расширение импортных потребностей Китая в нефти. В 2009 г. Китай прочно обосновался на втором месте в мире по закупкам данного вида сырья, учитывая, что ввод в эксплуатацию новых нефтеперерабатывающих мощностей значительно опережал темпы роста китайской нефтедобычи, при этом самообеспеченность КНР нефтью за 2000–2012 гг. снизилась с 73% до 43% (48). В географической структуре китайского импорта в указанный период наибольший удельный вес приходил-

ся на страны Персидского залива, в меньшей степени – на африканские государства, прежде всего Анголу.

В 2012 г. третье место среди стран-импортеров нефти заняла Индия. В результате Япония переместилась на четвертую позицию. Помимо ведущей четверки импортеров следует отметить и страны ЕС, суммарные потребности которых во ввозе нефти в 2012 г. превысили американские и составили 600 млн т (48). Наиболее крупными покупателями этого энергоносителя в Евросоюзе выступали Великобритания, Германия, Испания, Италия, Нидерланды и Франция, на которые приходилось более 70% нефтяного импорта ЕС. К числу главных экспортеров нефти на европейский рынок относились Россия, страны Персидского залива, а также Северной и Западной Африки.

В XX веке развитие международной торговли другим важнейшим энергоносителем – природным газом базировалось на создании магистральных трубопроводов, протяженность которых в настоящее время составляет около 160 тыс. км (49). С 80-х годов прошлого столетия западные газовые компании начали внедрять промышленные технологии, позволяющие переводить газ в жидкую фазу (путем его охлаждения до низких температур) и примерно в 600 раз уменьшать исходный объем сырья, что создало условия для повышения мобильности поставок. В итоге переход от жестких региональных трубопроводных кластеров к маневренным торговым связям и наращивание межконтинентальных перевозок СПГ запустили процесс стирания границ разрозненных газовых сегментов и формирования глобального газового рынка. Так, в 2012 г. в мире примерно 31% добытого газа поступил в каналы международной торговли. Из этого объема около 30% (328 млрд куб. м) пришлось на долю СПГ (49).

По данным на конец 2012 г., производство сжиженного природного газа велось в 18 странах на 25 заводах. Лидерами этого сектора являлись Катар (32% мировых поставок), а также Малайзия, Австралия, Нигерия, Индонезия (по 8–9%). В списке крупных покупателей СПГ находились более 29 государств, среди которых доминировали: Япония, обладающая тридцатью регазификационными терминалами (36% глобального импорта СПГ); Республика Корея (15%), а также Индия и Испания (по 6%).

Усиление экономической интеграции на региональном уровне (расширение ЕС, интенсификация процессов международного разделения труда, развитие экономических связей между странами Азиатско – Тихоокеанского региона – АТР), восстановление нефтеперерабатывающей промышленности на постсоветском пространстве и развитие ее в странах АТР способствуют увеличению удельного веса и физических объемов нефтепродуктов, вовлекаемых в международную торговлю, по каналам которой в 2012 г. было поставлено почти 28% данной продукции, произведенной в мире, по сравнению с 19,6% в 2000 г. (48). Помимо этого, происходят изменения в товарной структуре мирового рынка нефтепродуктов в сторону увеличения доли продукции с более высокой добавленной стоимостью.

Двигателем роста международной торговли нефтепродуктами в начале XX1 века, по мнению российского исследователя В. В. Ступина, выступало активное строительство нефтеперерабатывающих заводов в развивающихся странах, прежде всего азиатского региона. Интенсивная модернизация производственных мощностей по переработке нефти в развитых странах, направленная на её углубление, оказала дополнительную поддержку росту этого сегмента международной торговли. В силу высоких цен на нефть государствам с развитой нефтеперерабатывающей промышленностью стало выгодно в качестве сырья использовать продукцию более низкого качества, что обусловлено меньшей энергоемкостью вторичных процессов переработки, а также меньшей нагрузкой на окружающую среду. Помимо этого, энергосберегающая политика, проводимая в промышленно развитых странах, благоприятно влияла на сокращение внутренних потребностей этих государств, что, в свою очередь, увеличивало их экспортный потенциал. За 2000–2012 гг. емкость мирового рынка нефтепродуктов выросла на 64% и превысила 1,1 млрд т (48).

В мире сложились три основных региональных рынка нефтепродуктов: АТР, европейский и североамериканский, на которые суммарно приходится более 80% глобального импортного спроса на продукты нефтепереработки. За пределами указанных рынков следует отметить только одного существенного импортера – ОАЭ, которые выступают своеобразным распределительным центром,

так как значительная часть ввозимых из стран Персидского залива нефтепродуктов реэкспортируется.

С 2010 г. на втором месте в мире (после России) по экспорту нефтепродуктов обосновались США, что во многом обусловлено постепенным изменением внутренней структуры потребления энергоносителей при снижении роли продуктов их переработки. В частности, население страны постепенно отказывается от использования мощных автомобилей, ориентируясь на малолитражные машины и популярные в последние годы автомобили с гибридными двигателями. В результате снижения внутренних потребностей появились дополнительные объемы нефтепродуктов, предназначенные для внешних рынков. В силу своего технологического лидерства Соединенные Штаты являются наиболее конкурентоспособным поставщиком высококачественной продукции на мировой рынок. Большое количество нефтегазовых ТНК, присутствующих в США, предопределяет наиболее высокую диверсификацию американских экспортных нефтепродуктов среди крупных поставщиков. В последние годы во внешней торговле этой группой товаров США ослабевает роль внутрирегиональных поставок при усилении позиций европейского рынка.

С середины 2000-х годов Сингапур, бывший вторым по величине экспортером нефтепродуктов в мире, переместился на третью позицию. В структуре его отгрузок значительную роль играют реэкспортные поставки, что объясняется выгодным экономико-географическим положением страны, которая находится на пересечении торговых путей, ведущих в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Четвертое место по вывозу нефтепродуктов занимают Нидерланды. Данная страна – специфический участник международного рынка этой продукции, что обусловлено не только ее географическим положением, но и высоким уровнем развития транспортной инфраструктуры (преимущественно глубоководные порты с нефтеналивными терминалами), благодаря которым она выступает распределительным центром для европейских государств. Лидирующую «пятерку» замыкает Индия, для которой характерны очень высокие темпы роста экспорта нефтепродуктов (за 2001–2012 гг. почти в 11 раз – до 59 млн т) благодаря быстрому экстенсивному развитию нефтепереработки (48).

Ведущим в мире импортером нефтепродуктов на протяжении долгих лет остаются США, для которых, однако, в последние годы характерна нисходящая динамика закупок. Второе место прочно занимает Сингапур, импорт которого стабильно увеличивается в силу уже упоминавшегося выполнения им распределительных функций на растущем рынке АТР и постепенной переориентации на вторичную переработку нефтепродуктов. Третье место принадлежит Нидерландам, закупки которых в начале XX1 века постоянно росли во многом вследствие увеличения реэкспорта и вторичной переработки.

Динамичное расширение потребления углеводородов в Китае в 2000-е годы обусловило двукратное повышение спроса на нефтепродукты зарубежного производства и перемещение в группу ведущих покупателей этих товаров (с 2011 г.– четвертое место).

Для Франции, занимающей пятую позицию, характерны в последние годы быстрые темпы роста импорта нефтепродуктов в связи с постепенным замещением закупок нефти нефтепродуктами невысокого качества с целью дальнейшего передела.

В международной торговле первичными энергоресурсами в средне- и долгосрочной перспективе могут произойти существенные изменения под влиянием сдвигов в производстве и потреблении, в первую очередь, основных энергоносителей – нефти и газа.

Наряду с этим, международные и российские эксперты в области нефтегазовой промышленности предсказывают, что углеводороды в предстоящие тридцать лет сохранят безусловное доминирование в глобальной «топливной корзине». Согласно базовому сценарию, подготовленному российским Институтом энергетических исследований РАН (ИНЭИ) в 2013 г., их доля составит 51,4% суммарного потребления первичных энергоресурсов, в число которых входят нефть, природный газ и нефтепродукты (49). При этом, несмотря на то, что удельный вес нефти снизится к концу прогнозного периода до 27% по сравнению с 32% в 2010 г., она будет оставаться на лидирующих позициях среди потребляемых основных первичных энергоресурсов.

Как считают специалисты, нефть является наиболее гибким и приоритетным энергоресурсом, поскольку ее использование подкреплено мощной глобальной инфраструктурой. Кроме того, она

составляет трудно заменяемую основу моторного и других видов топлива. В государствах с высоким уровнем моторизации населения на долю этого энергоносителя (независимо от наличия или отсутствия собственных запасов углеводородов), как правило, приходится более одной трети суммарного энергопотребления. Так, в ЕС и США в 2012 г. данный показатель составлял 37%, в Японии – 46%, а в Китае, с относительно скромным автопарком (из расчета на душу населения) – 16% (47). Растущий транспортный сектор останется главным мотором спроса на нефть и нефтепродукты в период до 2035–2040 гг.– до 80% общего объема потребления жидкого топлива к 2040 г. (49).

Ускоренный рост спроса на нефть и нефтепродукты ожидается в тридцатилетней перспективе в развивающихся странах, что связано, прежде всего, с развитием индустриального сектора, а также быстрым ростом парка транспортных средств. По прогнозу Международного энергетического агентства, основной прирост – более 865 млн т к 2035 г. (71% прироста мирового спроса на «черное золото») – обеспечат Китай (455 млн т) и Индия (более 230 млн т). Увеличение потребления ожидается также в странах Ближнего Востока (145 млн т) и в государствах Центральной и Южной Америки (125 млн т) [50].

В развитых странах спрос на нефть, как ожидается, будет увеличиваться сравнительно медленно из-за проводимых правительствами этих государств мер по повышению энергоэффективности экономики, в частности, по снижению потребления топлива на транспорте, прежде всего автомобильном. Речь идет о принятии более жестких стандартов расхода топлива новыми моделями автомобилей, а также о поощрении замены населением своих старых транспортных средств на современные модели с меньшим расходом углеводородного топлива. Так, в 2007–2012 гг. в рамках ОЭСР потребление первичной энергии сократилось на 234 млн т (в пересчете на нефтяной эквивалент), то есть на 4%. Соответствующий вклад в этот процесс внесли такие страны, как (в скобках – снижение энергопотребления,%): Италия (12), Великобритания (11), Япония (10), Германия (8), США и Франция (по 7) [47].

В результате эксперты МЭА прогнозируют превышение потребления нефти в развивающихся странах по сравнению с государ-

ствами ОЭСР на 23%. В КНР при высоких темпах прироста спроса на нефть (порядка 3% в год) общий объем ее потребления может составить к концу прогнозного периода 845 млн т. Однако этот уровень все же останется ниже американского (50, с. 56).

Практически во всех прогнозах российских и международных экспертов предусматривается постепенное снижение к 2035–2040 гг. добычи традиционных видов нефти в мире в целом, а также их доли в общем объеме производства этого энергоносителя. В то же время в странах ОПЕК ожидается рост с 1745 млн т в 2008 г. до 2260 млн т в 2035 г., или на 515 млн т, прежде всего, за счет Саудовской Аравии. В государствах, не входящих в ОПЕК за этот же период добыча может увеличиться на 355 млн т, при этом основной вклад, как полагают эксперты, внесут Россия, США, Бразилия и Канада.

В прогнозный период может произойти падение производства традиционных видов топлива в целом ряде стран, не входящих в ОПЕК, но занимающих видное место в глобальной нефтяной индустрии. В частности, по среднему варианту прогноза МЭА, только в Мексике и Северном море к 2035 г. произойдет падение нефтедобычи более чем на 58 млн т (50, с. 57).

Наряду с прогнозируемым постепенным снижением доли традиционной нефти к 2035–2040 гг. будет наблюдаться увеличение производства нетрадиционных ее видов (сланцевой, битуминозных песчаников и пр.) до 13,5%–16,4% глобальной добычи (49,50).

Разработанные в США в последние годы новые методы бурения горизонтальных скважин и усовершенствование технологий многоступенчатого гидроразрыва протяженных участков позволили осуществлять рентабельную добычу нефти из продуктивных пластов сланцевых месторождений. Вместе с тем добыча сланцевой нефти и ее переработка вызывает ряд экологических опасений, связанных с использованием значительных земельных угодий, потреблением огромных объемов пресной воды, ее загрязнением с необходимостью последующего захоронения, эмиссией парниковых газов и т.д.

Наращивание производства нетрадиционных видов нефти в прогнозный период будет играть важную роль в покрытии мирового спроса на нефть. Согласно прогнозу МЭА, 12% этого спроса

к 2035 г. будут удовлетворяться за их счет, сюда войдут 85 млн т из стран-членов ОПЕК и 570 млн т их других государств-производителей нефти. При этом максимальный рост добычи нетрадиционных видов нефти в течение рассматриваемого периода ожидается в Канаде (165 млн т), США (115 млн т), Бразилии (60 млн т) и КНР (45 млн т) [50, с.60].

В начале XX1 века отмечается стабильное увеличение мировых разведанных запасов природного газа (по данным компании British Petroleum, в 2012 г. они оценивались в 187,3 трлн куб. м (в 2000 г.– 154 трлн куб. м) в силу меньшей изученности залегания ресурсов данного сырья по сравнению с нефтью (33).

Газовая промышленность – самая молодая среди других базовых отраслей мирового топливно-энергетического комплекса, для неё характерны более высокие темпы роста. Природный газ в целом отличается высокой теплотворной способностью (90% от нефтяной) и является более экологически чистым видом топлива. Как следствие данный энергоресурс широко используется в коммунально-хозяйственном секторе, а также в качестве технического топлива в электроэнергетике и в различных отраслях промышленности (черная металлургия и другие). Кроме того, природный газ – более удобное сырье для химической промышленности.

В базовом сценарии, подготовленном экспертами ИНЭИ, к 2040 г. прогнозируется рост мирового потребления газового топлива до 5,3 трлн куб. м, что более чем на 60% превышает уровень 2010 г. Основную часть этого прироста обеспечат развивающиеся страны (более 80%). Ключевым двигателем столь быстрого увеличения спроса на газ во всех регионах мира станет развитие газовой генерации, обусловленное растущей электрификацией человеческой деятельности и соответствующим ростом потребления электроэнергии. Кроме того, в развивающихся странах будет быство расти газопотребление в промышленности (49).

По расчетам ИНЭИ, суммарный прирост европейского спроса на газ с 2010 г. по 2040 г. составит всего 15%. Среди остальных стран ОЭСР только Северная Америка будет демонстрировать относительно высокие темпы роста (в среднем 0,8% в год) благодаря избытку предложения и низким ценам на газ. Гораздо интенсивнее потребление газа будет увеличиваться в развивающихся

странах: в Азии оно возрастет более чем втрое, удвоится в Южной и Центральной Америке, вырастет на 75–78% на Ближнем Востоке и в Африке (49).

В базовом сценарии ИНЭИ все регионы мира (за исключением Европы) к 2040 г. заметно увеличат производство газа. Лидерами по его приросту станут помимо традиционных производителей (СНГ и Ближний Восток – 60% и 95% соответственно) еще и развивающиеся страны Азии, которые утроят добычу. За ними последует Северная Америка с ростом производства на 40%.

Основной прирост глобального производства рассматриваемого энергоносителя, как считают эксперты ИНЭИ, придется на новые месторождения традиционного газа и дальнейшее расширение добычи его нетрадиционных видов, которая к концу прогнозного периода обеспечит до 15% мирового производства (11% – сланцевый газ, 3% – метан угольных пластов и 1% – биогаз). Согласно оценке МЭА, ресурсы извлекаемого нетрадиционного газа в мире по состоянию на конец 2011 г. составили 328 трлн куб. м, включая 200 трлн куб. м сланцевого газа (51). Очевидно, наибольший прирост добычи сланцевого газа покажет Северная Америка. Остальные регионы мира находятся на начальном этапе геологоразведочных работ и имеют высокую степень неопределенности как в отношении потенциала сланцевых залежей, так и возможных регуляторных ограничений на добычу в конкретных странах. В прогнозе ИНЭИ предполагается, что добыча сланцевого газа за пределами Северной Америки будет осуществляться в Аргентине, Китае, Индии, ЮАР, Австралии и странах Европы. Её суммарный объем к 2040 г. не превысит 70 млрд куб. м (49).

Происходящие на протяжении последних пятнадцати лет существенные сдвиги в развитии глобальных рынков энергоносителей и в международной торговле углеводородами дают основание многим авторитетным международным и российским аналитикам прогнозировать неизбежное переформатирование мировой энергетической системы.

Энергетическое хозяйство, как показывает его анализ на этапе индустриального развития, обладает достаточно высокой инерционностью. В современную эпоху внедрение новых знаний требует от глобальной энергетики изменения философии и образа мышле-

ния, присущих следующему технологическому укладу. В XX1 веке эта отрасль все больше начинает приобретать новые черты – гибкость, оперативность, мобильность и интеллектуальную насыщенность.

В этих условиях ведущие экономики мира стремятся сохранить и приумножить свое влияние на энергетическом рынке, что ведет к усилению конкурентной борьбы и возникновению тенденции к отходу от традиционных принципов формирования цен на топливно-энергетические ресурсы (на основе баланса спроса и предложения), в первую очередь на нефть и природный газ, не говоря уже об их нетрадиционных видах или возобновляемых источниках энергии.

В начале XX1 столетия в процессе ценообразования в рассматриваемом секторе мировой экономики все большее значение стал приобретать финансовый сектор. Котировки нефтяных фьючерсов («бумажной нефти») теперь в меньшей степени определяются соотношением глобального спроса и предложения, при этом они все более сильно зависят от ситуации на ведущих фондовых площадках.

На основании анализа структурной перестройки мирового рынка нефти российский исследователь В. О. Волков пришел к выводу, что в конце XX – начале XX1 веков главными инструментами на нефтяных биржах стали фьючерсы и опционы, которые более не выступали в качестве контрактов по продаже партий реального товара, а являлись, по сути, стандартизированными обязательствами по продаже обезличенной виртуальной нефти, то есть «вторичными» финансовыми инструментами (деривативами), не связанными напрямую с самим товарным рынком. Соответственно стала меняться структура продаж, поскольку развитие торговли «бумажной нефтью» шло по линии удлинения сроков контрактов, которые сейчас по фьючерсам в большинстве случаев составляют 24–36 месяцев, а иногда достигают семи лет. Унифицированная форма деривативов обеспечивает высокую ликвидность этих инструментов, возможность многократной перепродажи и участия различных, в том числе многочисленных непрофессиональных игроков. Появление и распространение новых видов сделок не отменяло, а лишь дополняло использование прежних механизмов, хотя ко-

личественные соотношения между ними непрерывно менялись в пользу появившихся инструментов. Внедрение вторичных инструментов биржевой торговли привело к беспрецедентному росту числа субъектов рынка за счет нетрадиционных участников: банки, страховые компании, пенсионные, суверенные паевые и хеджевые фонды. В новых условиях нефтяной рынок перестал быть чисто товарным и приобрел двойственную товарно-финансовую природу, поэтому движение цен на нем и все связанные с этим процессы перестали зависеть только от баланса спроса и предложения и от уровня издержек (52).

Повышение роли факторов финансового порядка в процессе ценообразования в рамках всего мирового топливно-энергетического комплекса делает неизбежным пересмотр подходов к прогнозированию движения цен, а для этого необходимо углубление знаний о многофакторных взаимосвязях, которые формируют конъюнктуру глобального рынка энергоносителей. Разработка новой системы прогнозирования основных трендов развития мировых рынков углеводородов требует времени. Пока же ведущие энергетические эксперты используют сложившиеся в предшествующий период методики.

Перестройка мировой энергетики, происходящая в текущем десятилетии и прогнозируемая в среднесрочной и долгосрочной перспективе, как считают аналитики ИНЭИ, существенно изменит позиции основных участников рынков углеводородов. Предполагается, что США в ближайшие 5–10 лет обретут энергетическую независимость и получат возможность осуществлять масштабный экспорт энергоносителей.

Ожидается, что в перспективе (как уже отмечалось) наряду с увеличением добычи традиционной нефти будет расти и производство нетрадиционных ее видов. При этом основной рост произойдет за счет наращивания извлечения сланцевой нефти, запасы которой в США самые крупные в мире. Они оцениваются в 109 млрд т, что почти в три раза превышает нефтяные ресурсы Саудовской Аравии (50). По оценке Международного энергетического агентства, в 2014 г. США стали мировым лидером по добыче нефти, увеличив ее до 11,81 млн баррелей в сутки. МЭА прогнозирует, что основной прирост американской добычи к 2020 г. будет приходить-

ся на сланцевую нефть: ее производство вырастет с 3,6 млн б/с до 5,2 млн б/с. (53).

В США успехи в разработке залежей сланцевого газа также как и аналогичных месторождений нефти сопряжены с совершенствованием технологий: во-первых, горизонтального бурения (вдоль пласта) в коллекторах со сверхнизкой проницаемостью и, во-вторых, многоуровневого гидроразрыва пласта (до 40 операций в пределах многокилометровых скважин). Несмотря на сопутствующие высокие экологические риски, связанные с нарушением гидрологии почвы, загрязнением грунтовых вод и другими факторами, «сланцевая революция» продолжала неуклонно «пробивать» себе дорогу. Так, если в 2005 г. в США в суммарной добыче газа доля сланцевого сырья составляла всего 3%, то в 2011 г. данный показатель вырос до 23%. По предварительной оценке Геологической службы США, в стране технически извлекаемые запасы сланцевого газа достигают 13,6 трлн куб. м (в мире – 158,6 трлн куб. м) [47]. Поэтому производство этого энергоносителя имеет неплохие перспективы.

Другим важным игроком на глобальном энергетическом рынке становится Китай, который обладает собственными запасами нетрадиционного газа и стремится их активно развивать. При этом КНР усиливает свои позиции в различных регионах мира путем участия национальных компаний в разработке нефтяных и газовых ресурсов и обеспечения поставок в соответствии с долгосрочными контрактами и по льготным ценам.

Рассмотренные выше и другие аспекты ожидаемой глубокой трансформации энергетических рынков, безусловно, требуют дальнейших специальных исследований их механизмов и количественных проявлений. Тем не менее, можно с достаточно высокой степенью уверенности утверждать, что сдвиги в мировой энергетике и особенно на рынках углеводородов уже сейчас создают определенные проблемы для арабских производителей и экспортеров нефти и газа.

В частности, это наглядно проявилось в связи с резким падением нефтяных цен во второй половине 2014 г.: они снизились примерно в два раза по сравнению с июнем этого года. В последующий

период цены продолжали оставаться на уровне 50–60 долларов за баррель.

Существенное и продолжительное падение нефтяных цен представляет серьёзную угрозу для экономик арабских нефтедобывающих стран. Во многом это связано с тем, что так называемые нефтяные цены равновесия (breakeven oil prices), при которых эти государства могут свести свои бюджеты без дефицита, быстро росли, начиная с 2008 г., и в настоящее время либо приблизились к фактическим, либо превысили их. Данный тренд был обусловлен, прежде всего, двумя событиями, которые, в свою очередь, повлекли за собой увеличение государственных расходов рассматриваемой группы стран.

Во-первых, глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. заставил правительства арабских стран повысить расходы, чтобы стимулировать экономическую активность. Позднее социально-политические протесты в арабском мире вынудили руководство ряда государств, в частности входящих в ССАГПЗ, объявить о выделении крупномасштабных финансовых ассигнований на заработную плату, субсидии и различные гранты и пособия. С помощью этих мер власти пытались успокоить местное население и снизить социальную напряженность.

В настоящее время, по прогнозу МЭА, шесть из одиннадцати стран-производителей нефти Ближнего Востока и Северной Африки нуждаются в среднем уровне мировых нефтяных цен выше 100 долл. за баррель, чтобы сбалансировать свои государственные бюджеты, для остальных он всего лишь немного ниже указанной критической отметки. (54).

Многие энергетические аналитики ожидают, что в предстоящий период еще более значительное число арабских нефтепроизводителей будет вынуждено сводить свои бюджеты с дефицитом. Это подтверждается, например, тем фактом, что размеры бюджетных профицитов в странах Персидского залива в последние годы снижались из-за быстрого роста государственных расходов.

Тем не менее, согласно оценке МВФ, Катар, ОАЭ и Саудовская Аравия смогут сбалансировать свои бюджеты при нефтяной цене в пределах от 73 долл. до 91 долл. В то же время «цена равновесия»

для Кувейта составляла на 2015 г. всего лишь 53,3 долл. Это можно объяснить главным образом тем, что кувейтское правительство в последние несколько лет принимает государственные бюджеты и утверждает расходные статьи в противостоянии с достаточно сильной оппозицией в парламенте. Однако, «цена равновесия» этой страны все же возросла вдвое по сравнению с её уровнем в 2009 г., когда она составляла 28 долл. за баррель. Бахрейн и Оман находятся в наиболее уязвимом положении среди стран ССАГПЗ, учитывая, что МВФ оценивала «цену равновесия» для них на 2015 г. в 116 долл. и 107,5 долл. соответственно.

В этих условиях аравийские правительства начали сокращать темпы роста государственных расходов. Институт международных финансов также отмечал более консервативный подход руководства стран Персидского залива к формированию бюджетов. Так, по его расчетам, суммарные государственные расходы этой группы государств в 2014 г. должны были возрасти на 4,8% по сравнению с их приростом на 8,2% в среднем за предшествующие два года (5). Эксперты Института международных финансов полагают, что «нефтяная цена равновесия» чувствительна к соотношению двух важных факторов: государственных расходов и добычи нефти и газа. По их мнению, несмотря на то, что сейчас тенденция в большинстве нефтедобывающих арабских стран Персидского залива состоит в уменьшении государственных расходов, «цена равновесия» будет продолжать расти, поскольку в данном регионе не ожидается заметный рост добычи углеводородов.

Ситуация в некоторых других арабских нефтедобывающих странах несколько другая. В частности, Ирак и Ливия стремятся ускорить рост своих нефтегазовых секторов, однако этому препятствует серьезное ухудшение военно-политической обстановки в обеих странах.

В Алжире «цена равновесия» испытывала в последнее время колебания, хотя не такие значительные как в других арабских странах-производителях нефти и газа. Согласно оценке МВФ, она в 2014 г. была ниже 113 долл. за баррель (54). Как и остальная Северная Африка, Алжир может получить выигрыш от общего улучшения экономической ситуации в Европе.

В то же время Алжир сталкивается с проблемами в своем нефтегазовом секторе, главными из которых являются снижение добычи и увеличение внутреннего потребления углеводородов, которое растет на 5–6% в год. Все это, в свою очередь, ведет к уменьшению экспорта нефти и газа. В результате, по данным энергетических аналитиков, в Алжире государственный бюджет и баланс текущих операций сводятся в последние годы со значительным дефицитом (5).

С другой стороны, Алжир, как и большинство стран, входящих в ССАГПЗ, обладает значительными накоплениями и низким уровнем государственного долга. Данная «подушка безопасности» предоставляет их правительствам возможность финансировать дефициты госбюджетов в течение ряда лет. При этом сокращение расходов на поддержание уровня жизни местного населения, особенно в условиях сохраняющейся социально-политической напряженности, представляется маловероятным. Руководство арабских нефтедобывающих стран, скорее всего, будет использовать накопления, а также выпускать государственные облигации для решения финансовых проблем (15; 13–19.06.2014).

Однако, эксперты Института международных финансов считают, что, если нефтяные цены будут оставаться ниже 60 долл. за баррель в течение пяти лет и более, арабские производители нефти будут вынуждены уменьшать инвестиционные ассигнования, что может привести к замедлению темпов роста их экономик и торможению процесса диверсификации (5).

Наряду с этим на рыночную ближневосточную стратегию все возрастающее давление оказывает сокращение импорта углеводородов США. Так, в 2012 г. чистый нефтяной импорт в эту страну упал на 36% по сравнению с наивысшим уровнем в 2005 г. (15; 1–7.11.2013). Поэтому неудивительно, что Китай, учитывая его растущие потребности в энергоресурсах и опору на ввоз нефти, потеснил США в качестве крупнейшего покупателя сырой нефти в мире.

Важно отметить, что ключевым экспортером «черного золота» на американский рынок в 2000-е годы традиционно была Саудовская Аравия. В последний период ориентация данного сегмента торговли королевства на Запад начала испытывать определенные

проблемы, хотя общий объем поступлений от экспорта нефти пока серьезно не был затронут. Кроме того, Саудовская Аравия сумела наладить поставки в Азиатско-Тихоокеанский регион, компенсируя сокращение спроса со стороны США. Так, в 2012 г. королевство являлось крупнейшим продавцом нефти в Китай: на него приходилось 20% нефтяного импорта КНР, или почти 1,1 млн баррелей в сутки (15; .1–7.11/2013).

С другой стороны, в долгосрочной перспективе США могут стать конкурентом для арабских экспортеров не только нефти, но и газа. По всей вероятности, Соединенные Штаты к 2040 г. не только существенно снизят зависимость от импорта газа, но и смогут при этом отправлять на экспорт около 10 млрд куб. м, гибко реагируя на изменения рыночной конъюнктуры и перенаправляя поставки на более прибыльные рынки (49).

Прогнозируемые изменения на глобальном энергетическом рынке, несомненно, будут оказывать заметное влияние на развитие газового сектора Ближнего Востока и Северной Африки. В этой связи важно подчеркнуть, что экспортеры газа из стран ССАГПЗ, как и США, ориентируются на азиатские рынки. В случае заметного роста американского экспорта сжиженного газа Штаты смогут также бросить вызов другим игрокам из арабского региона, включая Алжир и Египет, на рынках Европы.

До последнего времени крупные арабские газовые экспортеры не были существенно затронуты ростом добычи сланцевого газа в США. В 2012 г. экспорт этого энергоносителя Катара вырос на 4,7%, при этом вывоз СПГ достиг 105,4 млрд куб. м, из которых 63,1% было поставлено покупателям Азиатско-Тихоокеанского региона. Остальная часть пришлась на страны Европы (15; 1–7.11.2013). Алжир и другие государства Северной Африки наоборот подавляющую часть своего вывоза направляли на европейские рынки.

Что касается арабского трубопроводного газа, который через сеть трубопроводов связан с европейской газотранспортной системой, то здесь крупнейшим региональным экспортером в последние годы являлся Алжир. В 2012 г. он поставил в Италию и Испанию 32,8 млрд куб. м, или 94% всего объема своего газового экспорта (15; 1–7.11.2013).

В то же время наиболее вероятно, что самым крупным арабским производителем и экспортером газа в перспективе останется Катар, который будет стремиться внедрять новые технологии переработки этого энергоносителя. Однако, география поставок катарского газа может в обозримом будущем достаточно заметно измениться. Как известно, до недавнего времени Катар являлся крупнейшим поставщиком СПГ в США. В результате превращения Америки из импортера этого товара в его экспортера, видимо, произойдет переориентация катарского газового экспорта на рынки стран Евросоюза и Дальнего Востока.

Что касается других арабских газодобывающих государств (Алжир, Ливия, Египет, Саудовская Аравия, ОАЭ, Ирак и др.), то перед ними стоит задача в первую очередь повысить свою самообеспеченность в этом важном источнике энергии и сырьевом товаре. В частности, проблема необходимости удовлетворения внутренних потребностей в газе в странах Персидского залива привела к формированию новых стратегий в этой сфере. Так, ОАЭ начали в 2000-е годы импортировать газ через трубопровод Dolphin из Катара. В Эмиратах, Кувейте и Бахрейне уже построены или находятся в стадии строительства инфраструктурные объекты для импорта СПГ. В то же время ОАЭ продолжает разработку дорогостоящих и технически проблемных месторождений сернистого газа, тогда как Оман планирует самые крупные в регионе проекты по добыче трудно извлекаемого газа (15; .22–28.11.2013). Помимо этого, реализация намеченных в этих странах проектов с целью увеличения добычи и экспорта газа, вызывает необходимость создания более благоприятных инвестиционных условий для привлечения иностранных нефтегазовых компаний.

Сдвиги в сельском хозяйстве

Как свидетельствует опыт 1960–1980 гг., характерной чертой экономической модернизации, развернувшейся в арабских странах в этот период, являлась усилившаяся концентрация хозяйственного потенциала, опирающегося на индустриальную систему производительных сил и соответствующие ей формы экономической деятельности, в сравнительно узких «очагах роста» при полузастой-

ном состоянии «периферии» с ее относительно многочисленным населением и преобладанием докапиталистических отношений. Такие анклавы роста, первоначально формировавшиеся на базе городов, постепенно стали возникать и в аграрной сфере, охватывая все более значительную часть ее пространства. В итоге в арабской деревне стала интенсивно формироваться новая система аграрных порядков, начали появляться хозяйства капиталистического типа.

В условиях становления и укрепления современных форм экономической деятельности в 1990–2000-е годы в арабских странах продолжился начатый в предшествовавшие три десятилетия закономерный и объективный процесс интенсификации сельскохозяйственного производства, который включал в себя расширение использования современных средств и методов производства, новых высокоурожайных сортов зерновых и других культур, минеральных удобрений, средств химической защиты растений, более производительной техники. Наряду с этим, ускорилось введение в эксплуатацию водных ресурсов. Увеличился удельный вес поливных земель в общей возделываемой площади. Процесс интенсификации сельского хозяйства в государствах Ближнего Востока и Северной Африки в рассматриваемый период, в частности, наглядно отражает рост потребления минеральных удобрений с 35,6 кг/гектар в 1979–1981 гг. до 420,9 кг/гектар в 2009 г., или почти в 12 раз (55; 56).

Поддержание процессов модернизации в сельском хозяйстве арабских стран требовало значительных материальных и финансовых затрат государства. Так, предоставление государственных займов даже для весьма зажиточных хозяйств являлось необходимым условием осуществления ими производственных затрат, связанных с освоением новых технологий и техники. Помимо расширения кредитования сельских производителей, способных переходить к новой агрикультуре, государственная политика в аграрной сфере включала в себя организацию снабжения деревни техническими средствами и их субсидирование. Внедрение научных достижений и изменение товарного обмена в пользу сельского хозяйства также способствовали более эффективному использованию аграрного инфраструктурного потенциала.

Переход к интенсивному сельскому хозяйству позволил арабским странам в 1990–2000-е годы увеличить темпы роста производ-

ства продукции, как в земледелии, так и в животноводстве, а также повысить их продуктивность по сравнению с предшествовавшим двадцатилетием. В частности, средняя урожайность зерновых на Ближнем Востоке и в Северной Африке в 2008 г. была в 1,5 раза выше, чем этот показатель в 1979–1983 гг. (55,57,58). Более подробные статистические данные содержатся в таблицах, представленных в Приложении к данной монографии.

Ниже мы попытаемся более детально проследить основные сдвиги, которые произошли в аграрном секторе арабских стран в 1990–2000-е годы, на примере главным образом Египта и Саудовской Аравии, принимая во внимание, что тенденции, получившие развитие в сфере сельского хозяйства этих двух государств, приобрели наиболее ярко выраженный характер и во многом отражали процессы, типичные для большинства стран арабского региона.

Египет

В ходе аграрных преобразований, проводившихся в Египте в 1950–1970-е годы, был нанесен серьезный удар по господствовавшим в египетской деревне докапиталистическим отношениям, что ослабило экономическую базу крупных феодальных землевладельцев. Одновременно с этим расширились и укрепились позиции различных слоев аграрной буржуазии. Произошли существенные изменения в социальной структуре египетской деревни. С экономической точки зрения аграрная реформа не только обеспечила тысячи крестьянских семейств землей, но и открыла возможности для улучшения жизни мелких земельных собственников, крестьян-арендаторов, батраков и пауперов; был запрещен произвольный сгон арендаторов с земли, определена доля издольщика в урожае, установлен минимум заработной платы батракам и предоставлено им право на создание профсоюзов (9; с. 156). Несмотря на непоследовательность и противоречивость преобразований, они повысили интерес крестьян к росту сельскохозяйственного производства. В целом аграрные преобразования в Египте носили антифеодальный характер и способствовали развитию капиталистических отношений в деревне, упрочению позиций сельской буржуазии.

Кроме того, определяющим фактором подъема аграрного производства в АРЕ становится интенсификация сельского хозяйства,

которая продолжалась в 1990–2000-е годы. Данный процесс был направлен, прежде всего, на укрепление материально-технической базы производительных сил аграрного сектора, в частности, применения минеральных удобрений и новых агротехнических приемов обработки земли, в том числе механизации. Использование удобрений в 2008 г. достигло почти 700 кг в расчете на 1 га посевов по сравнению с 549 кг в 1975 г. Тракторный парк был увеличен в 2008 г. до 103,2 тыс. шт., или в семь раз против его численности в 1972 г. (59; 60; 61; 62).

Правительство АРЕ уделяло в рассматриваемый период значительное внимание росту производительности в аграрной сфере, содействию притоку капиталовложений, наращиванию внутреннего производства для сокращения зависимости от импорта продовольствия. Были разработаны планы по расширению экспорта сельскохозяйственной продукции в ЕС в связи с формированием зоны свободной торговли между Евросоюзом и странами Средиземноморья.

Новые хозяйства в аграрном секторе экономики АРЕ отличались крупными размерами и ориентированностью на экспорт. Они использовали более передовые агротехнологии и часто делали основную ставку на эксплуатацию грунтовых вод, а не на гидроресурсы Нила. Местные фермеры, которые в 70–80-е годы прошлого столетия половину своего времени тратили на подвод воды и орошение своих участков, перешли на использование дизельных насосов, вспахивали землю с помощью тракторов и осуществляли обмолот пшеницы машинным способом.

Политика модернизации египетского сельского хозяйства в 1990–2000-е годы принесла определенные положительные результаты. Посевные площади в Египте за последние двадцать пять лет выросли на 30% (8, с, 43). Индекс продукции растениеводства повысился в 2009 г. на 16 процентных пунктов по сравнению с показателем 2004–2006 гг., принятым за 100 (59; 61). Производство пшеницы в 2007/08 фин. г. выросло до 8 млн т (в 1989 г.– 3,3 млн т). Позитивное влияние оказало повышение закупочных цен на эту культуру. Сбор риса в указанном году составил 6,9 млн т (в 1989 г.– 2,3 млн т) во многом благодаря увеличению посевных площадей, занимаемых этой культурой (8; 59).

Египет, как известно, является ведущим поставщиком длинноволокнистого хлопка на мировой рынок. В рассматриваемый период делались попытки модернизировать местное хлопководство и добиться на этой основе сохранения соответствующей доли на мировом рынке. В частности, был создан особый комитет для решения проблем в производственной сфере и в области маркетинга. Тем не менее, решить многие проблемы, стоящие перед этой отраслью, пока не удалось. Серьезным тормозом на пути развития египетского хлопководства являлось сокращение посевных площадей, которое объяснялось трудностями, с которыми сталкивались фермеры. Среди них следует, в первую очередь, выделить частые изменения ценовой политики и высокие издержки. Так, в 2006/07 фин. г. возникли большие проблемы со сбытом вследствие решения правительства в рамках либерализационных мер в данной отрасли прекратить осуществлять закупки хлопка-сырца у фермеров. В этих условиях прядильные и ткацкие предприятия предпочитали приобретать более дешевое (хотя и менее качественное) импортное сырье. В обстановке усилившегося давления со стороны фермеров правительство вынуждено было вмешаться в создавшуюся ситуацию и через Сельскохозяйственный банк скупить произведенное сырье по заниженным ценам.

В целом египетские фермеры в 1990—2000-е годы извлекали немалые выгоды из государственной поддержки. Наличие в стране значительных трудовых ресурсов позволяло развивать трудоемкие отрасли земледелия, в частности рисоводство. По производству продовольственных культур Египет опередил другие государства Ближнего Востока и Северной Африки и по ряду позиций имеет существенный экспортный потенциал. В то же время в АРЕ остро ощущается нехватка пахотных земель; слабое развитие инфраструктуры оборачивается высокими транспортными издержками для египетских фермеров; серьезную угрозу представляют периодически повторяющиеся засухи, особенно на фоне ограниченности орошаемых площадей. В результате Египет остается крупным импортером продовольственных товаров, в основном зерна.

Что касается египетского животноводства, то индекс его продукции увеличился в 2010 г. на 24 процентных пункта по сравнению с показателем 2004—2006 гг. (59; 61; 62). При этом рост производ-

ства мяса, молока шерсти и другой животноводческой продукции был достигнут как на основе прямого увеличения поголовья скота, так и в результате повышения его продуктивности, введения новых пород скота, применения современных методов его выращивания на крупных механизированных фермах.

Саудовская Аравия

Основными производителями в земледелии Саудовской Аравии до начала 1980-х годов оставались мелкие арендаторы (издольщики) и собственники земли, хозяйства которых давали минимальный выход товарной продукции и в подавляющей своей массе были нерентабельны. Раздробленность земельных наделов, постоянная нехватка воды отсутствие у большинства земледельцев агротехнических знаний и навыков, необходимых для правильного ведения интенсивного хозяйства, и, что самое главное, отсутствие средств на приобретение инвентаря, удобрений, семенного материала и т.д.— все это привело к ускорению процесса разорения мелких землевладельцев и арендаторов. Часть из них нанималась в крупные хозяйства капиталистического типа, основная же масса уходила в города и на нефтепромыслы; те, кто оставался в деревне, фактически были заняты на сезонных работах.

Расширению и углублению кризиса традиционного хозяйства способствовало и то обстоятельство, что уровень грунтовых вод имел тенденцию к понижению. Это вызывалось несколькими причинами, и прежде всего тем, что предшествовавшие десятилетия были необычайно засушливыми, а также резким увеличением потребления воды крупными хозяйствами. Землевладельцы, имеющие средства на бурение колодцев и покупку насосного оборудования, все шире приступали к ведению интенсивного производства. Особенно быстро росло число подобных хозяйств в Касиме и Восточной провинции, в окрестностях Эр-Рияда и других городов, где легче можно было обеспечить сбыт сельскохозяйственной продукции.

В 1970—1980-е годы, наряду с переустройством земледелия, в Саудовской Аравии происходило резкое сокращение традиционного экстенсивного кочевого скотоводства. В королевстве начался переход к интенсивному животноводству на базе обводне-

ния пастбищ за счет артезианских колодцев, расширения посевов кормовых культур, разведения породистого скота. Иными словами, как и в земледелии, четко определилось общее направление перестройки этой отрасли хозяйства на капиталистических началах.

Необходимо отметить, что решающую роль в ускорении отмеченных объективных процессов капиталистической трансформации аграрной сферы сыграло саудовское государство, которое использовало растущие доходы от экспорта нефти в том числе и на подъем сельскохозяйственного производства в стране.

В частности, новые условия, которые создали основу для активного развития агросектора в Саудовской Аравии формировались под воздействием «Акта о порядке распределения земель под паром», который был введен в жизнь королевским указом № 26 от 1968 г. (63, с. 89). Руководствуясь принципами, изложенными в этом документе, государство в Саудовской Аравии активно вмешивалось в процессы контроля над использованием земельного фонда и, сочетая разные методы, влияло на практику эксплуатации угодий. Одновременно оказывалось воздействие на становление новых форм собственности в сельском хозяйстве, которые устанавливались в соответствии с государственными потребностями при учете интересов и возможностей претендентов и носителей прав на землю.

Саудовское государство, широко опираясь на доходы от экспорта нефти и практикуя масштабное использование частных накоплений, добивалось подъема сельского хозяйства не только путем изменения социально-экономических основ его функционирования, но и применяя меры организационно-технического характера, способствуя более целесообразному размещению материального производства по территории страны, модернизируя его инфраструктуру, привнося новые, более современные методы хозяйствования и управления в агросферу.

Все эти меры в комплексе привели в очень сжатые исторические сроки к резкому повышению уровня товарности саудовского сельского хозяйства, коренной перестройке системы землевладения и землепользования, которые весьма заметно повлияли на социальный и экономический облик местной деревни. Во исполнение программ аграрного переустройства в стране возникли десятки

тысяч новых собственников и арендаторов, существенно изменились принципы организации работ и деятельности традиционных сельских хозяев на основе капитализации ренты, повышения интенсивности хозяйствования, совершенствования материально-технической базы земледелия и животноводства (64, с. 158; 65).

Социальная структура саудовской деревни значительно видоизменилась в ходе массированных преобразований. К сожалению, этот процесс сложно проследить в реальных показателях, так как национальная статистика дает весьма скудную информацию о том, что касается социальных изменений. Однако анализ косвенных данных позволяет сделать вывод о существенных качественных сдвигах, произошедших в системе организации производства, в характере общественных отношений в аграрной сфере. Достаточно указать, например, что к середине 1990-х годов в королевстве были распределены 1,9 млн га между примерно 90 тыс. индивидуальных фермерских хозяйств (15; 13.06.1997).

Саудовское руководство, ставя задачу модернизации сельского хозяйства страны, стремилось избежать наиболее одиозных и негативных моментов, как правило, сопровождающих этот процесс, связанный с разорением мелких товаропроизводителей, обезземеливанием значительной части крестьянства, подрывом воспроизводственных возможностей в больших сегментах аграрного сектора. Если четыре десятилетия назад для Саудовской Аравии было характерно сочетание крупного землевладения с мелким землепользованием, издольная аренда с натуральной оплатой, а основная доля производившейся продукции приходилась на мелких арендаторов-издольщиков и мелких же собственников земли, то ныне эта картина полностью изменилась. Причем, основная трансформация происходила за счет сужения базы землепользователей, зависевших от арендодателя, и появления на их базе самостоятельных товаропроизводителей, имеющих обоюдовыгодные отношения с государством, патронирующим аграрное производство и создающим, как отмечалось, приемлемые условия для занятия сельским трудом (66, с. 6).

Задача диверсификации экономической базы и формирования национального фонда продовольствия за счет собственных ресурсов в сложных природно-климатических условиях Саудов-

ской Аравии, в которой огромные пространства занимают пустыни и полупустыни, требовала от государства поистине титанических усилий и громадных капиталовложений, чтобы освоить значительные площади новых земель и сделать их пригодными для обработки. В результате широкомасштабных ирригационных работ площадь обрабатываемых земель в королевстве возросла с 245 тыс. га в 1960 г. до 575 тыс. га в 1980 г., а в 2009 г. она составляла 3,2 млн га, то есть более чем в 13 раз превысила уровень 1960 г. (64, с. 157; 67)).

Необходимо подчеркнуть, что государство в Саудовской Аравии, реализуя масштабную программу введения в оборот крупных земельных массивов и распределения угодий среди местного населения, одновременно стремилось обеспечить имеющиеся и вновь созданные хозяйства ирригационно-дренажными системами, средствами механизации, кредитами, прогрессивным менеджментом.

В исследуемый период королевство добилось существенных сдвигов в использовании техники в сельском хозяйстве, что стало базой для осуществления подъема в производстве аграрной продукции, в том числе и за счет замещения недостающей рабочей силы машинами и механизмами. Однако следует принимать в расчет, что подобный массированный процесс механизации стал осуществляться благодаря уникальным финансовым возможностям королевства, которое на правительственном уровне приняло и обеспечило за счет доходов от экспорта нефти программу кредитования и стимулирования механизации.

Так, если к концу 1970-х годов в саудовском сельском хозяйстве число тракторов не превышало 1200, и это количество было накоплено за предшествующие десятилетия, то в 1998 г. их насчитывалось уже 9792 (64; 67). Кроме того, на кредиты, предоставлявшиеся Сельскохозяйственным банком, сельские товаропроизводители покупали комбайны, плуги, прицепы для перевозки собранной продукции, различные другие приспособления и механизмы: сеялки, веялки, разбрасыватели удобрений и т.п. Резкий скачок в механизации был обеспечен также за счет применения множества сложных технических приспособлений для ирригации, что было связано с расширением клина орошаемых земель.

Масштабы кредитования сельского хозяйства в королевстве получили впечатляющее развитие. При этом подавляющая часть

кредитных потоков в аграрной сфере формировалась за счет среднесрочных ссуд (на период до 10 лет), тогда как долгосрочное кредитование (на 25 лет) практиковалось в ограниченных масштабах. Все кредиты, выдававшиеся Сельскохозяйственным банком, были беспроцентными. В саудовской практике размер кредита мог достигать 80% стоимости проекта, если он оценивался менее чем в 3 млрд сауд. риалов. При стоимости проекта выше этой суммы, остаток ее кредитовался из расчета 60%. В тех случаях, когда получателем ссуды выступал сельскохозяйственный кооператив, размер кредита мог достигать 100%, но по согласованию с правлением банка.

Сельскохозяйственные кредиты поступали в саудовскую деревню по трем основным направлениям, в рамках которых происходило их преимущественное освоение: обеспечение водоснабжения, включая бурение колодцев, установку соответствующего оборудования, прокладку необходимых коммуникаций и возведение различных устройств; реализация аграрных проектов разного назначения; приобретение сельскохозяйственных машин и механизмов с необходимым оборудованием. Кредитные средства предоставлялись в значительной мере для возведения объектов инфраструктуры и с целью материально-технического обеспечения производственных процессов в сельском хозяйстве (64, с. 178).

Стимулированию аграрной модернизации в Саудовской Аравии в исследуемый период также способствовала государственная политика в области цен, прежде всего, на продовольственную продукцию. В рамках этой политики широко применялось кредитование и субсидирование с целью увеличения производства продовольствия, повышения доходности хозяйств, активизации использования современных средств производства.

Предоставление сельскохозяйственных кредитов и субсидий, а также поощрительные закупочные цены использовались, в первую очередь, для повышения товарности земледельческих и животноводческих хозяйств. Так, товаропроизводители получали финансовую помощь в размере 0,25 риала за 1 кг пшеницы, 0,3 риала – за 1 кг риса, 0,25 риала – за 1 кг кукурузы, 0,15 риала – за 1 кг ячменя. Кроме того, земледельцу выплачивалось 50 риалов за каждый побег финиковой пальмы, которая выращивалась с применением совре-

менной технологии и при условии, что число пальм – не менее 30, а саженцы соответствовали стандартам Министерства сельского хозяйства (64, с. 183,184).

С целью увеличения посадок картофеля государство также предоставляло определенные льготы его производителям. В частности, среди них распределялись улучшенные семена по субсидируемым ценам. При этом первые пять тонн предоставлялись бесплатно, последующие 40 т – по символической цене из расчета 1 риал за 1 кг семян. Осуществлялся бесплатный технический надзор, специальные машины для картофелеводства в течение первых двух сезонов предоставлялись на безвозмездной основе.

Поощрительные меры в области животноводства включали кредитование закупок кормов (соя, хлопковое семя, кунжут, подсолнечник, арахис, жмых), если содержание белка в них отвечало нормам, установленным соответствующими государственными ведомствами. Как правило, кредиты устанавливались в размере 50% стоимости закупаемой партии. В случае, когда осуществлялась закупка местных кормов, потребитель оплачивал 50% стоимости сделки (если он являлся товаропроизводителем), а остальная часть погашалась Сельскохозяйственным банком. Наряду с этим, государство осуществляло кредитование кормов с целью компенсации потерь от засухи и ухудшения качества пастбищ. Корма продавались кочевникам и фермерам по субсидируемым ценам, уровень которых определялся централизованно Министерством торговли.

Ввоз высокопродуктивного крупного рогатого скота стимулировался путем оплаты Министерством сельского хозяйства и водных ресурсов совместно с Сельскохозяйственным банком всех сборов за воздушную транспортировку скота из страны-экспортера до места назначения, но при условии, что партия скота составляла не менее 50 голов и его параметры соответствовали условиям, предъявляемым Министерством сельского хозяйства (67, с. 135).

Оборудование для птицеферм и молокотоварных хозяйств также подлежало кредитованию. Обычно выдавался 30%-ный кредит от стоимости оборудования по прибытии его в порт назначения (и 20%-ный, если закупка этого оборудования финансировалась за счет кредитных средств Сельскохозяйственного банка) [64, с. 184].

Социально-экономические сдвиги, которые произошли в саудовской деревне, интенсификация сельского хозяйства, а также расширение площадей обрабатываемых земель способствовали заметному увеличению производства продовольствия в королевстве в изучаемый период. Так, производство пшеницы в Саудовской Аравии выросло со 140 тыс. т в 1980 г. до 4,1 млн т в 1992 г. Однако в последующие годы финансовые трудности и необходимость экономии водных ресурсов вынудили правительство сократить субсидии и установить квоты на закупку пшеницы и других зерновых культур у фермеров. Например, в 1994 г. объем субсидий уменьшился до 0,85 млрд долл. с 1,87 млрд долл. в 1993 г. (2, 17.01.1995). В итоге сократились посевные площади под зерновыми, а их производство упало с 4955 тыс. т в 1994 г. до 1784 тыс. т в 2010 г. (62; 68, с. 49,83).

Внедрение современных форм и методов хозяйствования, увеличение инвестиций в аграрный сектор способствовали расширению в Саудовской Аравии в исследуемый период производства фруктов (в 2010 г.– 1736 тыс. т.) и овощей (в 2010 г.– 2236 тыс. т) [62]. Эти показатели в 1980 г. выглядели следующим образом: 750 тыс. т и 400 тыс. т соответственно (69, с. 166).

Социально-экономическая эволюция Саудовской Аравии нашла отражение в коренных переменах в животноводстве страны. Так, резкое падение спроса на верблюдов вследствие развития транспорта и уменьшения роли вьючных животных как основного средства перевозки грузов поставило часть верблюдоводческих племен перед необходимостью переключиться на разведение овец, коз и крупного рогатого скота. Влияние этого фактора, наряду с созданием современных капиталистических хозяйств и проведением обширных работ по улучшению и обводнению пастбищ, сказалось на внушительном росте производства продукции животноводства в стране. В частности, к середине 1990-х годов Саудовская Аравия достигла самообеспеченности молоком за счет местного производства. Саудовские фермы в 2010 г. произвели 752,8 тыс. т мяса против 46 тыс. т в 1980 г. и 222 тыс. т в 1995 г. (62; 69; с. 178; 70; 26.03.1996).

Оценивая сдвиги, которые произошли в производстве аграрной продукции в малых странах Персидского залива, следует подчеркнуть, что в них сельское хозяйство либо уже перешло в 1970–1980-е годы на капиталистические рельсы, как, например, в Кувейте, ОАЭ и Бахрейне, либо быстрыми темпами перестраивалось в этом направлении (Катар, Оман). Во всяком случае, то сельское хозяйство, которое имелось здесь к концу 1980-х годов, уже нельзя было называть традиционным, хотя бы потому, что почти повсеместно местная рабочая сила была заменена иностранной.

Важно отметить, что относительно высоким (после Саудовской Аравии) потенциалом для развития сельского хозяйства и обеспечения продуктами питания за счет местного производства среди аравийских монархий обладает Оман.

В султанате, благодаря осуществлению программы по развитию и модернизации аграрного сектора, в 1990–2000-е годы заметно увеличилась площадь обрабатываемой земли. Так, в 2009 г. она составляла 99 тыс. га, что почти в два раза превышало уровень середины 1990-х годов (62, 71, с. 115).

Государственные меры, направленные на поддержку фермерских хозяйств, развитие ирригации, а также распространение передового опыта, способствовали повышению урожайности продовольственных культур как традиционных, так и новых видов. Важное место в аграрной политике Омана в рассматриваемый период занимало животноводство: внедрялись современные технологии выращивания скота, фермеры централизованно снабжались концентрированными кормами, а также удобрениями и семенами для производства фуража. Положительные сдвиги, достигнутые в аграрной сфере, позволили султанату в 2010 г. повысить индекс производства продукции растениеводства на 35 процентных пунктов (индекс 2004–2006 гг.= 100) [59; 61].

Общая площадь возделываемых земель в Объединенных Арабских Эмиратах увеличилась в 2009 г. до 64 тыс. га по сравнению с 12,5 тыс. в середине 1990-х годов, то есть более чем в пять раз (58, 72, с. 106). В стране было создано значительное количество современных специализированных ферм. Благодаря вытеснению докапиталистических форм хозяйствования, переходу к интенсив-

ному сельскому хозяйству и крупным капиталовложениям, ОАЭ в конце 2000-х годов производили более 300 тыс. тонн овощей и свыше 800 тыс. тонн фруктов в год, обеспечивая свои внутренние потребности в ряде видов и даже вывозили часть продукции в другие государства. Например, такая культура, как земляника, экспортировалась из Шарджи и Аль-Фуджейры на европейские рынки, а молочные и птицеводческие фермы почти полностью покрывали спрос населения на молоко, яйца и другую производимую ими продукцию.

Впечатляющие успехи в области сельского хозяйства и в окультуривании земель явились следствием целеустремленной и продуманной социальной и экономической политики. Государство выделяло каждому решившему заняться фермерством значительные участки земли, снабжало его всем необходимым, а также оплачивало на протяжении двух лет труд двух работников для помощи в организации хозяйства. Кроме того, населению бесплатно раздавались с целью поощрения озеленения и развития аграрного сектора саженцы декоративных и плодовых деревьев, выращиваемые на экспериментальной сельскохозяйственной станции в городе-оазисе Аль-Айн.

Правительство Кувейта стало уделять особое внимание развитию сельского хозяйства еще в 1960-е годы, причем в земледелии, наряду с поддержкой традиционного оазисного хозяйства (мелким собственникам выделялась финансовая помощь, предоставлялись скидки и льготы), главная ставка была сделана на создание крупных государственных хозяйств, например, специализировавшихся на выращивании сельскохозяйственных культур методом гидропоники. В отличие от саудовцев, правительство создавало с помощью иностранных специалистов государственные фермы и хозяйства (животноводческие, птицеводческие, земледельческие), где использовались новейшие сельскохозяйственные технологии, высокоурожайные культуры и породы животных, где затрачивались большие средства для максимальной механизации и автоматизации всех работ.

Государство стимулировало увеличение производства различными способами и в частном секторе. Например, фермерам на льготных условиях предоставлялись земельные участки, кредиты,

сельскохозяйственные машины и оборудование. Вместе с тем приоритетное внимание уделялось рациональному использованию имевшихся и разработке новых водных ресурсов.

В результате предпринимавшихся усилий обрабатываемые площади Кувейта к середине 1990-х годов удвоились по сравнению со второй половиной 1970-х годов, поголовье овец выросло в 10 раз, домашней птицы – в 8 раз, коз – в 7 раз, крупного рогатого скота – более чем в 2 раза (73, Kuwait, № 2, 1996, с. 8). Это, а также интенсификация земледелия и животноводства способствовали повышению роли внутреннего производства в удовлетворении потребностей эмирата в ряде видов продовольственной продукции.

В странах Персидского залива в последние десятилетия получила развитие и такая традиционная отрасль хозяйства, играющая важную роль в продовольственном обеспечении населения, как рыболовство, для которого имеются прекрасные природные условия – богатые рыбные ресурсы. Например, Оман, где в 2010 г. улов рыбы и других морепродуктов составил 164 тыс. т, практически полностью обеспечивает себя продукцией рыболовства. Рыболовные компании Саудовской Аравии в том же году выловили 91,5 тыс. т, что позволило королевству удовлетворить подавляющую часть потребностей страны.

Проблема продовольственного обеспечения

Несмотря на значительные сдвиги, которые произошли в развитии сельскохозяйственного производства в арабских странах, одной из наиболее животрепещущих, неотступно стоящих перед ними, как и перед многими другими развивающимися государствами, продолжает оставаться проблема продовольственного обеспечения. С экономической и общественно-политической точки зрения решение этой проблемы для государства – это, прежде всего, организация бесперебойного снабжения городского населения основными продуктами питания по доступным ценам как с целью добиться нормального воспроизводства рабочей силы в различных отраслях экономики, так и для предотвращения чреватого опасными последствиями роста недовольства широких слоев жителей

городов. В этой связи уместно напомнить, что обострение продовольственной проблемы явилось, как считают многие эксперты по Ближнему Востоку и Северной Африке, одной из причин беспорядков, охвативших ряд стран региона в 2011 г. Поэтому вопросы обеспечения продуктами питания являются ключевыми практически для всех арабских государств.

Необходимо подчеркнуть, что заметную роль в углублении диспропорций в продовольственном обеспечении в арабском мире сыграл повысившийся в течение трех последних десятилетий темп естественного прироста их населения. Так, среднегодовые темпы роста численности населения арабских государств в 1980–2001 гг. являлись одними из самых высоких в мире и составляли 2,5–2,6% (74, с. 119).

В то же время всесторонний научный анализ продовольственной проблемы должен учитывать наряду с ростом численности населения процесс интенсивного изменения его структуры под влиянием развернувшейся в 1970–1980-е годы и продолжавшейся в последующие два десятилетия на Ближнем Востоке и в Северной Африке индустриализации, повлекшей за собой ускорение урбанизации. В результате существенно изменилось соотношение между сельским и городским населением. Удельный вес жителей арабских городов в общей численности населения, по данным на 2011 г., колебался от 32% (Йемен) до 98% (Кувейт, Катар) [75]. При этом увеличение городского населения происходило в своей подавляющей массе за счет групп людей, питающихся преимущественно или исключительно продуктами массового потребления.

С другой стороны, при анализе производства продовольствия в рассматриваемой группе стран важно исходить из того, что истинная величина его нехватки определяется не масштабом нарушения баланса «население-производство», а размером дефицита товарной массы продукции, то есть совокупным показателем, который отражает диспропорцию между динамикой общественной потребности в продуктах питания, обусловленной как ростом численности населения, так и изменениями в его структуре, и динамикой предложения (производства) продовольствия.

Значительную диспропорцию в продовольственном балансе арабских стран вызывают также процессы, вытекающие из гло-

бализации хозяйственной жизни. Все более мощным и, главное, постоянно действующим фактором, детерминирующим углубление разрыва между растущими потребностями продовольственного обеспечения и возможностями местного производства, становится демонстрационный эффект стандарта жизни, характерного для развитых стран.

Относительная отсталость сельского хозяйства арабских стран проявляется в его неспособности удовлетворить общественную потребность, прежде всего, в продукции массового потребления, и, в первую очередь, в зерне. Так, уровень самообеспеченности зерновыми (включая пшеницу, рис, кукурузу, ячмень, овес, рожь, просо, сорго и др.) в 2007 г. в среднем составлял 26,5% (76). При этом во многих частях рассматриваемого региона данный показатель существенно отличался от средней величины. Самый низкий уровень самообеспеченности был отмечен (%): в Катаре – 0,6, ОАЭ – 0,9, Иордании – 2,1, Омане, Кувейте – 2,5. В остальных странах он колебался от 14,9% в Ливии до 86,8% в Сирии.

Углубляющийся разрыв между рыночным спросом и местным товарным производством продовольствия создает ситуацию, при которой закрепляется несоответствие ресурсной базы отраслей сельского хозяйства задачам продовольственного обеспечения быстро растущего населения. Вследствие именно этого внутреннего противоречия постоянно воспроизводятся условия, при которых сильная зависимость от импорта продовольствия становится императивом, превращается в фактор, угрожающий экономической безопасности арабских стран и препятствующий в значительной степени достижению устойчивого развития.

Ввоз зерна, в частности, был призван устранить недостатки в системе товарного его обеспечения и восстановить равновесие между общественной потребностью в этом товаре (формируемой как целями удовлетворения текущего спроса, так и необходимостью создания государственных страховых запасов) и товарными ресурсами зерновой продукции. Несоответствие между обеими сторонами товарного зернового баланса достаточно динамично нарастало в течение последних трех десятилетий в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, который по данному показателю вышел на первое место среди других регионов-импортеров

продовольствия. Дефицит товарных ресурсов зерна на внутренних рынках арабских стран в 2007 г. исчислялся в 51,6 млн т (76).

Отмеченные негативные тенденции развиваются на фоне роста в последние годы мировых цен на продовольственные товары и сырье для их производства. По мнению экспертов Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), это связано с ростом численности населения и изменением рационов питания, нехваткой посевных площадей и их использования для выращивания непродовольственных культур, ухудшением погодно-климатических условий и экологическими бедствиями, нестабильностью на мировых валютных и финансовых рынках, с резкими изменениями на рынке энергоносителей, а также вследствие сложной политической обстановки в ряде арабских стран (58, с. 137).

В этих условиях арабские страны вынуждены расходовать все более значительные финансовые ресурсы на импорт продовольствия и в первую очередь зерновых. На ввоз продуктов питания в 2007 г. приходилось около 12% совокупного импорта государств Ближнего Востока и Северной Африки. Для сравнения укажем, что среднемировой показатель для этого года равнялся 7% (59). К тому же, учитывая высокий удельный вес малообеспеченного населения, базовые продукты питания в регионе в той или иной мере субсидируются государством, что ложится достаточно тяжелым бременем на бюджеты рассматриваемых стран.

В Египте, например, в 2010 г. из 10,2 млрд долл., потраченных на закупку сельскохозяйственных товаров, 34% составили затраты на ввоз зерна из других стран. В результате повышения мировых цен стоимость этого импорта повысилась на 31% по сравнению с уровнем 2009 г. Из 24 видов продовольственных товаров и сырья для их производства, ввезенных АРЕ, расходы снизились лишь по пяти позициям (специи, чай, кофе, солод и крахмалистые продукты). В 2011 г., согласно оценке, стоимость ввоза сельскохозяйственных товаров составила 14 млрд долл., при этом отмечался рост импорта всех основных видов аграрной продукции – зерна, растительных масел и жиров, маслосемян и др.– в пределах от 44,8% до 72,2% (2; 18.02.2012). В результате правительство страны оказалось под мощнейшим давлением, и осуществление субсидирования внутренних цен стало весьма проблематичным. Зависимость Египта от импор-

та продовольствия и другой сельскохозяйственной продукции, по мнению экспертов, с годами будет только увеличиваться. Соответственно будут возрастать и риски, связанные с доступностью ресурсов и ценами.

Главное препятствие на пути дальнейшего развития сельскохозяйственного производства в Египте, как и во многих других арабских странах,– это дефицит водных ресурсов. Как известно, примерно 90% территории АРЕ занимают пустыни, поэтому аграрное производство сосредоточено в основном в дельте Нила. Попытки правительства оптимизировать растениеводство, направив его по пути выращивания менее влагоемких культур, не всегда оказываются вполне успешными. Примером могут служить ограничения на экспорт высших сортов риса, введенные, возможно, с целью стимулирования местных фермеров переключиться на возделывание пшеницы. Вместо этого многие египетские экспортеры риса, не желающие терять завоеванные позиции на средиземноморских рынках, вывозят его контрабандой в Израиль, Ливан, Иорданию, Ливию или Сирию (2; 18.02.2012).

Тем не менее, предпринимаемые правительством АРЕ меры приносят свои плоды: площади, занятые под рисом и хлопчатником постепенно сокращаются. Одновременно потребители все в большей степени переключаются на зерновые продукты на основе пшеницы – хлеб и макаронные изделия. В стране построен ряд предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, в том числе импортируемых соевых бобов. Получаемый соевый шрот необходим для растущего мясного производства, в то время как в продовольственном потреблении соевым частично заменяется пальмовое масло.

Кроме того, Египет всеми силами стремится диверсифицировать источники импорта сельскохозяйственных товаров, в частности, зерна. Серьезным толчком для этого послужил запрет на экспорт зерна, вводившийся Россией в 2010 г. Так, в 2011 г. наметилась концентрация египетских закупок аграрной продукции в трех основных странах – США, Бразилии и Аргентине. За восемь месяцев указанного года доля сельскохозяйственной продукции, отгруженной в АРЕ из перечисленных стран, выросла до 46,1% против 31,9% в 2009 г. В то же время поставщики из России, пред-

лагавшие наиболее конкурентные цены, выиграли (после отмены запрета на экспорт зерна в июле 2011 г.) львиную долю пшеничных тендеров, проводившихся египетской государственной заготовительной компанией GASC. Сравнительно небольшие количества достались Украине, Румынии и Казахстану.

Египет и другие страны, имеющие схожие проблемы, пытаются обезопасить себя и другими способами. В частности, несколько арабских и африканских государств во главе с АРЕ обратились во Всемирную торговую организацию с предложением об исключении стран, являющихся нетто-импортерами зерна, из экспортных запретов, которые будут вводиться в будущем, а также о предоставлении им займов в периоды нехватки продовольствия из специально сформированного международного кризисного фонда.

В то же время многие эксперты сходятся во мнении, что реальным способом снижения продовольственного дефицита и уменьшения чрезмерной зависимости Египта от импорта продуктов питания является дальнейшая интенсификация сельскохозяйственного производства, направленная на ускорение развития продовольственного сектора в аграрной сфере. Они полагают, что в стране имеются значительные резервы роста урожайности и повышения продуктивности почв. Важную роль в эволюции земледелия может сыграть ирригационное строительство и дренажные работы. Осуществление проектов освоения новых земель и интенсификации сельскохозяйственного производства, безусловно, требует увеличения государственных инвестиций. Наряду с этим, необходимо более широко использовать национальный частный капитал, а также привлекать иностранный.

Что касается **арабских стран Персидского залива**, то в них возрастание реального спроса на продовольствие в значительной мере было связано с качественными сдвигами в составе населения этих стран, которые произошли под влиянием нефтяного фактора, а также структурных изменений в их экономике, вызванных кризисом традиционных укладов, развитием индустриализации и урбанизации. Эти сдвиги привели к увеличению доли населения, покупающего продовольствие, причем такими темпами, которые намного превосходили общие темпы прироста населения.

Процесс урбанизации в малых странах Персидского залива зашел настолько далеко, что к концу 2000-х годов он приблизился в ряде из них к завершению, то есть превращению практически всего населения в городское. Так, в 2011 г. удельный вес горожан во всем населении Катара составлял 99%, в Кувейте этот показатель равнялся 98%, в Бахрейне – 89%, ОАЭ – 84%, в Саудовской Аравии – 82%, в Омане – 73% (75).

Другим важнейшим фактором, оказавшим заметное влияние на рост платежеспособного спроса на продовольственные товары в аравийских монархиях, являлось многократное повышение среднего душевого дохода, базировавшееся на крупных поступлениях от экспорта энергоносителей. Например, в 1970–2010 гг. этот индикатор увеличился в Катаре в 28 раз, в Саудовской Аравии – в 24 раза, в ОАЭ – в 19 раз (77,78).

Приобщение коренного населения в странах Персидского залива к доходной части их бюджетов происходило на специфической основе, при которой личное потребление граждан подстегивалось, в немалой степени, различными формами государственного вспомоществования, в том числе кредитованием потребительских расходов, субсидированием цен на продовольствие. Благодаря этому имело место превращение «дохода от трудовой деятельности представителя местного населения в простой добавочный источник дохода» (79, с. 115). В результате стала возможной ситуация, при которой «вчерашние бедняки» в нефтеэкспортирующих странах «по показателю потребления сразу вышли на уровень развитых государств и даже превзошли его» (80, с. 213).

Естественно, не следует преувеличивать широту охвата этого явления, представляя его универсальным для всех слоев населения в государствах ССАГПЗ, Там, безусловно, имеются все еще достаточно многочисленные категории людей, располагающих лимитированными доходами (и не только среди иммигрантов), которые вынуждены ограничивать свои потребительские вкусы и наклонности. Это интеллигенция, представители творческих профессий, лица, занятые неквалифицированным трудом из числа собственно граждан этих государств. Но при всем этом общая тенденция заключается в том, что «правящая... верхушка проводит политику

широкого распределения ренты во всех общественных слоях национального населения» (69, с. 145), что позволяет аравийским монархиям поддерживать чрезвычайно высокий по сравнению с другими арабскими странами уровень личного потребления, который превосходит государственный (80, с. 216).

Несоответствие между активно диверсифицирующимся спросом на продовольствие и номенклатурой предложения, обеспечиваемой местным производством, в рассматриваемой группе стран в 1990–2000-е годы имело тенденцию к усилению. Для того, чтобы компенсировать разрывы в продовольственном обеспечении, аравийские монархии были вынуждены прибегать во все растущих масштабах к импорту продовольствия. Например, в Саудовской Аравии, согласно оценке Alpen Capital, потребление продовольствия в 2011 г. составило почти 28 млн т, 80% этого объема было импортировано. В указанном году стоимость продовольственного импорта королевства оценивалась в 19,5 млрд долл. по сравнению с 3,7 млрд долл. в 1995 г. (15, 21–27.02.2014; 74; 77).

Ускоренное социально-экономическое развитие аравийских монархий в течение последних четырех десятилетий, сопровождавшееся «демографическим взрывом» и активизацией урбанизационных процессов, обострило несоответствие между общественными потребностями и уровнем развития сельского хозяйства в этих странах.

Несмотря на успехи в области интенсификации аграрного производства, оптимизации форм и методов хозяйственной деятельности, которые нашли отражение в улучшении совокупных показателей, в частности, в повышении самообеспеченности продовольствием по ряду позиций, сохраняется сильная зависимость арабских стран Персидского залива от импорта существенной доли потребляемых продуктов питания.

Финансовые возможности, базирующиеся на крупных доходах от экспорта углеводородов, позволяют этим государствам пока достаточно успешно решать вопрос снабжения потребительского рынка продовольствием по доступным ценам в значительной степени за счет поставок из-за границы, поддерживая таким образом общественное спокойствие и социальный мир и создавая условия для выживания правящих режимов. Тем не менее, политические

деятели в рассматриваемых странах все более четко осознают негативные стороны стратегии, ориентированной на импорт продовольствия, учитывая неустойчивость глобальной экономической конъюнктуры и политическую нестабильность в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Проблема продовольственного обеспечения квалифицируется правящими элитами в аравийских монархиях как составная часть национальной безопасности.

Причины неспособности современного сельского хозяйства данной группы государств удовлетворить потребности в продовольствии, как отмечалось, многообразны. При этом, учитывая специфику стран Аравийского полуострова, решающее значение приобретают факторы, связанные с климатическими условиями, требующими интенсивной преобразовательной деятельности для минимизации их негативного воздействия, с состоянием природных ресурсов, их качественной и количественной характеристиками. Представляется, что физическая нехватка последних (фонд обрабатываемых земель, водные ресурсы и т.п.), особенно в таких малых странах Персидского залива, как Бахрейн, Кувейт, Катар, уже сейчас является серьезным препятствием для наращивания производства продовольствия. Поэтому проблема сельскохозяйственных ресурсов исключительно актуальна для стран ССАГПЗ. Рационализация их использования создает основу для расширения производственного потенциала с целью удовлетворения жизненных потребностей населения, а в более широком плане обеспечивает условия для преодоления наиболее распространенной в развивающихся странах формы зависимости – продовольственной и поддержания политической стабильности и социального мира.

Однако решение задачи развития производительных сил в производстве продовольствия – это длительный процесс, их модернизация даже при наличии финансовых возможностей, которыми располагают аравийские монархии, осуществляется постепенно, затрагивая отдельные компоненты, формируя в лучшем случае отдельные очаги, которые едва ли сольются в единое целое в обозримом будущем. Достижение продовольственной самообеспеченности тем более проблематично, принимая во внимание изменения, которые произошли в аграрной политике Саудовской Аравии в конце 2000-х годов. В этой связи уместно напомнить,

что королевство в начале 1990-х годов заняло шестое место среди крупнейших производителей пшеницы в мире (в 1993 г. производство этого вида зерна составило 4,5 млн т). Тем не менее, в конце 2000-х годов саудовское правительство начало сокращать ассигнования в сельское хозяйство и свертывать производство пшеницы. Пересмотр политики, направленной на достижение самообеспеченности продовольствием, связан, как полагают специалисты по экономике арабских стран, с тем, что выращивание сельскохозяйственных культур в засушливом климате требует огромных субсидий, чтобы сделать эту практику экономически обоснованной. Достаточно отметить, что для производства одной тонны пшеницы в условиях Саудовской Аравии необходимо воды в два-три раза больше, чем в других крупных странах-производителях (15; 31.12.2010–6.01.2011).

Перед лицом ухудшения продовольственной ситуации в странах ССАГПЗ, как и в других частях арабского региона, они пытаются найти решения, которые позволили бы им избежать в будущем новых ценовых шоков и обеспечить гарантированное снабжение своего населения. Ряд государств начали покупать землю за границей и создавать фонды для инвестирования в развитие аграрного сектора в других странах. Исследование, проведенное британской газетой The Observer, показало, что подобные фонды в течение 2006–2011 гг. приобрели 50 млн га земли для сельскохозяйственных целей в одной только Африке. В частности, Саудовская Аравия заключила несколько сделок с рядом стран, включая Судан, Египет и Пакистан, на покупку земельных участков с целью производства зерна для внутреннего потребления (15; 6–12.05.2012).

Необходимо отметить, что объем заграничных сельскохозяйственных инвестиций стран Персидского залива трудно поддается оценке, поскольку, во-первых, не обо всех сделках публикуются сообщения, во-вторых, даже если о некоторых из них имеется информация, то она обычно мало детализирована. Кроме того, часть из этих сделок, возможно, никогда не выйдет за рамки переговорной фазы. Тем не менее, на базе имеющихся сведений можно сделать кое-какие обобщения.

В начале текущего столетия главное внимание инвесторов из стран Залива было приковано к африканским сельскохозяйствен-

ным землям, особенно Судана и Эфиопии. В более поздний период, однако, энтузиазм аравийских монархий к аграрному сектору Африки заметно поубавился. Вероятно, это было связано со множеством проблем, которые затрудняли инвестирование в страны континента. Эти трудности, в частности, включали, политическую нестабильность, споры вокруг собственности на землю, бюрократические препоны и коррупцию, а риски из-за внезапных засух и дефицита продовольствия могли в любой момент заставить правительства принимающих стран наложить запрет на экспорт сельскохозяйственной продукции. Пытаясь избежать подобных неприятностей, инвесторы из стран ССАГПЗ начали все более активно покупать земли в других частях мира, включая Восточную и Центральную Европу, южную Америку и Австралию. Так, по мнению одного из сотрудников Ecobank Transnational (со штаб-квартирой в Того), только одна пятая часть инвестиций, обещанных Судану, была реализована (15; 21–27.02.2014).

Одним из примеров отмеченного тренда является контракт, подписанный в 2013 г. между Ad-Dahra Agricultural Company и правительством Сербии об инвестировании в ее сельскохозяйственный сектор 300 млн евро. Согласно условиям сделки, подавляющая часть произведенной продукции должна экспортироваться в ОАЭ, остальное количество будет продаваться в Сербии или в других странах. В том же году саудовская United Farmers Holding Company (UFHC – совместное предприятие в составе трех фирм) приобрела за 61,5 млн евро около 36 тыс. га пахотной сельскохозяйственной земли на Украине и в Польше, площадь которой должна была возрасти позднее (15; 21–27.02.2014).

Не только Европа привлекала внимание инвесторов стран Персидского залива. Лидеры Аргентины, Колумбии и Вьетнама в текущем десятилетии вели переговоры с правительствами ССАГПЗ относительно возможностей инвестирования в их аграрные сектора. В результате некоторые сделки уже осуществляются в этих странах.

В 2011 г. саудовская фирма Almarai приобрела аргентинскую компанию Fondomonte, которая управляет тремя фермами (12,3 тыс. га) по выращиванию зерна и соевых бобов. Almarai является крупнейшим акционером продовольственной группы королевства – Savola, которой принадлежат «дочерние» компании,

производящие пищевые масла в Алжире, Казахстане, Марокко, Судане и Турции.

Усилия Саудовской Аравии в сфере продовольственной безопасности координирует King Abdullah Food Security Programme, преследующая цель стимулировать инвестиции в сельское хозяйство зарубежных стран с целью обеспечения надежных источников продовольствия для населения королевства. Правительства других стран ССАГПЗ также создали аналогичные структуры или действуют через соответствующие министерства и суверенные фонды (sovereign wealth funds).

В инициативы Катара по обеспечению продовольственной безопасности вовлечены девятнадцать государственных агентств. В их число входит Qatar Investment Authority, который создал в 2008 г. Hasad Food для инвестирования в аграрные проекты в различных странах мира. Последняя с тех пор осуществляет вложения в сельское хозяйство Судана, Австралии и Индии, а также планирует сделки в Турции и Молдове.

Некоторые специалисты по аграрным проблемам полагают, что еще одним из перспективных путей решения продовольственной проблемы является укрепление торговых связей с крупными сельскохозяйственными производителями (США, Канада, Австралия и др.), заключение с ними долгосрочных соглашений, наряду с инвестициями в создание продовольственных запасов. Кроме того, важно больше внимания уделять поиску новых поставщиков зерна и других продовольственных товаров.

ГЛАВА III. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Политический и экономический «ландшафт» Ближнего Востока и Северной Африки резко изменился в самом начале 2010-х годов в результате массовых политических протестов в арабском мире, которые получили название «арабская весна». Первой страной, которую охватили народные волнения в январе 2011 г., был Тунис, за ним последовал Египет. Затем массовые протестные акции распространились на другие страны региона – Йемен, Иорданию, Бахрейн, Марокко. В Тунисе протестное движение привело к падению режима президента Бен Али и бегству его из страны в январе 2011 г.

Режим президента Х. Мубарака в Египте пал 11 февраля 2011 г., а буквально через несколько дней на востоке Ливии начались беспорядки и демонстрации с требованием отставки лидера страны М. Каддафи. Противостояние властей и протестующих приняло здесь форму вооруженной борьбы, которая привела к падению режима и гибели ливийского лидера в октябре 2011 г.

Политическая нестабильность и протестные акции в Йемене явились главными причинами ухода в отставку в феврале 2012 г. президента Салеха, который находился у власти в течение 33 лет.

В Бахрейне выступления оппозиции, которые начались в феврале 2011 г., были подавлены при участии воинского контингента, направленного в королевство Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива. Противостояние между представителями шиитского большинства населения Бахрейна (более 70%) и правящим режимом, в котором основные позиции занимают сунниты, продолжается до сих пор.

Что касается Иордании и Марокко, то королевская власть в этих странах достаточно оперативно отреагировала на массовые про-

тесты и провела некоторые реформы, которые снизили накал выступлений.

Массовые социально-политические акции против правящего режима Б. Асада, которые начались в марте 2011 г., постепенно переросли в кровавую гражданскую войну. Многие политические обозреватели сходятся во мнении, что время окончания и итоги вооруженного противостояния между официальным властями и оппозицией предсказать пока весьма трудно.

Несомненно, что «арабская весна» оказала ощутимое влияние на экономическую ситуацию как в регионе в целом, так и в отдельных странах, в частности. Наиболее сильно пострадала экономика Сирии, Ливии, Йемена, Египта и Туниса. В условиях политической неопределенности на этих рынках в 2011 г. и в последующий период наблюдался заметный спад хозяйственной активности, существенно снизилось доверие инвесторов и бизнеса, которые приостановили финансирование многих проектов и планов развития.

К сожалению, дать полную оценку экономическим последствиям «арабских революций» достаточно сложно из-за отсутствия многих важных статистических и фактических данных. По некоторым оценкам, в том числе президента Федерации арабского бизнеса Хамди Габала, общая стоимость потерь арабских стран, где произошли волнения и смена режимов, приблизились к 100 млрд долл. В аналогичную сумму оценивает экономический ущерб таких стран как Египет, Тунис, Ливия, Йемен за период с декабря 2010 г. по октябрь 2012 г. General Arab Insurance Federation. По другим оценкам, протесты в странах Северной Африки обошлись им в 2% их совокупного ВВП (81).

Гражданская война в **Сирии**, которая продолжается до сих пор, привела с серьезной дестабилизации внутриполитической ситуации в стране, что, безусловно, негативно отражается на ее экономическом положении. По мнению многих аналитиков, в складывающейся обстановке особенно отчетливо проявилась уязвимость экономической модели, созданной в Сирии в предшествующие десятилетия.

Ориентация правящей в республике Партии арабского социалистического возрождения (Баас), начиная с 1960-х годов, на доминирующую роль государства в экономике на базе централизо-

ванного планирования привела к тому, что сформированный для выполнения регулирующих, распределительных функций мощный государственный сектор и разросшаяся на его основе бюрократическая буржуазия со временем превратились в осязаемый тормоз развития, порождая и содействуя нарастанию массы негативных явлений, в частности коррупции, бесхозяйственности, низкой конкурентоспособности большинства отраслей, слабой эффективности аппарата управления. В целом политика сирийских баасистов в прошедшие десятилетия способствовала созданию в стране жесткого авторитарного режима с гипертрофированной ролью государства не только в экономике и политике, но и в других сферах жизни.

Осознавая необходимость преодоления негативных факторов и ускорения хозяйственного роста, президент Сирии Б. Асад в 2006 г. инициировал осуществление программы экономической либерализации, предусматривавшей, реализацию ряда рыночных реформ. Однако проведение в жизнь необходимых преобразований в силу ряда причин шло весьма медленными темпами. Так, правительство страны в рамках мер по либерализации банковского сектора САР лишь в феврале 2010 г. внесло поправку в инвестиционное законодательство, в соответствии с которым иностранным инвесторам разрешалось приобретать контрольные пакеты акций сирийских банков. Согласно новому нормативному акту, максимальное участие зарубежных инвесторов в акционерном капитале частных банковских структур повысилось с 49% до 60%. Это открыло возможности для укрепления банковского сектора республики, поскольку прежняя норма «представительства» иностранного капитала (49%) была в определенной степени ограничивающим фактором для потенциальных инвесторов (82).

В 2010 г. также были внесены важные изменения в валютное законодательство Сирии, которые предусматривали, в частности, предоставление сирийским гражданам права переводить за рубеж раз в месяц сумму в свободно конвертируемой валюте, не превышающую 10 тыс. долл. или эквивалентную ей в другой СКВ. Кроме того, бизнесменам разрешалось размещать средства в СКВ на текущих счетах, тогда как ранее их надлежало хранить на специальных счетах в государственном банке «Commercial Bank of Syria».

Среди мер по либерализации экономики Сирии следует упомянуть снижение налога на прибыль корпораций, ввозных пошлин и государственных субсидий, а также ослабление ограничений на свободное движение цен и импортные закупки. В марте 2009 г. начала работать фондовая биржа (Damascus Securities Exchange), которая бездействовала более 40 лет.

Шаги, предпринятые руководством Сирии в конце 2000-х годов, были объективно необходимы для экономического развития страны, но они не были рассчитаны на сиюминутную отдачу и могли дать ощутимый результат лишь в обозримом будущем. Помимо этого, глубина и масштаб предпринимавшихся усилий были весьма ограничены. Так, критики нынешнего сирийского режима уверены в том, что экономическая либерализация оказалась выгодной лишь небольшому числу влиятельных предпринимателей, таких, например, как Рами Маклуф, сирийский бизнесмен, миллиардер из клана Асадов, контролировавший немалую часть национальной экономики, включая компанию «Syria Tel», являвшуюся провайдером услуг в области мобильной телефонной связи (82).

Привлекательность Сирии для прямых иностранных инвестиций, крайне необходимых для экономики страны, оставалась явно недостаточной, в частности, из-за наличия многочисленных бюрократических препон, низкой эффективности аппарата управления, чрезмерного вмешательства государства в экономическую деятельность. Правительство сохраняло контроль над многими видами деятельности, например, над добычей и переработкой нефти, телекоммуникационными услугами, воздушным транспортом, производством электроэнергии и др. Государство контролировало цены на основную сельскохозяйственную продукцию.

В рейтинге стран, составляемом экспертами Всемирного банка на основе оценок условий, благоприятствующих ведению бизнеса, Сирия занимала в 2010 г. лишь 144-е место из 183. Об избыточном регулировании бизнеса в данной стране свидетельствует пример, который привела газета «Financial Times»: для строительства склада в Сирии требовалось осуществить двадцать шесть разного рода процедур (2; 7.06 2011).

Несмотря на то, что многие правительственные учреждения страны (Центральный банк, Министерство финансов и др.) пре-

кратили предоставлять информацию о состоянии экономики, большинство экспертов признает, что к концу 2012 г. все признаки кризиса были очевидны. Институт международных финансов (Institute of International Finance) оценил падение ВВП Сирии в 2012 г. в 20%. Согласно независимым источникам, быстро росла инфляция. В марте 2011 г., когда начались массовые волнения, она находилась на среднем уровне в 3% в год. По данным Центрального статистического бюро Сирии (Central Bureau of Statistics), в январе 2012 г. инфляция уже составляла 16%, а к середине указанного года она превысила 30%. Наряду с этим произошло обесценение национальной валюты (сирийского фунта) более чем в два раза по сравнению с началом политического кризиса.

Последствия гражданской войны для значительной части сирийцев, особенно проживающих в сельских районах, были крайне негативны. В докладе, подготовленном Министерством сельского хозяйства и аграрной реформы САР (Agriculture & Agrarian Reform Ministry) в сотрудничестве с двумя агентствами ООН – World Food Programme (WFP) и Food & Agriculture Organisation (FAO), отмечалось, что примерно 1,5 млн сирийцев в 2012 г. нуждались в срочной продовольственной помощи. Согласно оценке авторов доклада, в последующий период их число могло вырасти до 3 млн чел. (82).

В данной связи важно подчеркнуть, что в сельских районах Сирии живет почти половина населения страны. При этом около 80% рабочих мест здесь приходится на сельскохозяйственное производство. Сильные засухи, имевшие место в последние годы, уже сделали жизнь многих сирийских фермеров весьма трудной, однако ситуация серьезно осложнилась после начала вооруженной борьбы между правительством и противниками режима Б. Асада. В соответствии с оценочными данными Joint Rapid Food Security Needs Assessment, общий ущерб, нанесенный боевыми действиями сельскому хозяйству и ирригационной инфраструктуре Сирии, составил на конец августа 2012 г. 122 млрд сир. фунтов (1,9 млрд долл.) [15; 24–30.08.2012].

В 2013–2014 гг. макроэкономическая ситуация в Сирии продолжала ухудшаться. Так, согласно оценке одного из сирийских банков, ВВП страны в 2013 г. уменьшился на 22,5% по сравнению с уровнем предыдущего года. Программа развития ООН

(UN Development Programme) оценила общие экономические потери САР на середину 2013 г. в 103 млрд долл. Другая организация ООН – UN Relief and Works Agency (UNRWA) считает, что ущерб, нанесенный основному капиталу, исчисляется в 41,2 млрд долл., при этом падение частных инвестиций в экономику страны превысило 80% по состоянию на июнь 2013 г. (15; 25.07–7.08.2014).

В условиях неспособности получать достаточные налоговые поступления для поддержания военной экономики дефицит сирийского бюджета вырос с 3% ВВП в 2010 г. до 33%, по данным European Council on Foreign Relations (ECFR), опубликованным в сентябре 2013 г. Государственный долг достиг 126% ВВП, учитывая, что финансовая система испытывает серьезное напряжение из-за необходимости импортировать в страну подавляющую часть товаров первой необходимости.

Наряду с негативными внутренними факторами, сирийская экономика страдает от международных санкций, принятых Евросоюзом, США, Лигой арабских государств (ЛАГ), Турцией и др. Санкции ЕС и США, в частности, включают замораживание активов высокопоставленных представителей режима, а также эмбарго на поставки оружия и нефти. Санкции ЛАГ и Турции касаются правительственных активов и ограничений на торговые и финансовые сделки.

Сложное внутриполитическое положение и международные санкции привели к резкому сокращению экспорта, притока иностранных инвестиций, денежных переводов от сирийцев, работающих за рубежом. Кризис затронул все сектора сирийской экономики – от туризма до добывающей и обрабатывающей промышленности, а также энергетики. Снижение активности последних вызывает особую озабоченность, так как они традиционно находились в числе немногих отраслей, приносящих экспортные доходы. Правительство Сирии оценило прямые потери нефтяного сектора в 3.4 млрд долл. в результате повреждения инфраструктурных объектов и нефтепроводов во время вооруженного конфликта. Страна перекачивала по трубопроводам до начала военных действий 400 тыс. баррелей в сутки сырой нефти. Добыча нефти в 2013 г. составила всего 30 тыс. б/с, при этом ее подавляющая часть находилась в руках сил, воюющих против режима Б. Асада.

После начала гражданской войны постоянно росло число граждан, покидающих страну. Многие сирийцы, особенно состоятельные, вывозили свои активы из Сирии. Согласно оценке Института международных финансов, денежные переводы в Иран, Турцию, Россию и другие страны в 2011–2012 гг. составили чистые потери для сирийской банковской системы в объеме 10,5 млрд долл.

Однако, несмотря на общее кризисное состояние сирийской экономики, в опорных пунктах режима таких как, например, прибрежные города Тартус и Латакия (главные порты страны) в 2013–2014 гг. наблюдался строительный бум, поскольку инвесторы перемещали свою производственную и коммерческую деятельность в районы страны, которые, как им представлялось, более защищены от насилия.

Определенной экономической живучести на территориях, подконтрольных правительству Сирии, способствовала стабилизация курса сирийского фунта в первой половине 2014 г. после его резких колебаний в 2012–2013 гг. Поддержание баланса между спросом на иностранную валюту и ее предложением позволило правительству выделять 300–400 млн долл. в месяц на импорт нефтепродуктов и расширение поставок продовольствия. Помимо этого, важную роль в стабилизации национальной валюты сыграли внешние источники кредитной поддержки.

В рассматриваемый период Иран сначала оказал Сирии финансовую помощь в объеме 5,8 млрд долл., а затем предоставил два кредита общей стоимостью 4,6 млрд долл., согласно данным доклада ECFR. Первый из них (1 млрд долл.) предназначался для финансирования импорта, а другой (3,6 млрд долл.) – на приобретение нефти (15; .25.07–7.08.2014).

Парадоксально, но массированное финансирование донорами стран Персидского залива вооруженной оппозиции режиму Асада также способствовало увеличению ликвидности в сирийской экономике. Хотя оно предназначалось для районов, удерживавшихся оппозицией, эти средства в форме твердой валюты неизбежно просачивались на территории, подконтрольные правительству.

Дополнительно к этому происходила эволюция торговых отношений внутри Сирии, что помогало представителям официальных властей получать доходы за счет деятельности частного сектора.

В частности, сирийское правительство продолжало предоставлять гарантии импортерам, имеющим возможности обеспечить достаточные поставки муки, риса и сахара, несмотря на санкции США и ЕС. Используя компании частного сектора, трейдеры получали финансирование от правительства, а затем импортировали эти товары, которые на самом деле оплачивались официальным Дамаском, под своим именем.

Некоторая экономическая стабилизация позволила режиму начать ремонт дорог и зданий, а также реализацию ряда проектов. Так, в 2014 г. General Commission of Water Resources подписала контракт стоимостью 263 млн долл. с российской «Стройтрансгаз» на осуществление первой фазы ирригационного проекта Tigris, включающей строительство главной насосной станции в Ein Diwar (15; .25.07–7. 08,2014). В том же году Губернаторский совет Дамаска одобрил инициативу создания холдинговой компании для финансирования проектов в сфере инфраструктуры и строительства жилья в новых районах столицы.

В то же время многие аналитики полагают, что в долгосрочной перспективе одной из серьезнейших проблем для восстановления и оздоровления сирийской экономики могут стать экономические сети, зачастую криминальные или полукриминальные, которые возникли в стране в последние годы в условиях гражданской войны.

В докладе UNRWA говорится, что одним из результатов разрушения экономики было создание политически влиятельных картелей, расхищающих государственные активы путем воровства и мародерства и весьма заинтересованных в продолжении вооруженного конфликта.

Автор другого доклада, подготовленного European Council on Foreign Relations, отмечает, что, поскольку система безопасности в Сирии разрушена, неформальная (теневая) экономика, включающая грабежи, похищение детей и контрабанду, стала важным источником дохода. Новые бизнес-сети, часто криминальные, группы и частные лица потеснили традиционных предпринимателей (15; 25.07–7.08/2014).

Учитывая отмеченные моменты, процесс восстановления сирийской экономики, которая находится в катастрофическом состоянии, будет, по всей вероятности, весьма сложным и длительным.

Экономическая ситуация в **Йемене** вызывает серьезную озабоченность не только соседних арабских государств, но и всего мирового сообщества.

Йеменская Республика относится к числу беднейших арабских стран. В 2011 г. его ВВП на душу населения, который, по данным МВФ, составлял 1340 долл., оказался самым низким среди государств Ближнего Востока и Северной Африки (15; 27.07.2012).

Руководство страны в 1990–2000-е годы пыталось сглаживать племенные, религиозные и политические противоречия с помощью так называемой системы патронажа, подпитываемой нефтяными и газовыми доходами. Однако в условиях глобального финансово-экономического кризиса поступления от экспорта энергоносителей резко сократились. Кроме того, снизилась добыча на ряде крупных месторождений. В 2009 г. нефтяные доходы (на них приходилось около 80% общей стоимости экспорта страны) упали до 1,96 млрд долл., или более чем на 50% по сравнению с уровнем 2008 г. Внешний долг по состоянию на конец 2009 г. оценивался почти в 7 млрд долл. (24,2% ВВП). Правительство для покрытия дефицита бюджета и платежного баланса было вынуждено обратиться к внутренним источникам (резервы Центрального банка и продажа краткосрочных казначейских векселей). В результате резервы иностранной валюты страны в марте 2010 г. уменьшились до 6,2 млрд долл. (самый низкий показатель с 2005 г.). Это означало, что банковские резервы были достаточны для покрытия стоимости импорта в течение семи месяцев (в 2005 г. они могли обеспечить ввоз в пределах 14 месяцев). В этой связи необходимо отметить, что Йемен весьма сильно зависит от импорта товаров первой необходимости. В частности, он ввозит 90% потребляемой пшеницы и 100% риса (83; 27.10.2010). Эти два вида зерновых являются главными продуктами питания населения страны.

Накопившиеся в стране экономические проблемы серьезно усугубились из-за политических беспорядков, которые происходили в Йемене в 2011 г.

Политическая нестабильность и протестные акции явились главными причинами падения валового внутреннего продукта в 2011 г., которое оценивалось различными источниками в пределах 5–10%.

Пытаясь оживить экономическую жизнь в стране, новое йеменское правительство одобрило расходы государственного бюджета на 2012 г. в размере 12,56 млрд долл., что на 50% превышало ассигнования, запланированные в госбюджете 2011 г. В частности, из указанной суммы предусматривалось выделить 400 млн долл. на повышение заработной платы работникам, занятым в государственном секторе.

Йеменские углеводороды (нефть и сжиженный природный газ) до событий 2011 г. вносили самый крупный вклад в доходы государственного бюджета страны. На них приходилось более 50% всех государственных доходов и 80% экспортных поступлений.

Политическая нестабильность в стране крайне негативно сказывалась на добыче и поставках нефти на внутренний рынок. Так, добыча упала в 2011 г. на 34% до 170 тыс. баррелей в сутки. В марте 2011 г. был взорван ключевой нефтепровод, соединяющий нефтяное месторождение Мариб с экспортным терминалом в Рас Исса и главным нефтеперерабатывающим заводом в Адене. Согласно оценке йеменского правительства, повреждение нефтепровода обошлось стране в 400 млн долл. в месяц. Его ремонт был завершен лишь в июле 2011 г. (15; 27.07.– 2.08.2012). Дефицит топлива и электроэнергии на местном рынке, наряду с ухудшением ситуации с безопасностью, заставило большинство частных бизнесменов приостановить свою деятельность.

Решение многочисленных экономических проблем, с которыми столкнулось новое руководство Йемена, было невозможно в условиях отсутствия необходимых финансовых ресурсов. В 2011 г. резервы иностранной валюты Центрального банка страны упали на 25%, или до 4,3 млрд долл. по сравнению с 5,7 млрд долл. в 2010 г., а инфляция подскочила до 23,2%, в соответствии с официальными данными. В числе мер, принятых с целью борьбы с инфляцией. ЦБ повысил процентную ставку до 28%, что вызвало практически полное исчезновение ликвидности в стране (84). Как результат, была либо приостановлена, либо прекращена реализация 51 проекта, включая нефтегазовый сектор, строительство, энергетику и обрабатывающую промышленность, согласно MEED Projects.

В условиях чрезвычайно слабой экономической активности уровень безработицы в Йемене оценивался примерно в 50% тру-

доспособного населения (среди молодежи в возрасте 16–25 лет она составляла, по данным «Yemen Times» 73,3%). При этом в некоторых районах страны безработица достигала 80%. Отсутствие работы, наряду со значительными разрушениями инфраструктуры, привело к тому, что, согласно официальным данным, 31% йеменцев страдали от недоедания. Однако эксперты World Food Programme считают, что в стране не доедали примерно 44,5% граждан (15; 27.07–2.08.2012).

На конференции финансовых доноров Йемена, которая прошла в Эр-Рияде в сентябре 2012 г., был согласован пакет мер, направленных на поддержку этой страны. В общей сложности участники конференции приняли на себя обязательства в сумме 6,4 млрд долл. Из этой суммы 3,25 млрд долл. приходились на помощь, выделенную Саудовской Аравией еще в мае 2012 г. США и Великобритания также входили в число стран-доноров. Соединенные Штаты выразили готовность предоставить помощь в размере 846 млн долл., при этом 345 млн долл. были предназначены для укрепления силовых структур Йемена, а также на гуманитарные цели и помощь развитию. Указанные средства должны были быть направлены по линии Агентства международного развития. Великобритания обязалась выделить 196 млн ф.ст. на безвозмездной основе.

Однако из обещанных сумм финансовой помощи в последующие три года, прошедшие после конференции, фактически Йемену было предоставлено менее одной трети. При этом страны-доноры критиковали йеменские власти за крайне неэффективное использование уже предоставленных денежных средств.

В последние годы финансово-экономическая ситуация в Йемене продолжала ухудшаться на фоне дальнейшей политический дестабилизации в республике. Так, дефицит государственного бюджета в 2013 г. достиг рекордной цифры – 8,3% ВВП. Обострение финансовых трудностей совпало с очередной атакой на главный нефтепровод, который исторически обеспечивает подавляющую часть внутренних потребностей в топливе в стране. В этих условиях власти были вынуждены импортировать нефть из-за границы, продавая ее затем на местном рынке с большими убытками, учитывая значительные субсидии на жидкое топливо, которые государство предоставляет населению. Важно отметить,

что на них приходилось около 30% всех расходов госбюджета на 2013 г. (15; 25.07–7.08.2014).

Увеличение импортных ассигнований не только отразилось на состоянии бюджета, но и вызвало падение валютных резервов страны до опасно низкого уровня. Центральному банку пришлось ограничить средства в долларовом выражении, которые он разрешил правительству тратить на импортные закупки, что, в свою очередь, вызвало дефицит топлива на внутреннем рынке. В результате 10 июня 2014 г. тысячи людей вышли на улицы Саны, протестуя, в том числе, против этих решений, а также против участившихся перерывов в электроснабжении столицы.

Обострение социально-экономических, племенных, межконфессиональных проблем, сепаратистских настроений на юге страны, непрекращающиеся террористические атаки – все это вместе взятое вылилось в масштабный политический кризис, разразившийся в Йемене в конце 2014 – начале 2015 г. Международные обозреватели сходятся в том, что, дестабилизация политической обстановки в республике может привести к полному экономическому банкротству страны.

Экономика **Египта** была сильно подорвана массовыми выступлениями в январе-феврале 2011 г. и в последующий период продолжала испытывать серьезные трудности из-за сохранявшейся политической нестабильности в стране. Прирост ВВП в 2011/2012 фин. г. (начинается с 1 июля) сократился до 1,8% по сравнению с 5,2% в 2010/2011 фин. г.

В Египте наблюдался спад экономической активности, заметно снизились доходы от туризма, практически полностью прекратилось поступление прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в страну.

Согласно данным Министерства туризма Египта, число туристов, посетивших страну в 2010 г., составило 14,7 млн, а доходы от туризма – 12,5 млрд долл., в 2011 г. эти показатели снизились до 9,8 млн и 8,8 млрд долл. соответственно. Учитывая, что, по некоторым оценкам, каждый из восьми работающих египтян был занят в туристическом секторе и в связанных с ним видах деятельности, падение почти на 30% числа иностранных туристов привело к росту и так высокого уровня безработицы в стране.

Помимо туризма, Египет традиционно получал значительные валютные средства от притока прямых иностранных инвестиций. Несмотря на то, что ПИИ в экономику страны снизились в период глобального финансово-экономического кризиса, их объем в 2010 г. составлял достаточно внушительную величину – 6,4 млрд долл. Иностранные инвесторы, опасаясь эскалации нестабильности, интенсивно вывозили свои капиталы из Египта после начала политических волнений. В результате в 2011 г., по данным МВФ, приток ПИИ упал до 482,7 млн долл., то есть уменьшился более чем в 13 раз. Это, в свою очередь, крайне негативно отразилось на валютных резервах Египта, которые сократились с января по март 2011 г. с 35 млрд долл. до 12 млрд долл. (85).

Бедственное положение экономики и финансов Египта усугубилось тем, что правительство страны, стремясь снизить накал протестов, было вынуждено пойти на уступки малообеспеченным гражданам и резко увеличить расходы на заработную плату и субсидии. Так, в государственном бюджете на 2011/12 фин. г. ассигнования на заработную плату выросли до 117,5 млрд ег. ф. (19,6 млрд долл.) по сравнению с 95,3 млрд ег. ф. (15,8 млрд долл.) в 2010/11 фин. г., хотя некоторые эксперты полагают, что в действительности было израсходовано значительно больше (84). Кроме того, в бюджетах на эти два финансовых года были запланированы ассигнования на субсидии, различные гранты и социальные пособия в сумме 126,6 млрд ег. ф. (21,1 млрд долл.) и 157,8 млрд ег. ф. (26,3 млрд долл.) соответственно (84).

Сложная экономическая ситуация и резкий рост социальных расходов повлекли за собой образование значительного дефицита государственного бюджета, который в 2011/12 фин. г. достиг 11% ВВП (около 28 млрд долл.). Дефицит счета текущих операций АРЕ, который отражает движение товаров, услуг и капитала, включая денежные переводы египтян, работающих за рубежом, увеличился в 2011/12 фин. г. до 7,9 млрд долл., или на 30% по сравнению с предыдущим финансовым годом (86).

Одна из важнейших причин фискальных проблем Египта заключалась в падающем курсе национальной денежной единицы – египетского фунта, на поддержание которого Центральный банк страны расходовал значительные финансовые ресурсы. Официаль-

ный курс египетского фунта по отношению к доллару США в начале 2013 г. снизился до 6,73 ег. ф. против 6,08 ег. ф. по состоянию на сентябрь 2012 г. и продолжал падать (15; 14–20.09.2012; 87). Учитывая, что резервы иностранной валюты упали до критически минимального уровня, Центральный банк Египта объявил о введении нового механизма покупки и продажи американских долларов, то есть о переходе в так называемый режим управляемой девальвации.

Для покрытия значительного дефицита государственного бюджета египетское правительство вынуждено было брать займы у местных банков под быстро растущие проценты. Эти заимствования привели к росту внутреннего долга страны с 76% ВВП по состоянию на конец 2010/11 фин. г. до 80% в июне 2011/12 фин. г. (88).

Финансово-экономическая ситуация в Египте продолжала деградировать в период, когда «у руля» находился М. Мурси при поддержке «Братьев-мусульман» и после его отстранения от власти в июле 2013 г. Этот вывод можно подтвердить рядом важных макроэкономических показателей. Так, согласно оценке МВФ, прирост ВВП в реальном выражении в 2013% составил 1,8% против 2,2% в 2012 г. Внешний долг Египта возрос с 31,5 млрд долл. в 2009 г. до 45,7 млрд долл. по состоянию на конец второго квартала 2014 г. (15; 13.06–19.06.2014).

Самой крупной экономической проблемой продолжал оставаться фискальный дефицит и значительный объем государственного долга. Дефицит государственного бюджета на 2014/2015 фин. г. вырос на 44% и достиг 37,2 млрд долл., что привело к росту госдолга с 76,6% ВВП в 2010/2011 фин. г. приблизительно до 92,7% в 2014/2015 фин. г., по оценке МВФ. Неблагоприятная финансовая ситуация частично была связана с тем, что государство расходовало крупные суммы на продовольственные и топливные субсидии.

Значительная часть египетского бюджетного дефицита, как и раньше, финансировалась за счет заимствований у местных банков, так как низкий кредитный рейтинг страны осложнял получение кредитов из международных источников. Так, если в 2010 г. банковским сектором Египта покрывались 40% фискального дефицита, то к концу 2013 г. эта доля повысилась до 92,3% (15; 25.04–01.05.2014).

Помимо отмеченных проблем, ключевые отрасли экономики такие как, например, туризм продолжали страдать от повысившихся рисков терроризма в 2013 г. Доходы этой отрасли в указанном году составили всего лишь 5,8 млрд долл.

Решающую роль в предотвращении коллапса египетской экономики после отстранения от власти М. Мурси сыграли миллиарды долларов финансовой помощи, предоставленной АРЕ странами Персидского залива. К концу декабря 2013 г. эта помощь насчитывала 10,4 млрд долл., из которых 6 млрд долл. приходились на депозиты Центрального банка, 3,4 млрд долл. предоставили Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт на финансирование импорта нефти, 1 млрд долл.– это фискальный грант от ОАЭ.

После вступления на пост президента ас-Сиси в июне 2014 г. финансовая поддержка от аравийских монархий заметно возросла, особенно в форме прямых инвестиций компаний и фирм в экономику и социальную сферу Египта. В частности, проекты, финансируемые ОАЭ, включают строительство 100 школ в 128 египетских деревнях, а также систем канализации. Наряду с этим, компании Эмиратов ведут сооружение мостов, железнодорожных путей, осуществляют работы по установке солнечных панелей в более чем 6 тыс. домов, в школах, мечетях и центрах оздоровления с целью сокращения зависимости страны от импорта дизельного топлива.

Предпринимаются также усилия по оживлению туристической индустрии. Так, Министерство туризма АРЕ запустило рекламную кампанию по привлечению в республику арабских туристов. Кроме того, имеются планы по развитию новых зон отдыха вдоль побережья Красного моря. Пока контракты заключены с пятью местными фирмами, но министр туризма надеется привлечь инвесторов из стран ССАГПЗ для реализации этих и других проектов по дальнейшему развитию Средиземноморского побережья.

Безусловно, Египет находится в весьма трудном положении. На его руководство постоянно давит необходимость идти навстречу требованиям простых граждан. В то же самое время оно должно предпринимать шаги по исправлению ситуации в экономике и финансах, возвращению доверия иностранных инвесторов. Попытка достичь этих двух целей одновременно, вероятно будет самой

большой проблемой для египетского правительства в обозримом будущем.

Спад экономической активности в **Тунисе** в результате политических беспорядков особенно существенно повлиял на ситуацию в первой половине 2011 г., что привело к снижению на 1,5% реального ВВП в указанном году (5). Для сравнения укажем, что в 2010 г. прирост валового внутреннего продукта равнялся 3%, а в предшествующий пятилетний период он в среднем находился на отметке в 5% (15; 6–12.01.2012).

Банковская система страны пострадала от значительного роста просроченной задолженности по кредитам из-за банкротства ряда крупных бизнесов, которыми владела семья и близкое окружение бывшего президента Бен Али, которые контролировали весомую часть тунисской экономики. Несколько фабрик были сожжены, что повлекло за собой увольнение занятых на них работников.

Однако самый ощутимый ущерб экономике Туниса нанесло снижение доходов от туристического сектора, на который приходилось 7% ВВП страны. Кроме того, он являлся крупным работодателем (400 тыс. занятых) и главным источником поступлений иностранной валюты. Число туристов, посетивших Тунис в январе-июне 2011 г. сократилось на 39% по сравнению с соответствующим периодом 2010 г. Общие потери в сфере туризма за весь 2011 г. оценивались в 1,3 млрд тунисских динар (ТД). Тем не менее, посетители из Европы постепенно начали возвращаться в страну во второй половине 2011 г.

В 2011 г. заметно ухудшилось валютно-финансовое положение Туниса. Так, согласно данным Центрального банка, дефицит текущего счета платежного баланса достиг 6,5% ВВП по состоянию на ноябрь рассматриваемого года. Резервы иностранной валюты упали до 10,5 млрд тунисских динар к середине декабря, то есть примерно на 30% против уровня конца 2010 г. Дефицит государственного бюджета вырос до 5,1% ВВП (в 2010 г.– 1,3% ВВП).

Спад в тунисской экономике явился результатом совокупности внутренних и внешних факторов. В течение всего 2011 г. экономическая активность сдерживалась протестными выступлениями работников различных сфер деятельности. Согласно информации Тунисского союза промышленности, торговли и ремесел (Tunisia

Union of Industry, Trade and Handicrafts – Utica), в период с января по октябрь 2011 г. произошло 360 забастовок по сравнению с 240 в 2010 г. В итоге промышленное производство снизилось на 2,5% в течение девяти месяцев 2011 г. В частности, наиболее сильно была затронута промышленность по производству фосфатов, которая произвела в 2010 г. 8,1 млн т. Выпуск этой продукции за пять месяцев 2011 г. упал на 72% по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года. Протестные акции приводили к остановке работы шахт и парализовали транспортировку фосфатов.

Внешние факторы также сыграли свою роль в стагнации экономики Туниса. Как известно, его главными торговыми партнерами являются страны Евросоюза, на которые приходилось в 2010 г. 67,2% тунисского экспорта и 67,2% импорта, при этом товарооборот республики с ЕС превышал 20 млрд евро (84). Европейский спрос на импортируемые из республики товары и услуги упал в 2011 г. из-за экономической неопределенности, вызванной долговым кризисом в Еврозоне, что внесло свой вклад в увеличение фискального дефицита и снижение резервов иностранной валюты Туниса.

Вторым крупнейшим торговым партнером до событий 2011 г. являлась Ливия (5,8% экспорта и 2,9% импорта). Тунис вывозил в соседнюю страну главным образом строительные материалы, продукцию металлургии и продовольственные товары. Более 90% тунисского импорта из Ливии приходилось на нефть, поставки которой обеспечивали 25% всего нефтяного ввоза.

Гражданская война в Ливии крайне негативно отразилась на двусторонней торговле. Более того, она привела к тому, что тысячи тунисцев, которые работали в соседней стране, вынуждены были вернуться домой и пополнить ряды безработных. Снижение денежных переводов от работающих за рубежом граждан способствовало ухудшению положения в экономике и финансах.

В свете этих внутренних и внешних проблем Центральный банк Туниса пытался поддержать экономический рост путем уменьшения привлекательности сбережений и поощрения банковской системы к кредитованию бизнесов. В течение года ЦБ урезал ключевую процентную ставку с 4,5% до 3,5%, а также понизил резервное требование к банкам с 12,5% до 2%. В результате финансирование

юридических лиц возросло за 10 месяцев 2011 г. на 11,8%, в то время как депозиты увеличились лишь на 3,6% (15; 6–12.01.2012).

Несмотря на то, что прирост ВВП Туниса в 2012 г. (3,6%) почти в два раза превысил уровень 2011 г., экономика страны продолжала испытывать серьезные трудности: в сельском хозяйстве и нефтегазовом секторе наблюдалось падение, а в промышленном производстве – застой. Это, а также сохранявшиеся политические проблемы привели к тому, что темп экономического роста в 2013 г. снизился до 2,6%. В то же время существенный рост расходов на заработную плату работникам госсектора (на 40% по сравнению с 2010 г.) и на субсидии (3,6 млрд. ТД) способствовали быстрому росту дефицита государственного бюджета. Это, в свою очередь, подтолкнуло рост государственного долга до 45,4% ВВП в 2013 г. по сравнению с 44,3% ВВП в 2012 г. Политические и экономические неурядицы нанесли ущерб резервам иностранной валюты страны, которые упали на 1 млрд долл., составив на конец 2013 г. 6,8 млрд долл. (15; 8–21.08.2014).

В условиях ухудшения макроэкономической ситуации существенную поддержку Тунису оказали международные финансовые институты и двусторонние кредиторы. Так, в апреле 2014 г. МВФ предоставил третий транш в рамках своего займа в 1,7 млрд долл., который был одобрен в июне 2013 г. Финансовая помощь других кредиторов – Africa Development Bank, Japan International Cooperation Agency, германский государственный инвестиционный банк KFW – была сфокусирована на частном секторе, сельском хозяйстве и транспорте. Двусторонние финансовые сделки Туниса с США и Японией позволили ему заимствовать по ставкам более низким, чем рыночные.

Важно отметить, что помимо получения дешевых кредитов, требование проведения реформ, которое выдвигалось финансовыми институтами в качестве условия предоставления помощи, привело к ряду принятых руководством Туниса мер, которые могут помочь в решении финансовых проблем и повышении экономической активности в долгосрочном плане.

1 июля 2014 г. тунисское правительство сократило топливные субсидии, что привело к росту цены на этилированное топливо на 6,3% до 1,7 ТД за литр. При этом власти приняли программу под-

держки уязвимых домашних хозяйств с целью смягчения воздействия растущих расходов на малоимущие слои населения. Эта программа включала повышение уровня минимальной оплаты труда и шаги по внедрению социального идентификационного номера, с помощью которого правительство надеется улучшить систему социальной поддержки. Однако некоторые эксперты выражали сомнение, что правительству удастся эффективно и грамотно осуществить поддержку тунисцев с низкими доходами.

Оздоровление банковской системы Туниса представляется еще более сложной проблемой. Во время правления Бен Али она плохо контролировалась. Крупные государственные банки, на которые приходилось 36% банковского сектора, использовались как политические инструменты посредством кредитования ими проектов и бизнес-структур, покровительствуемых режимом независимо от их кредитоспособности. Революционные события еще больше подорвали банковские балансы из-за их приоритетной поддержки таких секторов как туризм и компаний, которыми владели семья Бен Али и ее окружение. Это привело к тому, что доля просроченных займов выросла до 21% в конце июня 2013 г. С целью восстановления кредитоспособности банков правительство провело рекапитализацию трех крупных государственных банков, пытаясь расширить кредитование частного сектора.

Эксперты Всемирного банка прогнозируют, что проведение в жизнь реформ, планируемых в банковской сфере, позволит увеличить поступление в экономику Туниса кредитов до 17–20 млрд. ТД в течение предстоящих десяти лет. Однако в краткосрочной перспективе фискальные проблемы страны, вероятно, усугубятся. Многие аналитики, оценивая в целом программу экономических преобразований в стране, намеченную тунисским правительством, полагают, что она уязвима по отношению к довольно широкому кругу внешних и внутренних факторов, которые могут помешать ее реализации.

Большинство оценок сокращения валового внутреннего продукта в **Ливии** в 2011 г. из-за гражданской войны варьировалось в пределах 30–50%. Эксперты МВФ были более пессимистичны, они склонны к оценке в 60%. При этом они исходили из того, что активность нефтяного сектора в указанном году упала более чем на

70%, тогда как производство в ненефтяных отраслях сократилось на 50% (84). При этом последние пострадали в результате отъезда из Ливии экспатриантов, ограниченного доступа к иностранной валюте, а также разрушения важных инфраструктурных объектов.

Согласно данным Центрального банка Ливии, среднегодовой уровень инфляции в 2011 г. повысился до 16%. Это произошло главным образом из-за нехватки в стране продовольствия, подавляющая часть которого импортируется.

Резкое снижение ливийского ВВП в 2011 г. было обусловлено падением добычи и экспорта нефти до 400 тыс. баррелей в сутки (б/с) против 1,6 млн б/с в 2010 г., то есть в четыре раза. Однако, несмотря на отъезд иностранных рабочих и ущерб, нанесенный инфраструктуре во время боевых действий, нефтяной сектор восстановился достаточно быстро: уже к середине мая 2012 г. добыча выросла до 1,55 млн б/с (84).

Расходы государственного бюджета Ливии на 2012 г. были запланированы в объеме 68,5 млрд ливийских динаров (54,8 млрд долл.), что является самым высоким уровнем за всю историю страны. Важно отметить, что госбюджет был разделен на два основных сегмента. Первый из них (30 млрд лив. дин.) предназначался для выплаты заработной платы работникам в государственном секторе и пенсий. Вторая часть расходов (38,5 млрд лив. дин.) была выделена на цели восстановления и развития экономики.

Предполагалось, что примерно 45 млрд лив. дин. будут профинансированы за счет доходов от нефти. Кроме того, Ливия обладает иностранными активами в размере 165 млрд долл., которые были заморожены в странах, где они были размещены в период правления М. Каддафи и гражданской войны. 60–70% этих финансовых ресурсов были разморожены и возвращены в страну. Новое руководство Ливии намеревалось использовать данные активы для финансирования восстановления экономики страны, удовлетворения внутренних нужд и обеспечения базовых социальных услуг.

Тем не менее, решающая роль в экономическом подъеме Ливии в обозримом будущем отводится нефтяному сектору, на который приходится 70% ВВП и свыше 90% экспорта и государственных доходов. Планировалось увеличить добычу до 3 млн б/с к 2020 г. В то же время сохраняющаяся политическая нестабильность, раз-

гул насилия и связанные с этим проблемы безопасности нефтяных месторождений и инфраструктуры в обозримой перспективе будут оказывать, по всей вероятности, существенное влияние на состояние добычи и экспорта нефти и, следовательно, на процесс экономического развития Ливии.

Вслед за событиями в Тунисе и Египте в **Марокко** в начале 2011 г. также произошли демонстрации с требованием политических и экономических реформ. Важно при этом отметить, что протестные акции в королевстве отличались от других арабских стран отсутствием призывов к уходу от власти короля Мохаммеда V1. В результате парламентских выборов в стране было сформировано коалиционное правительство, которое возглавила умеренная исламистская партия – Партия справедливости и развития (Justice and Development Party – PJD).

Новое правительство Марокко в государственном бюджете на 2012 г. запланировало общие расходы в сумме 346,8 млрд марокканских дирхамов (МД), а доходы – в 314,5 млрд марок. дирхамов. При этом более заметный акцент, чем в предыдущих бюджетах, был сделан на решение социальных проблем, в первую очередь на стимулирование создания новых рабочих мест. Число безработных в стране в 2011 г., по официальной оценке, составляло 10% экономически активного населения и около 30% среди молодежи (15; 18–24.05.2012). Правительство намеревалось создать в 2012 г. более 26 тыс. рабочих мест в государственном секторе.

Хотя королевство не испытало масштабных социально-политических протестов в 2011 г., его экономика столкнулась с замедлением темпов экономического роста. Так, согласно оценке Центрального банка (Bank al-Magrib), прирост ВВП страны в 2012 г. был в пределах 2–3% по сравнению с 4,3% в 2011 г.

Экономический спад был обусловлен, прежде всего, снижением производства аграрной продукции в силу неблагоприятных погодно-климатических условий. Урожай зерновых в 2012 г., согласно оценке, не превысил 3,8 млн т, что на 55% ниже его уровня в 2011 г. Доля сельского хозяйства Марокко в общем объеме ВВП достигает 15%. В нем занято 40–50% населения королевства (89). Поэтому эта ключевая отрасль экономики играет важную роль в формировании общехозяйственной конъюнктуры страны. Учитывая, что

решающим фактором состояния сельскохозяйственного производства королевства остаются погодные условия, они продолжают оказывать чрезмерно большое влияние на динамику развития всего национального хозяйства Марокко.

Заметное влияние на экономику страны в 2009–2010 гг. оказал финансовый кризис в еврозоне, что привело к обострению проблемы нехватки ликвидных средств в Марокко. Дело в том, что страны-члены Евросоюза являются основными торговыми партнерами королевства, на них в 2010 г. приходилось 53% внешней торговли Марокко. Кроме того, согласно данным Министерства туризма, около 80% туристов в страну приезжали из Западной Европы. Так, на испанских туристов приходилось 25% общего числа иностранных граждан, посещавших Марокко, а на французских – 16% (15; 18–24.05.2012).

Повышенная уязвимость хозяйства королевства от конъюнктуры на европейских рынках сохраняется и в настоящее время, в первую очередь, из-за вялого роста ВВП в странах ЕС и жестких мер, принятых государствами, являющимися крупными торгово-экономическими партнерами Марокко – Францией, Германией, Испанией и другими.

В этой связи важно отметить, что в феврале 2012 г. Европейский парламент одобрил торговое соглашение ЕС с Марокко, предусматривающее значительное увеличение двусторонней торговли продукцией аграрного сектора и рыболовства, осуществляемой без обложения пошлинами. Это решение было принято, несмотря на возможное ухудшение материального положения мелких сельскохозяйственных производителей как в Марокко, так и в некоторых государствах-членах Евросоюза.

В соответствии с новым соглашением, Евросоюз в ближайшее десятилетие должен отменить ввозные пошлины на 55% аграрной продукции, поступающей из Марокко в ЕС. В ряде случаев предусматривается использование защитных мер с целью ограничения расширенного доступа на западноевропейский рынок такой продукции, поставляемой из королевства, как не переработанные фрукты и овощи. В последние годы на них приходилось 80% всех марокканских поставок в Западную Европу. При этом оговаривается разрешение на постепенное увеличение ввозных квот для

определенных видов сельскохозяйственных товаров (например, томатов, клубники, огурцов и чеснока), наряду с введением сезонных импортных квот для противодействия избыточному предложению на рынках стран ЕС.

Что касается Евросоюза, то в течение предстоящих десяти лет доля аграрных поставок из ЕС в Марокко, осуществляемых на беспошлинной основе, должна быть доведена до 70% (в частности, такой режим распространился на марокканский импорт семян масличных культур, зерновых, за исключением пшеницы обычных сортов и пшеницы «дурум»).

Рассматриваемый документ вызвал серьезную критику в ряде стран-членов ЕС. Например, испанские профсоюзы полагали, что в результате вступления в силу соглашения с Марокко под вопросом окажется судьба примерно 450 тыс. сельхозпроизводителей в Испании, уровень безработицы в которой и так самый высокий в ЕС (23%, согласно статистическим данным на конец 2011 г.).

В заявлении Союза фермеров Испании (COAG) отмечалось, что он не будет «безучастно взирать» на фактически брошенных Евросоюзом западноевропейских сельхозпроизводителей в обстановке, когда разрешен по существу бесконтрольный ввоз в Западную Европу марокканской аграрной продукции, произведенной при явно заниженном уровне оплаты труда, ставящем фермеров в Марокко на грань выживания (2; 17.03.2012).

Новое соглашение, разработанное ЕС и Марокко, было принято значительным числом западноевропейских парламентариев (365 голосов было подано «за» и 225 – «против»). В то же время, по мнению главы Европейского парламента М. Шульца, голосование оказалось достаточно сложным.

Как сообщала газета «Guardian», известный антиглобалист, парламентарий Ж. Бове, охарактеризовал указанный документ как «несбалансированный», особо отметив невозможность нормальной конкуренции европейских фермеров с марокканскими, зарабатывающими в среднем 5 евро в день. Он заявлял, что новые договоренности не отвечают интересам простых марокканцев. Кроме того, исключив население Западной Сахары из соглашения с Марокко, Евросоюз усугубил проблемы, мешающие урегулированию конфликта вокруг этой территории.

Что касается правительства королевства, то министр сельского хозяйства и рыболовства А. Аханнуш отверг подобные утверждения, указав, что многие мелкие фермеры его страны являются участниками крупных кооперативов, занимающихся экспортным бизнесом, и получат несомненный выигрыш от торгового соглашения с ЕС. Этот вывод основывается на том, что 80% марокканских фермерских хозяйств имеют земельные наделы, не превышающие 5 га. Самостоятельный экспорт в сложившихся условиях практически невозможен, поэтому целесообразно объединение в кооперативы. Расширение экспортных возможностей предусматриваемое новым соглашением, могло бы позволить привлечь в аграрный сектор дополнительное число занятых и частично решить проблему безработицы в сельской местности.

Важно также отметить, что власти Марокко, согласно заявлению министра сельского хозяйства и рыболовства, вполне удовлетворены тем, что соглашение с ЕС не предусматривает ограничений, которые ставили бы под вопрос территориальную целостность государства. Такая позиция касается посадок сельскохозяйственных культур на спорных территориях.

Основные цели экономического развития Марокко на перспективу определены в плане «Plan d' Emergence», разработанном правительством в 2006 г. В соответствии с этим планом, страна взяла курс на развитие индустриальной базы и повышение конкурентоспособности как в традиционных отраслях промышленности (химическая, текстильная, пищевая, добыча и обработка фосфатов), так и в новых для страны областях (автомобилестроение, производство электротоваров и комплектующих для авиационной техники, сбор и утилизация отходов, телекоммуникации и информационные технологии).

Для достижения поставленных целей государство осуществляет активную инвестиционную деятельность, компенсируя сокращение притока в страну прямых иностранных инвестиций увеличением числа государственных проектов. Например, государственная компания «OCP» начала реализацию программы стоимостью 6,3 млрд евро с целью удвоить добычу фосфатов к 2020 г. и повысить квоту их обработки до 80%. В этой связи важно отметить, что Марокко удовлетворяет 30% мирового спроса на это ценное сырье,

необходимое для производства фосфорных удобрений. По мнению ряда экспертов, растущий экспорт фосфоритов из этой страны может повысить его роль в качестве крупного источника свободно конвертируемой валюты для королевства (89).

Перспективной отраслью хозяйства Марокко является автомобилестроение. Правительство оказывает поддержку предприятиям этой отрасли посредством предоставления налоговых льгот, устранения бюрократических барьеров, а также путем создания выгодных условий для строительства заводов на территории страны иностранным компаниям. Примером успешности такой политики явился ввод в эксплуатацию в феврале 2012 г. завода фирмы «Renault» производительностью 170 тыс. автомобилей в год (30 машин в час), которая была увеличена до 400 тыс. в 2014 г.

Значительное внимание уделяется сфере коммуникаций и информационных технологий. Важнейшей целью национальной стратегии является повышение доступности интернета и рост удельного веса его пользователей в общей численности населения Марокко. Для решения этой задачи был реализован проект стоимостью 464 млн евро, охватывавший компьютеризацию предприятий и учебных заведений, что позволило увеличить долю пользователей интернетом с одного из десяти человек в 2008 г. до одного из трех – в 2013 г.

В соответствии с «Plan d' Emergence», приоритетными направлениями в энергетике страны являются увеличение общего объема производимой электроэнергии (за период с 2009 г. по 2015 г. он должен был возрасти в два раза – до 5292 МВт) и развитие альтернативных источников энергии (на них к 2020 г., как ожидается, будет приходиться 42% общего объема производимой в стране энергии). В частности, недалеко от г. Танжер построена самая большая ветроферма в Африке (140 МВт), инвестиции в которую составили 250 млн евро. Общий объем затрат на национальную программу развития альтернативных источников энергии предусмотрен в сумме 3 млрд евро (89).

Значительное число крупных проектов, осуществляемых в области инфраструктуры Марокко, вызвало оживление в строительной отрасли страны, о чем свидетельствует, например, рост производства цемента в королевстве. В ближайшие годы в результате реали-

зации амбициозного строительного проекта в Марокко должен появиться самый крупный порт на Средиземном море – Tanger Med. Наиболее значимыми проектами в сфере дорожного строительства являются сооружение автомагистралей Касабланка – Танжер, Рабат – Касабланка, а также отрезков магистралей Фес – Уджда (316 км), Марракеш – Агадир (233 км).

Программой экономического развития королевства предусматривалось создание в стране к 2015 г. 550 тыс. новых рабочих мест. Политические события последних лет в арабских странах, в том числе и в Марокко, вызывают необходимость усилить борьбу с безработицей (особенно среди молодежи), которая является, пожалуй, самой острой социальной проблемой страны. В целом создание условий для устойчивого хозяйственного развития и повышения благосостояния широких слоев населения требует от правящего режима проведения серьезных политических и социально-экономических преобразований.

В **Алжире** в январе 2011 г., вслед за событиями в Тунисе, в различных частях страны также проходили протестные акции. Однако алжирским властям удалось довольно быстро справиться с этими выступлениями путем, с одной стороны, подавления демонстраций и проведения массовых арестов. С другой, правительство достаточно оперативно приняло меры, направленные, в частности, на снижение цен на продовольствие, уровень которых являлся одной из главных причин недовольства протестантов. В начале 2011 г. алжирские потребители столкнулись с резким удорожанием хлеба, картофеля, сахара, растительного масла, фруктов и овощей.

Наряду с этим, был отменен закон о чрезвычайном положении, который действовал в стране в течение более двух десятилетий. Кроме того, в Алжире ввели в действие ряд новых законов, в том числе о политических партиях, о средствах массовой информации, нормативные акты о создании общественных объединений, о представительстве женщин в парламенте и др.

Политические меры были дополнены пакетом экономических инициатив, включающих стимулирование создания новых рабочих мест, повышение уровня оплаты труда в государственном секторе и минимальной заработной платы, а также увеличение субсидий.

Позитивная в целом макроэкономическая динамика Алжира обеспечивалась, прежде всего, экспортом углеводородного сырья, доходы от которого выросли в 2011 г. на 27,3% по сравнению с 2010 г., благодаря высоким нефтяным ценам. В результате профицит внешнеторгового баланса в 2011 г. составил 26,9 млрд долл., а положительное сальдо платежного баланса – 19,9 млрд долл. Рост экспортных доходов позволил стране к концу указанного года увеличить резервы иностранной валюты страны до 182,2 млрд долл., что достаточно для осуществления импорта товаров и услуг в течение трех лет (15; 3–9.08.2012).

Улучшение финансового положения позволило правительству направить около 50 млрд долл. в Стабилизационный фонд (Funds de Regulation des Recettes), а также существенно уменьшить внешнюю задолженность страны. Так, внешний долг Алжира по состоянию на конец 2011 г. равнялся лишь 4,4 млрд долл. Кроме того, государство наметило в рамках амбициозной программы на 2010–2014 гг. инвестировать 286 млрд долл. Из этой суммы планировалось ассигновать 50 млрд долл. на жилищные проекты и аналогичную сумму – на развитие транспортного сектора. В июле 2012 г. алжирское правительство объявило о решении увеличить расходы на геологоразведочные работы, переработку нефти и инфраструктурные проекты в сфере нефтехимии с запланированных ранее 62,2 млрд долл. до 80 млрд долл. в течение четырех лет.

В то же время, несмотря на благоприятные макроэкономические показатели, Алжир продолжал сталкиваться с серьезными структурными проблемами. Прежде всего, это касается недостаточно динамичного развития ненефтяного сектора. Чрезвычайно сильная зависимость от экспорта углеводородов делает экономику страны весьма уязвимой от колебаний нефтяных цен на мировом рынке. В 2013 г. на нефть и газ приходилось 98% всех экспортных поступлений Алжира, и эта цифра, по мнению многих экспертов, вряд ли существенно уменьшится в среднесрочной перспективе.

В первые годы своего президентства А. Бутефлика пытался способствовать созданию либеральной экономической модели в стране. В частности, согласно плану приватизации более 1000 алжирских компаний должны были открыть свой капитал для участия иностранных и местных инвесторов, включая, как минимум, три

национальных банка, телекоммуникационного оператора – Algerie Telecom и авиаперевозчика – Air Algerie. Новый закон об углеводородном сырье, принятый в 2005 г., ограничил долю государственной энергетической компании Sonatrach 20–30-ю процентами в любом вновь заключаемом контракте, заметно увеличив участие международных нефтяных компаний в разведке нефтегазовых ресурсов и их разработке.

Однако экономическая либерализация носила краткосрочный характер. Уже в 2006 г. в закон об углеводородном сырье были внесены поправки, согласно которым было восстановлено право Sonatrach на долю в 51% в новых лицензионных контрактах на проведение разведочных работ, а также введен налог на доходы иностранных энергетических компаний при ценах на нефть свыше 30 долл. за баррель. Процесс приватизации был остановлен в 2008 г., когда была отложена на неопределенный срок продажа местного банка Credit Populaire d' Algerie и отменено разгосударствление Algerie Telecom.

В 2009 г. вслед за ограничениями доли международных нефтяных и газовых компаний в разработке углеводородных ресурсов Алжира 49-ю процентами этот лимит был распространен на иностранных инвесторов во всех секторах экономики страны. Кроме того, согласно новому алжирскому законодательству, государство получило право преимущественной покупки в случае, если иностранный инвестор принимает решение о продаже местных активов.

В последние годы Алжир пошел на ужесточение и по другим направлениям. Так, в 2009 г. была введена в действие директива, ограничивающая репатриацию прибылей для компаний, которые пользуются в стране налоговыми каникулами. Такие хозяйствующие субъекты впредь обязаны реинвестировать суммы, эквивалентные налоговым льготам.

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. показал неустойчивость и уязвимость избранной алжирскими властями модели развития, опирающейся на массированные государственные расходы и «экономический национализм». Из-за падения цен на нефть в этот период Алжир был вынужден принять меры по противодействию ухудшению внешнеторгового баланса. Были

осуществлены шаги по ограничению импорта и сокращению кредитования населения (за исключением ипотечного кредитования).

Местные предприниматели также ощущали неустойчивость конъюнктуры. Согласно заявлениям представителей их объединений, частный бизнес был «дезориентирован и обескуражен», уровень доверия снизился до минимума (90). В условиях, когда правовая база претерпела значительные изменения, становилось крайне сложно осуществлять инвестиции и четко представлять возможные перспективы для ведения предпринимательской деятельности. В результате замедлился рост внутренних капиталовложений, а прямые иностранные инвестиции упали с 22,8% ВВП в 2007 г. до 5,4% в 2012 г., согласно оценке МВФ (91; 3–9.08.2012).

Алжирское правительство, пытаясь предотвратить новые массовые беспорядки, увеличило государственные расходы в 2011 г. на 32% по сравнению с 2010 г., что привело к росту бюджетного дефицита до 4% ВВП. При этом, если инфляция в 2011 г. еще составляла умеренную величину – 4,5%, то в 2012 г. наметилась устойчивая тенденция к ее повышению: в июле указанного года инфляция поднялась до 7,3%.

В этой связи аналитики МВФ высказывали опасение, что ситуация, складывающаяся в алжирской экономике может привести к усилению зависимости от добычи и экспорта углеводородов, на которые уже сейчас приходится более двух третей всех бюджетных доходов.

Подобная зависимость делает экономику страны весьма уязвимой по отношению к внешним шокам, которые, например, произошли в 2008–2009 гг. учитывая сложную ситуацию в глобальной экономике, а также резкое падение цен на нефть, которое случилось в конце 2014 г.– начале 2015 г. По оценке МВФ, алжирские доходы от экспорта углеводородов упали с 71,7 млрд долл. в 2011 г. до 63,5 млрд долл. в 2014 г., еще более заметное снижение ожидалось в 2015 г. (15; 8–21.08.2014).

Британские энергетические специалисты полагают, что медленные темпы проведения геологоразведочных работ и серьезные задержки в реализации проектов развития нефтегазового сектора могут привести лишь к небольшому приросту добычи нефти и газа к 2017–2018 гг. Два крупнейших месторождения Алжира – Hassi

Messaoud (нефтяное) и Hassi R' Mel (газовое), которые оба были открыты в 1958 г., постепенно приходят в упадок. При нынешнем уровне добычи алжирских запасов нефти хватит примерно на 20 лет, а газовых – на 57 лет. При этом темпы производства газа должны превышать быстро растущий внутренний спрос. В долгосрочной перспективе дополнительным источником могла бы стать добыча сланцевого газа, запасы которого в Алжире, согласно оценке, являются третьими в мире. Тем не менее, высокая стоимость геологоразведки, а также технические трудности, по всей вероятности, будут затруднять реализацию проектов в этой сфере (33).

Обещания правительства снизить давление на государственные финансы путем сокращения импорта не дали желаемых результатов. Стоимость ввоза в страну выросла с 37 млрд долл. в 2009 г. до 54,1 млрд долл. в 2013 г. и может достичь 59,5 млрд долл., по прогнозу МВФ, в 2018 г. В результате профицит баланса текущих операций Алжира, размер которого постоянно сокращался в последние годы, может превратиться в дефицит к 2018 г. (15; 8–21.08.2014).

Среднегодовой промышленный рост в Алжире в 2011–2013 гг. не превышал 1%. Это было обусловлено тем, что рентная модель экономики тормозила расширение частного инвестирования, тогда как вложение иностранных капиталов было загнано в тупик ограничительным регулированием прямых зарубежных инвестиций. В результате объем ПИИ в 2013 г. составил всего лишь 1,7 млрд долл.

В условиях снижения доходов от нефтегазового сектора правительство вынуждено увеличивать заимствования и сокращать государственные расходы, что, в свою очередь, ограничивает его способность решать многие социальные проблемы, включая проблему высокой безработицы, а также продвигать реализацию программы диверсификации экономики.

Эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) считают, что ключом к сохранению финансовой и экономической стабильности в Алжире в среднесрочном плане является активизация проведения структурных реформ, направленных на улучшение климата для развития частного сектора, содействие конкуренции, стимулирование частных вложений и снятие ограничений на прямые иностранные инвестиции. По

их мнению, условия для ведения бизнеса в этой стране недостаточно благоприятны в связи с необходимостью выполнения предпринимателями множества административных формальностей и наличием в национальной экономике значительного «теневого» сектора.

Нестабильность в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, особенно гражданская война в Сирии, в сочетании с внутренними политическими проблемами оказали серьезное влияние на экономическое положение в **Ливане**.

Важно отметить, что страна почти не испытала отрицательных последствий глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. благодаря в первую очередь своему достаточно сильному и хорошо регулируемому банковскому сектору, который способен привлекать значительные вклады частных лиц из-за границы. Это позволило ливанским банкам избежать опоры на международный банковский рынок, который находился в эпицентре мировых финансовых неурядиц.

Высокий уровень ликвидности банковской системы Ливана поддерживается устойчивым притоком денежных переводов ливанцев, работающих за рубежом. Ливанские квалифицированные специалисты, зачастую знающие несколько языков, трудятся как на Востоке, так и на Западе. Денежные переводы ливанской диаспоры, насчитывающей, по некоторым оценкам, 15 млн человек, являются важным подспорьем национальной экономики. Около 400 тыс. ливанцев живут в странах Персидского залива. Их переводы составляют примерно половину всех денежных поступлений от экспатриантов. Помимо государств Ближнего Востока они трудятся в странах Южной Америки, Африки, а также в Китае. В целом на вклады ливанской диаспоры в 2000-е годы приходилось приблизительно 80% активов ливанских банков.

Несмотря на резкое падение притока депозитов в мире в период кризиса, ливанским банкам удавалось привлекать примерно 1,5 млрд долл. в месяц в 2009 г. В результате вклады, номинированные в ливанских фунтах, по состоянию на март 2010 г. достигли 36 млрд долл. (прирост по сравнению с мартом 2009 г. составил 38,6%), а в иностранной валюте – 62,1 млрд долл., то есть возросли на 13,9% (92).

Местные банки фиксировали в рассматриваемый период устойчивые прибыли, совокупный объем которых повысился в 2009 г. на 20% и достиг 1,2 млрд долл. Прибыльность банковского сектора Ливана во многом объяснялась незначительной долей просроченных кредитов (около 3% в 2009 г.), а также более высоким процентом на вклады, номинированные в ливанских фунтах (6,11% в марте 2010 г.), по сравнению со ставкой на депозиты в долларах (2,86%), что, безусловно, способствовало притоку вкладов со стороны ливанской диаспоры (92).

Банки финансировали значительную часть государственной задолженности Ливана. Так, по состоянию на конец марта 2010 г. около 59% их активов было инвестировано в государственные ценные бумаги. Ливанский государственный долг на указанную дату оценивался в 51,5 млрд долл., несмотря на то, что процентное соотношение госдолга и ВВП страны постепенно снижалось, оно оставалось одним из самых высоких в мире (148% в 2009 г.) и превышало этот показатель в Греции (115% ВВП).

Отсутствие политического консенсуса внутри страны и неблагоприятные региональные события привели к резкому падению темпов экономического роста в Ливане. Среднегодовой темп прироста ВВП в реальном исчислении в 2011–2013 гг., согласно оценке эксперта Blominvest Bank, находился на уровне ниже 2% по сравнению с почти 8% в 2007–2010 гг. Ухудшение экономической ситуации было связано, прежде всего, со значительным уменьшением числа туристов, посещающих страну, а также притока прямых иностранных инвестиций.

Что касается туристического сектора, то он традиционно вносит существенный вклад в ливанскую экономику. Его доля (в совокупности с отраслями, связанными с туризмом) в создании ВВП страны превышает 35%. Кроме того, индустрия туризма играет важную роль в обеспечении занятости ливанского населения: на неё приходится 33% рабочих мест (82; 1–7.06.2012).

Политические события в Сирии и в других арабских странах серьезно затронули ливанский туристический сектор. Число визитеров в страну упало в 2013 г. до 1,3 млн с более чем 2 млн в 2010 г.

В целом, после резкого спада в 2011 г., в последующий период в ливанской экономике наметилось некоторое оживление, которое

в значительной степени базировалось на сохранении стабильности в банковской системе страны и высоком уровне доверия к ней со стороны, как многочисленной диаспоры, так и местного населения. Достаточно указать, что совокупные активы ливанских банков оцениваются в 350% ВВП. Это позволяет стране продолжать опираться на весьма обширную диаспору и денежные переводы ливанцев, работающих за рубежом. В то же время решающее воздействие на экономическую ситуацию в Ливане продолжал оказывать политический кризис в Сирии. До его завершения приток туристов и инвестиций в страну, а также экспортно-импортная торговля будут находиться под сильным негативным давлением. Кроме того, тяжелым бременем для ливанской экономики стал приток сирийских беженцев, численность которых оценивалась примерно в 1 млн чел. на конец 2014 г.

Наряду с этим, заметное повышение экономической активности в Ливане зависит от урегулирования внутренних политических проблем. Серьезные разногласия между различными группами местной политической элиты тормозят проведение в жизнь необходимых структурных реформ (в частности, приватизацию ключевых государственных активов), что ставит под угрозу ускорение темпов экономического роста в среднесрочной перспективе.

В этой связи необходимо напомнить, что закон о приватизации был принят в Ливане еще в 2000 г. Однако осуществить его реализацию до сих пор не удалось.

Ливанское руководство во второй половине 2000-х годов разработало при содействии международного сообщества масштабную программу структурной реформы, названную Paris 111 agenda. Программой предусматривалась приватизация крупных ливанских государственных компаний, в частности, в энергетическом и телекоммуникационном секторах. Разгосударствление этих структур могло бы обеспечить Ливан финансовыми ресурсами, крайне необходимыми для обслуживания крупного государственного долга, а также содействовать уменьшению правительственных расходов, так как эти две статьи «съедают» существенную часть бюджетных ассигнований. Тем не менее, программа Paris 111 agenda пока остается практически нереализованной.

Высший совет по приватизации Ливана (Higher Council for Privatization – HCP), созданный в 2000 г., в соответствии с приватизационным законом, теперь продвигает в качестве метода для стимулирования участия частного сектора в экономическом развитии страны государственно-частное партнерство (public-private-partnership – PPP).

Местные экономисты и аналитики видят ряд позитивных моментов в развитии этой модели. Они полагают, что PPP, например, позволит сократить потребности правительства в заимствованиях, улучшить менеджмент и качество услуг для потребителей. При этом сторонники PPP подчеркивают необходимость разработки и принятия законодательства, в котором было бы четко прописано распределение ответственности между структурами государственного и частного секторов, наряду с методами разрешения конфликтов. Кроме того, для успешной реализации этой модели важно, чтобы была прозрачной процедура организации тендеров в рамках PPP, Обеспечение транспарентности тендерного процесса сделало бы открытыми и понятными права на участие различных держателей акций в принятии решений, а также гарантировало бы, что ни одно министерство не будет иметь монополию на проведение торгов и подведение их итогов.

Сложность внутриполитической ситуации в Ливане подчеркивает тот факт, что с 2005 г. правительства страны, сменявшие друг друга, были вынуждены осуществлять свою деятельность без составления детальных планов расходов и доходов на предстоящий год. Впервые за последние годы коалиционный кабинет министров во главе с Наджибом Микати в июле 2012 г. одобрил государственный бюджет на данный год. Этому моменту предшествовал долгий и мучительный процесс. Министр финансов М. Сафади представил проект бюджета в сентябре 2011 г. За этим последовали несколько месяцев дебатов в правительстве. В частности, они шли вокруг предложений поднять налоги в ряде областей, включая инвестиции в недвижимость, проценты на вклады и банковский сектор, а также повысить налог на добавленную стоимость с 10% до 12%. В конце концов кабинету удалось согласовать бюджет после того, как М. Сафади внес в него крупные изменения и убрал наиболее спорные предложения.

Все это вместе взятое свидетельствует о том, что пока политическая нестабильность в Сирии будет продолжаться, а ливанские политики не смогут найти путь для конструктивного сотрудничества, экономика страны будет находиться в напряженном состоянии.

В **Иордании** в 2000-е годы были осуществлены важные экономические преобразования, ориентированные на создание современной рыночной экономики. Приватизационные инициативы, поощрение развития частного предпринимательства и повышение транспарентности в сфере бизнеса, облегчение условий торговли, устранение значительной части субсидий на продовольствие и топливо, инвестиции в образование и, что особенно важно, приверженность правящей элиты реформам – все это способствовало позитивной трансформации иорданской экономики. Высокая степень доверия со стороны как отечественных так и иностранных инвесторов, задействованных в крупных проектах (в частности, по разгосударствлению предприятий и компаний), эффективно использовалась властными структурами Иордании. По мнению, экспертов Национального банка Кувейта (НБК), Хашимитское королевство в истекшем десятилетии могло служить примером для других государств в сфере осуществления приватизации.

Благодаря реализации курса на структурные реформы, Иордании в период до глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. удалось добиться заметных позитивных результатов. Так, по оценке экономистов Национального банка Кувейта, среднегодовой прирост ВВП королевства в 2005–2008 гг. превышал 12% (в реальном исчислении – 7,8%), что способствовало увеличению доходов в расчете на душу населения в среднем на 10% в год. При этом важно подчеркнуть, что Иордания не относится к числу нефтедобывающих арабских стран. Кроме того, она сравнительно бедна и другими природными ресурсами.

Обращают на себя внимание весьма впечатляющие успехи Иордании в 2000-е годы в экспортной сфере, во многом ставшие возможными благодаря либерализации внешнеторгового режима и получению более широкого доступа на ряд рынков. В частности, в 2000 г. было заключено соглашение о свободной торговле с США. В результате с 2003 г. Соединенные Штаты стали крупным импор-

тером иорданской продукции: их доля в общем вывозе королевства достигала 28% в докризисный период. Аналогичные документы были подписаны с ЕАСТ, ЕС и Сингапуром (94).

Иордания извлекла также немалые выгоды из экономического бума в государствах Персидского залива в 2005–2008 гг., что проявилось, в частности, в беспрецедентно высоком притоке в королевство частного капитала. Работающие в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) иорданские экспатрианты (их насчитывалось в период до начала глобального спада 350 тыс.) значительно увеличили объем денежных средств, переводимых на родину.

В 2000-е годы повышенная ставка в Иордании делалась на развитие сектора услуг. Королевству удалось обеспечить его значительную конкурентоспособность в масштабах ближневосточного региона, в частности, благодаря продвижению информационных технологий, совершенствованию системы здравоохранения, образования и туризма. Доходы от туризма, например, составили в 2008 г. 2 млрд долл., а доля этого сектора в ВВП Иордании в 2008 г. оценивалась в 10%. Главная достопримечательность королевства – древний город Петра – привлекла в указанном году 711,5 тыс. туристов (94).

В целом, существенный рост доходов от туризма и денежных переводов иорданцев, работающих за рубежом, оказывал весьма позитивное влияние на макроэкономическую ситуацию в Иордании вплоть до 2008 г. При этом важно подчеркнуть, что внушительное аккумулирование средств в СКВ по этим направлениям во многом стало возможным благодаря наличию крупных объемов ликвидности на Ближнем Востоке в тот период.

Что касается влияния глобального финансово-экономического кризиса на ситуацию в Иордании, то оно оказалось менее значительным, чем на другие государства ближневосточного региона, поскольку в стране в предшествующие годы были проведены важные структурные реформы и ликвидированы многие бюрократические препоны для развития бизнеса. Кроме того, заметную роль сыграла слабая интегрированность страны в глобальную финансовую систему, что позволило ей избежать наиболее тяжелых последствий кризиса. В результате экономика королевства, согласно

данным МВФ, продолжала расти в период общемирового спада, увеличившись на 2,8% в 2009 г. Для сравнения укажем, что прирост ВВП в Саудовской Аравии в указанном году составил всего лишь 0,1%, а ВВП ОАЭ уменьшился на 0,7% (94).

Однако в начале 2010-х годов экономическая ситуация в Иордании заметно ухудшилась под влиянием общей политической нестабильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке, особенно гражданской войны в Сирии.

Экономическая стабильность королевства, поскольку оно не обладает нефтегазовыми и другими природными ресурсами, во многом зависит от состояния глобальных и региональных рынков. Социально-политические беспорядки в ряде арабских стран привели к снижению иорданского экспорта и притока инвестиций, что, безусловно, отрицательно сказалось на темпах экономического роста страны. В то же время, поскольку Иордания является импортером энергоносителей, резко возросли ее расходы на закупки нефти и газа в связи с достаточно высоким уровнем цен на углеводороды в рассматриваемый период.

Иордания традиционно поддерживает тесные торгово-экономические связи со странами Ближнего Востока, которые включают экспортно-импортную торговлю, туризм, предоставление грантов, инвестиции и т.д. Поэтому политическая дестабилизация, охватившая арабский мир, негативно отразилась на экономике королевства. Прирост ВВП Иордании в реальном исчислении в 2011 г. снизился до 2,5% против 7,2% в 2010 г. (95).

Туристический сектор королевства, который вносит важный вклад в экономику страны, серьезно пострадал от «арабской весны». Так, общий приток туристов в первые восемь месяцев 2011 г. упал на 22% по сравнению с соответствующим периодом 2010 г., согласно данным ливанского Bank Audi и Института международных финансов.

В условиях политических беспорядков в регионе уменьшился приток денежных переводов от иорданцев, работающих за рубежом. По данным Института международных финансов, их общий объем в первые семь месяцев 2011 г. сократился до 2 млрд долл., то есть падение составило 4,8% по сравнению с соответствующим периодом 2010 г. (95).

Снижение активности в иорданском строительном секторе, которое было вызвано падением притока иностранных инвестиций, также оказало неблагоприятное воздействие на экономический рост в стране. Стоимость контрактов на строительство, заключенных в 2011 г. составила 630 млн долл., или на 76% меньше, чем в 2010 г. (2,7 млрд долл.). В период политической неопределенности инвесторы, как правило, прекращают новые вложения в проекты.

Кроме того, в серьезную проблему для иорданского правительства превратился дефицит государственного бюджета, который вырос до 6,1% в 2011 г. Несбалансированность бюджета, в свою очередь, осложнила задачу снижения уровня государственного долга, увеличившегося с 60,2% ВВП в 2008 г. до 68,5% в 2011 г. (95).

Улучшение финансового положения Иордании в определенной степени зависит от способности королевства обеспечить поддержку со стороны нефтедобывающих стран Персидского залива. Саудовская Аравия предоставила королевству в 2011 г. гранты в 1,4 млрд долл., что эквивалентно 5% его ВВП. Помимо этого, страны-члены ССАГПЗ подготовили пятилетнюю программу финансовой помощи Иордании.

С целью преодоления негативных тенденций и ускорения темпов экономического роста руководство Иордании запустило серию крупных инфраструктурных проектов общей стоимостью 30 млрд долл., которые должны войти в строй в предстоящие два десятилетия.

В конце 2010 г. начались работы по строительству первого в стране исследовательского ядерного реактора мощностью 5 МВт недалеко от г. Ирбид при содействии и под руководством южнокорейского государственного НИИ атомной энергии и строительной компании Daewoo Engineering and Construction. На реализацию этого проекта Республика Корея предоставила королевству кредит в 70 млн долл. Планировалось, что сборка реактора будет завершена в течение пяти лет, а в 2017 г. на той же площадке должна будет появиться АЭС. Иорданские власти рассчитывают, что успешное осуществление мирной ядерной программы позволит стране к 2030 г. стать экспортером электроэнергии (95).

Другой мегапроект – Red Sea project – стоимостью 12 млрд долл. преследует цель смягчить проблему нехватки питьевой воды

в иорданской столице и остановит обмеление Мертвого моря. Эти задачи предполагается решить путем сооружения установок по ее обессоливанию для дальнейшей транспортировки 900 тыс. куб. м питьевой воды в Амман, другая часть воды будет доставляться в Мертвое море.

Иордания пытается также привлечь внимание иностранных инвесторов к еще одному амбициозному проекту – строительству железной дороги протяженностью 1080 км, которая, как планируется, свяжет королевство с железнодорожной сетью Сирии и Ирака.

Руководство страны надеется, что мегапроекты окажут не только краткосрочный позитивный эффект на экономику королевства, но и заложат фундамент для устойчивого развития на длительную перспективу. Так, программа развития ядерной энергетики позволит уменьшить зависимость иорданской экономики от импорта энергоресурсов, который составляет около 3,5 млрд долл. в год, что эквивалентно 25% расходов национального годового бюджета. железнодорожный проект помог бы Иордании занять центральное место на пересечении новых региональных торговых путей.

В условиях острого дефицита ликвидных средств в глобальном и региональном масштабах все крупные инфраструктурные проекты планируется финансировать на основе государственно-частного партнерства. Кроме того, Всемирный банк с целью поддержки программы развития королевства одобрил в конце 2009 г. предоставление Иордании займа в 300 млн долл.

Тем не менее, как полагают многие западные и арабские эксперты, ключевым путем для исправления финансово-экономической ситуации, а также решения социальных проблем Иордании является продолжение структурных преобразований и улучшение делового климата для частных предпринимателей. Однако прогресс на этих направлениях был заторможен из-за частой смены правительств в королевстве. Таким образом, реализация программы реформ, которую наметили иорданские власти, во многом зависит от стабилизации политической ситуации в Иордании, которую серьезно затрудняют продолжение гражданской войны в Сирии и действия на ее территории и в Ираке террористической организации «Исламское государство» (ИГ, запрещена в России).

Экономический рост в **Ираке** в 2011 г. был одним из самых высоких среди стран Ближнего Востока и Северной Африки. Прирост его ВВП в реальном исчислении равнялся 8,6%. По оценке экспертов Международного валютного фонда, этот показатель в 2012 г. снизился до 8,4% (96).

Безусловно, столь высокие темпы роста объясняются во многом низкой исходной базой. Десятилетия военных конфликтов, иностранная интервенция, разгул терроризма и насилия, санкции и недостаток инвестиций нанесли тяжелый урон иракской экономике. Практически каждый сектор – от здравоохранения, образования, жилищного строительства и до электро- и водоснабжения – требует восстановления и огромных капиталовложений. Более 30% трудоспособного населения – без работы. Недостаток электроэнергии и слабость инфраструктуры, которая разрушена или полностью отсутствует, препятствуют развитию промышленности. Значительная часть жителей Ирака находится в бедственном положении: доходы более 20% иракцев исчисляются на уровне ниже черты бедности.

В Ираке в 2010 г. началась реализация пятилетнего плана национального развития (National Development Plan – NDP), предусматривавшего инвестиции в объеме 186 млрд долл. Предполагалось, что 100 млрд из этой суммы будут получены за счет доходов федерального бюджета, а остальные 86 млрд вложат инвесторы, иностранные и местные.

В плане развития был поставлен ряд достаточно амбициозных, но, как считают некоторые независимые эксперты, достижимых задач, выполнение которых позволило бы вывести экономику страны из нынешнего плачевного состояния. Отрасли, которым в NDP отдавался приоритет с точки зрения инвестиций, включали нефтедобычу, электроэнергетику, сельское хозяйство, транспорт и связь. Наряду с этим, планом развития предусматривалось решение ряда социальных проблем, в частности, создание 3–4,5 млн новых рабочих мест с целью снижения безработицы, сокращение бедности на 30% против уровня 2007 г., обеспечение жильем малоимущих слоев населения. Диверсификация иракской экономики, снижение чрезмерной зависимости от углеводородов и развитие других отраслей (обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство,

строительство и др.) – это еще один важнейший приоритет, который подчеркивался в плане развития страны.

В рамках NDP иракское правительство в качестве первоочередного приоритета выделило организацию регулярного энергоснабжения населения и предприятий страны. В 2011 г. были проведены тендеры по четырем проектам в сфере электроэнергетики. Новые объекты должны были добавить 2750 MW к общей мощности по производству электроэнергии Ирака. Ожидается, что это даст толчок восстановлению и дальнейшему развитию промышленного сектора. Некоторые эксперты полагали, что экономика Ирака действительно начнет двигаться вперед только, когда в стране будет устойчиво работать электроэнергетика. Эта отрасль также весьма важна для улучшения ситуации с занятостью иракского населения.

Реализация всех заявленных в Национальном плане развития задач в значительной степени зависела от темпов увеличения добычи и экспорта иракской нефти, поступления от которых формируют более 90% всех государственных доходов страны. В 2011 г. Ирак получил от вывоза нефти около 83 млрд долл. по сравнению с 52 млрд долл. в 2010 г. (97).

Другим важнейшим условием осуществления намеченных проектов в нефтяном секторе и других сферах иракской экономики являлось привлечение иностранных инвестиций в необходимых объемах. В 2011 г. прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в Ирак, по данным американской исследовательской фирмы Dunia Frontier Consultants, выросли до 55,7 млрд долл., что на 40% превысило показатель 2010 г. При этом в нефтегазовый сектор было вложено 23% общей суммы ПИИ (98; 99).

Однако в 2013–2015 гг. процесс восстановления экономики Ирака существенно замедлился из-за серьезного обострения политической ситуации в стране.

В последние годы своего присутствия американцы сумели сбить волну террора в Ираке. После вывода американских войск в конце 2012 г. уровень насилия в стране стал стремительно расти. Заметно активизировалось сопротивление иракских суннитов правящему режиму во главе с шиитом Н. Малики. Еще во времена американского присутствия они довольно успешно боролись как против «оккупантов», так и руководства страны. Развернутый властями

террор против суннитов (пытки, показательные суды, массовые аресты и казни) только добавляли популярности идеям сопротивления (100).

В 2014 г. внутриполитическая обстановка в Ираке резко ухудшилась после захвата в июне этого года террористической организацией «Исламское государство» (ИГ), созданной на территории страны еще в 2006 г. под названием «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), почти целиком провинций Анбар, Салахэддин и Нинава. В результате почти треть страны оказалась в руках ИГ, что делает Ирак одной из наиболее опасных стран в мире для ведения бизнеса. Даже самые рядовые деловые поездки требуют принятия серьезных мер безопасности, что добавляет 20–25% к бюджету компании, осуществляющей свою деятельность, например, в Центральном Ираке.

Страны-члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива

«Арабская весна», в отличие от ряда других частей Ближнего Востока и Северной Африки, практически не затронула страны-члены ССАГПЗ, за исключением Бахрейна. Тем не менее, косвенное воздействие она, безусловно, оказала на политику и экономику этих государств. Еще более масштабными могут стать последствия политических событий в арабском мире в долгосрочной перспективе.

Экономическую ситуацию в странах-участницах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в 2011–2013 гг. можно охарактеризовать как относительно благоприятную. Так, в публикациях Международного валютного фонда отмечалось, что в 2011 г. прирост их суммарного ВВП составил 7,5% по сравнению с 2010 г. Столь успешный макроэкономический результат объяснялся высоким уровнем нефтяных цен, а также весьма существенным увеличением государственных расходов с целью сдержать протестные выступления.

Король **Саудовской Аравии** Абдалла в феврале-марте 2011 г. объявил о принятии ряда мер, пытаясь избежать политической дестабилизации, которая произошла в ряде других арабских стран. В частности, правительство выделило 55 млрд долл. для выплаты

различных социальных пособий. Согласно заявлениям короля, одной из основных задач правящего режима должна была стать борьба с безработицей. Например, было дано обещание, что 90 тыс. человек, работающих в государственных органах по временным контрактам, будут трудоустроены на постоянной основе.

Несмотря на это, в марте 2011 г. в ряде саудовских городов произошли «дни гнева», в ходе которых манифестанты-шииты требовали равноправия и освобождения из тюрем политических заключенных. В ответ саудовское МВД пообещало жестко подавлять любые протестные акции и усилило охрану нефтяных объектов в неспокойных районах. Так, войсковые подразделения были отправлены на помощь полицейским в Эль-Катиф, Эль-Хуфуф и Эль-Хасу, расположенные в Восточной провинции, прилегающей к Бахрейну. Глава МИД королевства принц Сауд эль-Фейсал призывал граждан к диалогу, а иностранцев – к невмешательству в «наши дела». «Руки таких иностранцев будут безжалостно отрублены», заявил он, признав в то же время необходимость проведения реформ (83; 28.04.2011).

Стремясь предотвратить дальнейшую эскалацию массовых выступлений, саудовское правительство выделило еще 75 млрд долл. на выплату дополнительной двухмесячной заработной платы государственным служащим и различных социальных пособий, а также приняло решение о повышении заработной платы в госсекторе на 15%.

Аналогичные меры приняли и другие страны Персидского залива. Например, Катар повысил оплату труда в государственном секторе на 60% и объявил об увеличении пенсий на 50–120%, а кувейтские власти выдали каждому гражданину страны наличными по 3600 долл. (86). Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, в свою очередь, предоставил Оману и Бахрейну, в которых имели место массовые демонстрации протеста, по 10 млрд долл. Данная инициатива рассчитана на 10 лет и призвана способствовать выполнению социально-экономических программ (2; 29.01.2013).

В то же время среднегодовые темпы экономического роста рассматриваемой группы государств в 2012–2013 гг., согласно оценке, заметно снизились по сравнению с 2011 г.: 5,6% и 3,7% соответ-

ственно. Замедление темпов прироста их совокупного ВВП заставило многих экономистов, изучающих ситуацию в арабских странах, включая автора данной монографии, усомниться в устойчивости хозяйственного подъема, базирующегося в основном на выгодах, извлекаемых из благоприятной конъюнктуры на мировом рынке нефти, быстро растущих государственных расходах, повышении потребления в секторе домохозяйств. Наряду с этим, возникают опасения относительно «повышенной уязвимости» из-за резкого увеличения расходования государственных средств.

В этой связи важно отметить, что страны ССАГПЗ в последние годы в основном ориентировались на прежние методы хозяйствования, которые многие экономические аналитики оценивают как «вредоносные». В частности, продолжалось широкое использование энергетических субсидий, которые фактически вели к избыточному потреблению и сужению финансово-ресурсной базы, имеющейся в государственной казне. Например, в столице ОАЭ Абу-Даби государство брало на себя 50% и 85% обязательств по оплате электроэнергии, потребляемой соответственно иностранными рабочими и коренными жителями (2; 31.01.2013).

Активизация протестного движения в Кувейте осенью 2012 г. показала, что в ходе перестройки экономики и свертывания государственной поддержки населения их инициаторы могут натолкнуться на дополнительные ограничители (даже в государствах с высокими доходами от продажи энергетического сырья), негативно влияющие на внутриполитическую стабильность.

ГЛАВА IV. СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРАБСКИХ СТРАН

Трудовые ресурсы и рынок труда

Росту нестабильности и социально-политическим потрясениям, наблюдающимся в странах Ближнего Востока и Северной Африки с начала 2011 г., безусловно, способствовали демографические процессы, которые протекали в данном регионе в последние три десятилетия.

Среднегодовые темпы роста численности населения арабских стран в 1980–2001 гг. являлись одними из самых высоких в мире и составляли 2,5–2,6%. (101, с. 119). В то же время положительные сдвиги, которые произошли в регионе в сфере медицинского обслуживания, санитарных условий, питания и т.д., вызвали сокращение индикатора младенческой смертности: в среднем по арабским странам со 153–157 промилле в 1960 г. до 45–49 промилле в 2001 г. (101, с. 125). Сочетание этих двух факторов (высокой рождаемости и уменьшения младенческой и детской смертности) дали толчок быстрому росту населения в рассматриваемой части мира. Прогнозируется, что темпы роста численности населения арабских стран в текущем десятилетии останутся свыше 1,5% в год. В результате население Ближнего Востока и Северной Африки, которое сейчас превышает 350 млн чел., может к 2020 г. приблизиться к 500 млн. (15; 31.12.2010–6.01.2011).

Анализ распределения населения по возрастным группам показывает, что общество в арабских странах молодое, с преобладанием низковозрастных категорий. Согласно оценке, жители в возрасте до 15 лет составляют от 36% до 45% общей численности населения арабского региона, что предопределяет достаточно высокие среднегодовые темпы роста региональных трудовых ресурсов: в 1980–

2010 гг. они находились на уровне 3,3% (90). Для сравнения укажем, что этот индикатор для стран Южной Азии составлял 2,1%, а для Восточной Азии – 1,5%.

Как показывает анализ социально-экономического развития арабского мира в последние два десятилетия, расположенным здесь странам пока не удается использовать растущий приток человеческого капитала в качестве эффективного механизма создания общественного богатства, поддержания устойчиво высоких темпов экономического роста. Современная региональная ситуация характеризуется хронической безработицей и распространяющейся неполной занятостью. Более того, специалисты Института международных финансов отмечают, что уровень безработицы на Ближнем Востоке и в Северной Африке превышает этот показатель в других развивающихся макрорегионах мира. Так, в арабских странах в 2009 г. он составлял 11,5% экономически активного населения, в Латинской Америке – 7,7%, Южной Азии – 5,2%, Восточной Азии – 4,4% (5).

В этой связи важно подчеркнуть, что учитывая относительно высокие темпы роста трудоспособного населения, среднегодовой прирост ВВП в 3%, который наблюдался в арабском регионе в период с 1980 г. по 2010 г. был явно недостаточен, чтобы предотвратить постоянный рост безработицы. При этом самыми высокими темпами увеличивалось число неработающей молодежи.

Безработица среди молодежи в целом по региону Ближнего Востока и Северной Африки в конце 2000-х годов возросла до 25,2%. В частности, в Тунисе этот показатель достиг 28,7%, в Египте – 26,3%, в Марокко – 24,9%, в Саудовской Аравии – 23,2%, в Алжире – 21,5% (5). При этом среди лиц, завершивших получение среднего образования, и выпускников университетов безработица была еще выше (например, в Египте она составляла 66% и 25% соответственно).

Еще одна отличительная черта рынка труда арабских стран заключается в том, что достаточно низка доля работающих женщин. Она колеблется в пределах от 24,5% до 27,4% в Египте, Ливии, Марокко и Тунисе (15; 5–11.08.2011). Несмотря на то, что удельный вес женщин в экономически активном населении региона в последние десятилетия заметно повысился, на пути их участия в обществен-

ном производстве сохраняются серьезные препятствия, связанные как с религиозными традициями и глубоко укоренившимся консервативным социальным поведением, так и недостаточно высоким уровнем развития производительных сил, закреплением за женщинами определенного вида работ, с дискриминацией в оплате труда. Значительным тормозом в трудоустройстве женщин, особенно тех, кто получил образование и приобрел специальность, в условиях высокого уровня безработицы и неполной занятости является растущая конкуренция со стороны специалистов-мужчин.

В качестве особенности рынка труда и экономики стран Ближнего Востока и Северной Африки в целом важно также отметить то обстоятельство, что довольно значительная часть трудоспособного населения занимается неформальными (теневыми) видами деятельности – уличные торговцы, сезонные сельскохозяйственные работники (farmhands) и др. Оплата труда в теневом секторе может быть ниже и менее гарантирована, чем в формальном. Кроме того, работающие здесь не обеспечены никакими социальными гарантиями (пособия, пенсии и т.д.). Во второй половине 2000-х годов, например, на неформальный сектор приходилась почти половина всех городских рабочих мест в частном секторе Алжира (15; 5–11.08.2011).

Дефицит рабочих мест стал одним из главных факторов, которые привели к социальной напряженности и политической нестабильности, переживаемой в настоящее время арабскими странами Ближнего Востока и Северной Африки. По существу проблемы с занятостью среди арабской молодежи, особенно среди образованной ее части, явились двигателем протестного движения в рассматриваемом регионе. В этой связи уместно напомнить, что 17 декабря 2010 г. уличный торговец-выпускник университета, который не нашел работу по специальности, после избиения полицейскими облил себя бензином и сжег на площади маленького тунисского городка Сиди-Базид. С этого начались массовые выступления в Тунисе, а затем – в порядке цепной реакции – в Египте, Ливии и в ряде других арабских стран.

Высокий уровень безработицы, помимо демографических причин, обусловлен спецификой социально-экономического развития арабских стран и особенностями сложившихся в них рынков труда.

Специфика рассматриваемых рынков заключается, прежде всего, в том, что бремя обеспечения занятости ложится в основном на государственный сектор, абсорбционные возможности которого, учитывая быстрое увеличение трудоспособного населения в регионе в 1990–2000-е годы, оказались практически исчерпаны. Более того, занятость в госсекторе влечет за собой значительные финансовые издержки для бюджетов рассматриваемых стран, что, в конечном счете, отрицательно сказывается на экономической эффективности и темпах роста.

Как показывает международный опыт, мощным двигателем процесса создания рабочих мест в мире являются малые и средние предприятия (small and medium-sized enterprises – SMEs). Так, на Западе на SMEs приходится около половины всех рабочих мест. Парадоксально, но их доля на Ближнем Востоке даже выше, она колеблется от 75% в Египте до 86% в ОАЭ. Однако арабские малые и средние предприятия характеризуются низкой производительностью и слабыми темпами роста, создавая лишь 30% ВВП по сравнению с 50% в развитых странах (15; 31.12.2010–6.01. 2011).

Перегруженный государственный сектор уже не в состоянии справиться с трудоустройством молодежи. Отсталость систем образования приводит к тому, что большинство молодых людей, стремящихся найти рабочее место за пределами государственной занятости, не имеют необходимой квалификации для работы в частном секторе.

Качество трудовых ресурсов стран Ближнего и Среднего Востока заметно отстает от других развивающихся регионов. Так, в конце 1970-х годов низко- и неквалифицированные работники составляли примерно 87% самодеятельного населения арабского мира, лица средней квалификации – 8%, высокой квалификации – 5%. Спустя четверть века доля первой группы сократилась до 70%, попрежнему составляя громадное большинство. Доля работников, обладающих средней квалификацией, выросла в два с половиной раза – до 19%., а высшей – примерно до 11% (101, с. 126,127).

Низкий удельный вес в арабских странах средне- и высококвалифицированной рабочей силы во многом обусловлен отставанием образовательного уровня их населения. Тем не менее, необходимо отметить, что за последние несколько десятилетий в регионе были

достигнуты немалые успехи в области образования. Так, средний показатель грамотности взрослого населения вырос многократно – с 16–17% в 1960 г. до более 60% в начале 2000-х годов (101; с. 126). Начальную школу в странах Ближнего Востока и Северной Африки в настоящее время посещают практически все дети. Около 70% молодежи охвачены обучением в средней школе по сравнению с 10–11% в 1960 г. Государства региона, начав с крайне низкого старта, по показателю охвата молодежи обучением в высшей школе – 1–2% в 1960 г. и 9–20% в 2000 г.– в последние десятилетия в целом превысили отметку по группе развивающихся государств – соответственно 2–3% и 14% (101; с. 125).

Тем не менее, реализация планов по диверсификации экономики, совершенствованию и развитию индустриальной базы, включая создание новых современных отраслей, повышению роли частного сектора в модернизационных процессах – все это требует наличия в арабских странах в достаточном количестве трудовых ресурсов более высокой квалификации, что, в свою очередь, подразумевает повышение уровня образования.

Ниже мы рассмотрим некоторые особенности рынков труда государств-членов ССАГПЗ, а также арабских стран-импортеров нефти на примере Египта, что представляется весьма важным для понимания современной социально-экономической ситуации и анализа проблем, стоящих перед ними в обозримом будущем.

Страны ССАГПЗ

Процессы модернизации и развития в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива привели к наплыву в них иностранной рабочей силы во второй половине XX столетия, поскольку местные трудовые ресурсы оказались явно недостаточны, чтобы обеспечивать функционирование национальных воспроизводственных систем.

Численность иностранных работников в аравийских монархиях стремительно выросла в период «нефтяного бума» (1970-е – начало 1980-х годов). Так, если, по официальным данным, в Саудовской Аравии в 1975 г. она составляла 28% от общей численности экономически активного населения, то в 1980 г. уже превышала 40%. Английские экономисты Дж. Пресли и А. Уэструэй в вышедшем

в 1989 г. экономическом обзоре указывали, что национальные возможности королевства по обеспечению спроса на рабочую силу слишком отставали во всех категориях: неквалифицированной, полуквалифицированной и квалифицированной рабочей силы. После 1985 г. несаудовцы составляли уже почти 60% всей рабочей силы в стране (102, с. 84).

В нефтяных монархиях в первые годы индустриализации с присутствием иммигрантов сложилась следующая картина: их доля среди населения и рабочей силы составляла в Саудовской Аравии – 25,4% и 43,0%, в Кувейте – 51,6% и 89,4%, в ОАЭ – 69,5% и 84,8% (102, с. 84).

Потоки экспатриантов были различны по своему национальному составу. В Саудовской Аравии и Кувейте традиционно с 1950-х годов большую часть иностранной рабочей силы составляли выходцы из других арабских стран, прежде всего – йеменцы, палестинцы и египтяне. В целом по всем странам Залива, доля трудовых мигрантов-арабов к началу 1980-х годов достигла почти 75%, жителей стран Азии и Африки – 23%, европейцев – около 2% (102, с. 29, 137–139; 103, с. 147). При этом важно отметить, что данные официальной статистики арабских стран Персидского залива, касающиеся численности иностранных работников, значительно расходятся с оценками независимых специалистов. В частности, только в Саудовской Аравии в годы «нефтяного бума» число северойеменских рабочих колебалось в пределах от 800 тыс. до 1200 тыс. чел. По мнению известных экономистов, Дж. Биркса и К. Синклера, власти занижали эти данные, помимо других причин, из престижных соображений, не желая признать небольшую численность коренного населения (102, с. 160).

К началу 1980-х годов в политике аравийских монархий, касающейся национального состава иностранных рабочих произошли заметные изменения. По политическим и прагматическим причинам ставка была сделана на мигрантов из стран Южной, Юго-Восточной Азии и Тайваня. Жители этих регионов оказались более квалифицированной и дешевой рабочей силой. Кроме того, они считались безопасными в политическом отношении (подробнее см. 103, 104, 105).

Иммиграция имела серьезные последствия для демографической ситуации в арабских странах Персидского залива, так как иностранцы во многих из них ко второй половине 1990-х годов превысили число коренных жителей, и граждане оказались в роли меньшинств в своем отечестве. Трудовые мигранты стали абсолютно и относительно преобладать в составе работающего населения. Уровень занятости граждан ССАГПЗ, работающих в своих собственных странах, согласно данным доклада американской консультационной компании Aon Hewitt, опубликованного в ноябре 2011 г., составлял к началу 2010-х годов 51%. При этом в отдельных странах, входящих в эту региональную организацию, он был еще ниже: в ОАЭ – 46%:, в Бахрейне – 49% (106).

Способность правящей верхушки «шестерки» аравийских государств присваивать нефтяную ренту в значительных размерах и ее стремление сохранить, лишь модифицируя, прежнюю социальную структуру общества привели к тому, что расширение сферы применения наемного труда среди местного населения было связано не столько с распространением капитализма, сколько с процессом перераспределения нефтяных доходов. Это нашло отражение в том, что подавляющая часть коренных жителей, работавших по найму, к началу 2000-х годов трудилась не в отраслях обрабатывающей промышленности или строительстве, а в сфере обслуживания, главным образом, в государственном или административном аппарате, в армии или полиции.

Такая диспропорциональная структура занятости объяснялась тем, что в арабских странах Залива отношение коренных жителей к работе и найму определялось не механизмом рынка труда, а логикой самой ренты. Целью представителя местного населения являлась не продажа своего товара – рабочей силы, а поступление на место, позволяющее участвовать в распределении ренты (105), При этом степень включения в данный процесс нередко в немалой степени зависела от внеэкономических факторов: племенной принадлежности, родственных связей, близости к государственной власти. По определению ряда западных специалистов, в этих государствах сформировался «бюрократическо-племенной рынок найма».

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов, что годы «нефтяного бума» воспитали у коренных жителей аравийских стран чувство собственной исключительности, превосходства над иностранцами. У них сложилось представление, что занятие физическим и другим производительным трудом унизительно для истинного мусульманина. Развитию такого отношения к физическому труду способствовало и то, что на протяжении всей современной истории монархий основным источником рабочей силы среди местного населения для зарождавшихся сначала нефтяного, а затем и всего современного сектора, служили бывшие рабы, «низшие» (в отличие от «благородных») племена, угнетаемые представители религиозных меньшинств.

Кувейт, ОАЭ, Катар, Бахрейн и Оман в силу естественных причин примирились с необходимостью постоянного присутствия в их странах больших контингентов иностранных работников различной квалификации. В то же время, поскольку численность иммигрантов превышает коренное население, власти этих государств, учитывая соображения национальной безопасности ужесточили условия натурализации.

Что касается Саудовской Аравии, то в королевстве в 1980-е годы была выдвинута стратегическая цель – саудизация рабочей силы. В рамках политики «саудизации» делались попытки установить ограничения на наем мигрантов, чтобы осуществить постепенный переход с иностранной на национальную рабочую силу. Однако до сих пор они не давали заметных результатов.

Политические беспорядки в арабских странах, в том числе и в самой Саудовской Аравии, заставили правительство активизировать усилия по расширению занятости местного населения. С этой целью министерство труда в 2011 г. ввело в действие систему Nitaqat (Nitaqat system), которая предусматривает штрафные санкции против частных фирм, нанимающих иностранных работников свыше установленных квот.

Реакция саудовского частного бизнеса на программу Nitaqat была неоднозначной. В частности, строительные и транспортные компании высказывали озабоченность тем, что они не в состоянии обеспечить квоты, установленные министерством. Одна из наи-

более серьезных проблем для работодателей заключается в низкой квалификации значительной части саудовских граждан.

Сложная ситуация, сложившаяся на рынках труда аравийских монархий во многом обусловлена существующей системой образования в этих странах, которая не отвечает современным требованиям их экономического развития и не способствует решению такой острой социальной проблемы как высокий уровень безработицы среди молодежи.

Тем не менее, важно отметить, что в 1990–2000-е годы расходы на образование в арабском регионе, особенно в государствах Персидского залива, заметно возросли. Так, согласно данным Министерства финансов Саудовской Аравии, королевство в течение последних десяти лет утроило свои вложения в эту сферу. В текущем десятилетии оно планирует потратить еще 37 млрд долл. на строительство и модернизацию школ и университетов. В государственном бюджете на 2011 г. ассигнования на образование и профессиональное обучение были увеличены до 150 млрд сауд. риалов (40 млрд долл.), что составляло около 26% общей суммы государственных расходов. Саудовское правительство предусматривает в рамках запланированных на развитие образования средств построить 610 новых школ в дополнение к 3200 уже строящихся (107; 15–21.04.2011).

Помимо программ школьного строительства в королевстве осуществляются различные инициативы с целью реформирования системы образования. В 2007 г. был запущен проект – King Abdullah bin Abdulaziz Public Education Development Project (Tatweer) – стоимостью 2,4 млрд долл., призванный модернизировать образование для 4,5 млн учащихся государственных школ путем внедрения современных методов обучения, критериев оценки и учета.

В стране реализуются планы по развитию и реформированию всех уровней образования, начиная с расширения приема в дошкольные учреждения, поскольку менее 10% саудовских детей посещают детские сады. В то же время международный опыт показывает, что раннее обучение дает толчок развитию детских познавательных способностей и навыков грамотности.

Кроме того, инвестиции направляются также в сферу профессионально-технического обучения. В частности, одно из под-

разделений Министерства труда – Technical & Vocational Training Corporation (TVTC) – расширяет сеть профтехобразования в королевстве. В Саудовской Аравии открываются новые политехникумы с целью обучения практическим, техническим и специализированным промышленным навыкам и подготовки специалистов средней квалификации. За время своей деятельности TVTC ассигновала 4 млрд сауд. риалов в 22 политехникума для подготовки 30 тыс. саудовских граждан в год (107; 15–21.04.2011).

Вложения государства в высшее образование также принесли положительные результаты. Согласно данным Всемирного банка, темпы прироста студентов высших учебных заведений в Саудовской Аравии возросли с 20% в 1999 г. до 30% в 2007 г.

В последние годы расходы на образование выросли и в других странах Персидского залива. Так, в государственных бюджетах Омана, ОАЭ и Катара на 2010 г. предусматривалось направить в эту сферу в среднем более одной пятой общей суммы расходов. При этом Оман планировал потратить 2,1 млрд долл. (12,3% всех расходов бюджета), ОАЭ – 2,7 млрд долл. (22,5%), а Катар – 5,4 млрд долл. (20,5%).

Катар уже почти десять лет осуществляет программу реформирования начального, среднего и высшего образования. Созданный для проведения ее в жизнь Высший совет по образованию (Supreme Education Council – SEC) избрал стратегию, которая заключалась, прежде всего, в создании финансируемых государством независимых школ, свободных в выборе своих собственных методик обучения и учебных программ. При этом они должны быть подотчетны SEC, их деятельность должна соответствовать ряду требований и показателей, особенно в том, что касается успеваемости по основным предметам (арабский, английский, математика и др.). В 2004 г. были открыты первые 12 независимых школ, в настоящее время их 102 (108).

Большой интерес в арабском мире привлекает также инициатива Катара по созданию Education City. Это специальная зона, организованная в Дохе и финансируемая государством для привлечения в страну международных университетов (они создают здесь свои отделения) и стимулирования исследовательской деятель-

ности, а также для дополнительного инвестирования в бюджеты факультетов и обучение студентов последних курсов.

В отличие от нефтедобывающих государств Аравийского полуострова, для рынка труда арабских стран-импортеров нефти более характерна эмиграция рабочей силы, особенно для Египта, который является лидером в этой области среди своих соседей по региону.

Важно отметить, что эмиграция из Египта приняла значительные масштабы в 70-е годы прошлого столетия. Этому во многом способствовала политика «открытых дверей», проводившаяся в стране с 1974 г. до середины 1980-х годов. Курс египетского правительства в этот период внес качественные изменения в характер использования национальных трудовых ресурсов внутри страны. Стремительно росло относительное перенаселение во всех его формах. Приток иностранного капитала, хотя и стимулировал развитие целого ряда сфер экономики, не вызвал быстрого увеличения рабочих мест, так как значительная часть (около 60%) инвестиций, поступавшая из зарубежных источников, имела товарную или ссудную форму. Капиталовложения западных фирм в свободных зонах также носили в основном непроизводительный характер (9, с. 219).

Неограниченный допуск на внутренний рынок иностранных товаров негативно отразился на местном промышленном производстве в государственном и частном секторах. Был нанесен удар по многим отраслям национальной индустрии, особенно пострадала текстильная промышленность, в которой было занято примерно 50% всех промышленных рабочих страны. Политика «открытых дверей» вызвала перестройку экономики, сопровождавшуюся деформацией структуры занятости и как следствие этого – быстрым ростом безработицы. Условия труда тех, кто остался в сфере производства заметно ухудшились. Торгово-посредническая буржуазия, монополизировавшая импортно-экспортные операции, взвинтила цены на многие товары на внутреннем рынке, что вместе с притоком иностранного капитала и увеличением дефицита торгового баланса дало мощный толчок инфляционным процессам. Все это вместе взятое способствовало развитию эмиграции рабочей силы из Египта, которая приобрела массовый характер.

В 1990–2000-е годы выезд египтян на заработки в другие страны продолжал происходить в значительных масштабах, поскольку в ходе экономических реформ, проводившихся в стране в этот период, не удалось не только решить, но даже смягчить такие острые социальные проблемы, как массовая бедность и безработица. Согласно официальной статистике АРЕ, уровень безработицы в конце 2000-х годов составлял 9–10% трудоспособного населения, однако независимые экономисты считают более реальным показателем – 20%. Безработица значительно выше среди молодежи: в возрасте 20–25 лет – 37,5%; среди лиц, завершивших получение среднего образования – 65,9%, выпускников университетов – 25,3%. Многие египтяне заняты на временных работах или трудятся неполную рабочую неделю.

Массовая эмиграция рабочей силы оказывает противоречивое влияние на экономику Египта и структуру национальных трудовых ресурсов. С одной стороны, денежные переводы гастарбайтеров превратились в один из крупных источников свободно конвертируемой валюты, существенно уменьшая дефицит платежного баланса страны. Эмиграция способствует вовлечению в трудовую деятельность какой-то части трудовых ресурсов, образующих относительное перенаселение или вообще не входящих в них. Некоторые исследователи связывают, например, усиление социальной активности египетских женщин с массовой эмиграцией рабочей силы. С другой стороны, она сопряжена с утратой (пусть даже временной) наиболее активной, квалифицированной и опытной части трудовых ресурсов. В качестве серьезного негативного последствия этого явления следует также отметить ущерб, который наносится рабочей силе в результате ее усиленной эксплуатации в странах массовой эмиграции. Так, египетский экономист Надир Фаргани, исследовавший положение египетских рабочих-мигрантов в странах Персидского залива, отмечал, что они живут и работают в таких трудных условиях, что истощение рабочей силы едва ли может быть компенсировано теми денежными накоплениями, которые они успевают сделать за время эмиграции (9, с. 221). Наряду с этим, имеет место деградация рабочей силы, так как нередко египетские гастарбайтеры вынуждены заниматься работой не по специальности, что приводит к утрате

ими квалификации, к «потере вкуса» к своей основной работе на родине. Даже сельские труженики в результате эмиграции утрачивают навыки сельскохозяйственных работ, поскольку трудятся в основном на строительных работах, в сфере услуг и т.п. Нередко, возвратившись из эмиграции, бывшие квалифицированные промышленные рабочие стремятся найти иное занятие, вне сферы материального производства. Несомненный урон национальным трудовым ресурсам Египта наносит эмиграция специалистов – представителей интеллигенции. Страна испытывает значительную нехватку именно тех категорий специалистов, которые отправляются в эмиграцию.

Страны Магриба, Египет, Иордания, Сирия и другие не имели финансовых возможностей, чтобы осуществлять в 1990–2000-е годы такие же крупные денежные вливания в развитие образования, как богатые нефтедобывающие государства Персидского залива. Тем не менее, они также уделяли внимание этой проблеме. В них строились начальные школы, открывались средние и высшие учебные заведения, развивалось профессиональное, специальное и высшее образование, росло число учащихся начальных и средних школ, а также студентов и выпускников университетов. Кроме того, в указанный период в данной группе арабских стран предпринимались шаги по совершенствованию имеющихся моделей образования и повышению его уровня.

Несмотря на существенное увеличение ассигнований как по линии государственного, так и частного сектора, а также различные инициативы по модернизации образования, система в целом в арабском мире (от начального до университетского уровня) не отвечает современным требованиям экономического развития стран Ближнего Востока и Северной Африки и не способствует решению такой острой социальной проблемы как высокий уровень безработицы среди молодежи.

Социологический опрос, проведенный MEED Education Survey в 2011 г. в странах ССАГПЗ, показал, что 53% респондентов считают, что стандарты подготовки учеников в этом регионе ниже среднего уровня. При этом участники опроса считают выпускников школ Саудовской Аравии наименее подготовленными по сравнению с другими странами. Согласно данным опроса 2010 г.,

60,9% респондентов воспринимали государственное образование в государствах Персидского залива как весьма слабое (109).

Международные эксперты отмечали, что характерными чертами школьного образования не только в странах ССАГПЗ, но и во всем арабском регионе, являются консервативные учебные программы и методы обучения в государственных школах, которые делают упор на пассивное заучивание фактов вместо формирования и развития самостоятельного, креативного мышления. Предпочтение отдается изучению традиционных предметов, в частности арабского языка и ислама. В то же время знания выпускников школ в области математики, иностранных языков и других предметов не отвечают требованиям, предъявляемым при поступлении в высшие учебные заведения. Так, 90% выпускников средней школы ОАЭ вынуждены проходить двухгодичные курсы для повышения их знаний в области естественных наук, английского языка и информационных технологий до уровня, необходимого для поступления в университет. Такое дополнительное образование дорого обходится государству. Согласно оценке, 20% государственных ассигнований на высшие учебные заведения в Эмиратах расходуются на подобные курсы. В Саудовской Аравии на подготовительные курсы тратится до одной четверти ежегодных вложений в образование (109). Это проблема общая для всего арабского региона.

Что касается системы высшего образования в странах Ближнего Востока и Северной Африки, то в докладе «Решение проблемы занятости в странах ССАГПЗ», опубликованном в июне 2010 г., американская консультационная фирма Booz & Company констатировала нехватку выпускников исследовательской и инженерной специализации в регионе, сетуя на то, что «образовательная система плохо согласуется с нуждами современной промышленности» (110). К этому следует добавить, что обучение в университетах в арабском регионе не дает студентам достаточных знаний о современном мире бизнеса, что формирует у выпускников высших учебных заведений нереалистичные ожидания.

Еще одна важная проблема системы образования в арабских странах заключается в низком профессиональном уровне учителей и преподавателей учебных заведений всех ступеней. Сфера обучения – это, как правило, карьерный выбор среди женщин рассма-

триваемого региона, он не привлекает мужчин, которые стремятся найти более престижные и высокооплачиваемые рабочие места в других секторах. Нехватка преподавательских кадров, обладающих необходимой квалификацией, наряду с другими факторами, предопределяет достаточно низкое качество государственного образования в странах Ближнего Востока и Северной Африки по сравнению с другими развивающимися регионами мира, в частности с Восточной Азией. Так, на международной олимпиаде – Trends in International Mathematics and Sciences Study – в 2007 г. из 12 арабских стран-участниц ни одно государство не заняло место выше двадцатого (108).

Проблема занятости и развитие частного предпринимательства

Движущей силой политических протестов в странах «арабской весны» – Тунисе, Египте, Ливии, Йемене – во многом являлись молодые люди, возмущенные отсутствием работы и социальной мобильности. Режимы в Марокко, Алжире, Иордании устояли в бурный период арабских восстаний. Тем не менее, они также сталкиваются с серьезной социальной напряженностью, поскольку жители этих стран, особенно молодежь, страдают от высокой безработицы и низкого уровня доходов. Молодежная безработица в Египте, Иордании, Марокко, Тунисе колеблется в пределах 18–30%. В частности, в Египте ежегодно впервые вступают на рынок труда примерно 650 тыс. чел. Арабские женщины сталкиваются со специфическими региональными проблемами при попытках получить гарантированную занятость, причем на них приходится лишь 25% работающего населения в Египте, Иордании, Марокко и Ливии (111).

Что касается арабских стран Персидского залива, то реальная безработица, согласно оценке независимых экспертов, в Бахрейне, Омане и Саудовской Аравии превышает 15%, а среди лиц в возрасте от 16 до 24 лет она составляет 35%, хотя официальная статистика существенно занижает соответствующие показатели (31).

Население стран Ближнего Востока и Северной Африки растет достаточно быстро. При этом, как прогнозировалось, в 2015 г.

молодые люди составят более 30% всего населения арабских стран. По расчетам Всемирного банка, в предстоящие два десятилетия в арабском мире должно быть создано 100 млн рабочих мест, чтобы удовлетворить тех, кто стремится выйти на рынок труда в первый раз (15; 2–8.12.2011).

Однако, в 2000-е годы темпы создания рабочих мест существенно отставали от спроса на них. Перед началом глобального финансово-экономического кризиса каждый год в регионе создавалось около 3–4 млн рабочих мест по сравнению с 5–7 млн, необходимыми для удовлетворения спроса (15; 2–8.12.2011). Политические события начала 2010-х годов еще сильнее замедлили этот процесс.

Проблема безработицы в арабских странах Персидского залива носит комплексный характер. Экономический бум 2000-х годов значительно расширил возможности для трудоустройства в аравийских монархиях. Однако местное население, особенно молодежь, либо не обладает необходимой квалификацией, либо не заинтересовано в работе в частном секторе.

Американская консультационная компания Aon Hewitt опубликовала в ноябре 2011 г. исследование, в котором она сделала попытку изучить положение с безработицей в странах ССАГПЗ (15; 2–8.12.2011).

Авторы доклада подтвердили существенное различие, которое существует между государственным и частным секторами аравийских монархий с точки зрения занятости. Госсектор в этом регионе, как и в других арабских странах, является основным работодателем. Его привлекательность объясняется, главным образом, более высоким уровнем оплаты труда, чем в частном секторе, наличием нормированного рабочего дня и социальных гарантий.

Исследование констатировало, что примерно 50% работающего населения в странах ССАГПЗ не мотивировано прикладывать максимум усилий к исполняемой работе. Коренные жители региона во время опросов сообщали о существенно более низкой занятости среди них по сравнению с экспатриантами. Средний уровень занятости граждан, работающих в своих собственных странах, по данным доклада, составляет 51%, в том числе в ОАЭ – 46%, в Бахрейне – 49% (15; 2–8.12.2011).

Эксперты, проводившие исследование, в качестве характерной черты трудовых ресурсов аравийских монархий отмечали, что люди моложе 25 лет заинтересованы в карьерном росте. В то время как работники в возрасте 25–34 лет характеризуются в докладе как испытывающие «преждевременный карьерный кризис». Занятость в этой группе оценивается в 47%.

В докладе подчеркивалось, что, несмотря на то, что доля участия женщин в оплачиваемой занятости в регионе – одна из самых низких в мире, она увеличивается быстрыми темпами. Так, в Саудовской Аравии в 2000 г. удельный вес женщин работоспособного возраста в рабочей силе не превышал 5%, через десять лет этот показатель вырос до 15% (15; 2–8.12.2011).

Как уже отмечалось в данной работе, перегруженный государственный сектор уже не в состоянии справиться с трудоустройством молодежи. Международный опыт показывает, что мощным двигателем процесса создания рабочих мест в мире являются малые и средние предприятия (small and medium-sized enterprises – SMEs). Так, на Западе на SMEs приходится около половины всех рабочих мест. парадоксально, но их доля на Ближнем Востоке даже выше: она колеблется от 75% в Египте до 86% в ОАЭ. Однако арабские малые и средние предприятия характеризуются низкой производительностью и слабыми темпами роста, создавая лишь 30% ВВП по сравнению с 50% в развитых странах (15; 31.12.2010–6.01.2011). Поэтому перед странами Ближнего Востока и Северной Африки с новой остротой встает необходимость стимулировать реализацию программ экономической диверсификации, в которых особый акцент должен быть сделан на развитие частнопредпринимательской деятельности.

В 1990–2000-е годы в регионе предпринимались многочисленные попытки диверсифицировать экономику и расширить участие частного сектора в этом процессе. Пионерами по понятным причинам выступили Оман и Бахрейн, которым в первую очередь грозит истощение природных запасов углеводородов.

Бахрейн продвинулся дальше многих других арабских стран в диверсификации экономики, в частности, в развитии тяжелой промышленности, банковской и финансовой сферы, социальной

и транспортной инфраструктуры. По данным Центрального банка Бахрейна, в 2008 г. на ненефтяные отрасли приходилось 71,5% ВВП, а на нефть и связанные с ней сектора всего лишь – 28,5% (112).

Помимо традиционных отраслей (алюминиевой, сталелитейной и др.), правительство Бахрейна стремится создавать новые современные сектора экономики, в частности ИТ-индустрию, фармацевтику и некоторые другие. Руководством королевства поставлена задача увеличить в перспективе вклад современных отраслей в производство ВВП в два раза. В настоящее время этот показатель оценивается в 18% (112).

Оман с точки зрения развитости ненефтяных отраслей экономики занимает второе место после Бахрейна среди стран Персидского залива. Необходимость диверсификации экономики стала особенно очевидной в начале 2000-х годов, так как усилилась тенденция к сокращению добычи нефти. В последние годы в султанате были сделаны крупные инвестиции в производство алюминия и стали. Однако, учитывая, что в настоящее время страна сталкивается со значительным дефицитом энергоносителей, и прежде всего газа, на внутреннем рынке, государство концентрирует свои усилия на развитии менее энергоемких производств. Так, в стратегии экономического развития Омана – «Vision 2020» – заметное место уделено туристическому сектору. Предусматривается также увеличение более чем в два раза вклада сельского хозяйства в экономику Омана, или до 5% ВВП, а обрабатывающей промышленности – до 29%. В настоящее время, по данным Министерства национальной экономики султаната, доля аграрной отрасли составляет 1,5% ВВП, обрабатывающей индустрии – 9% (113). В планах развития Омана также, как и Бахрейна, подчеркивается стремление ускорить реализацию мер, нацеленных на повышение доли местных жителей на рынках труда этих стран, усилить роль частного сектора в качестве локомотива экономического роста.

Саудовская Аравия, Катар и ОАЭ одобрили еще более честолюбивые планы экономической диверсификации. Так, саудовское правительство разработало долгосрочную программу развития до 2024 г., в которой особое место уделено проблеме снижения количества безработных в стране. В этой связи уместно отметить, что нынешний уровень безработицы в королевстве оценивается

в 11%, при этом для молодежи этот показатель значительно выше: более 65% саудовцев в возрасте 16–25 лет не имеют работы. Учитывая, что 30% населения страны моложе 14 лет, повышение уровня безработицы – это реальная угроза политической и социальной стабильности, которая начала осознаваться в королевстве более отчетливо после протестных выступлений в арабских странах (114).

В Саудовской Аравии при проведении экономической диверсификации делается ставка на создание центров, своеобразных урбанистических узлов, включая распространение информации знаний, а также на развитие вторичных отраслей нефтехимической промышленности с высокой степенью переработки сырья. Эти проекты должны были обеспечить примерно 10,8 млн рабочих мест. Однако, по оценке авторов доклада, подготовленного Национальным банком Кувейта, саудовские работники, имеющие необходимую квалификацию, заполнят лишь около половины вакансий, или 5,45 млн мест, тогда как другую половину займут приезжие. Иными словами, продолжающееся отставание в уровне образования и развития человеческого капитала ограничивает темпы и масштабы планов диверсификации.

Саудовское правительство прикладывает определенные усилия к тому, чтобы частный капитал играл более заметную роль в процессе экономической диверсификации и участвовал в различных проектах, в частности, по добыче и транспортировке природного газа, строительстве нефтеперерабатывающих заводов, производстве электроэнергии и опреснении морской воды. В соответствии с долгосрочной программой развития, доля частного сектора в создании валового внутреннего продукта королевства должна увеличиться до 69,3% в 2024 г. по сравнению с 52,3% в 2004 г. (83). Для достижения этой цели государственным предприятиям рекомендовано активнее заключать соглашения о государственно-частном партнерстве. Более того, некоторые государственные компании должны быть приватизированы путем выпуска своих акций на фондовой бирже. Тем не менее, пока в экономике Саудовской Аравии сохраняется доминирование государства и государственных компаний.

Наилучшие возможности для частных инвестиций открываются в новых экономических центрах. Распределенные по различным

регионам страны, эти города-центры предназначены специально для определенных секторов экономики и призваны содействовать уменьшению зависимости Саудовской Аравии от нефти и созданию новых рабочих мест.

Руководство ОАЭ подготовило грандиозный план развития, стремясь найти новую нишу для эмирата Дубай как мирового центра услуг и логистики. Аналитик К. Ульрихсен из Лондонской школы экономики и политологии полагает, что это самая радикальная среди арабских нефтедобывающих стран попытка осуществить быстрый переход к постнефтяной экономике. К этому следует добавить, что в ОАЭ запланированы или уже осуществляются промышленные проекты стоимостью 42,7 млрд долл. Около 7,3 млрд долл. из данной суммы будет израсходовано Abu Dhabi Polymers Company на расширение мощностей по производству нефтехимической продукции. Предполагается, что еще 20 млрд долл. будет инвестировано Abu Dhabi Chemicals Integration Company (Tacaamol) на строительство одного из крупнейших в мире нефтехимических комплексов производительностью 6,2 млн т продукции в год (115).

Кувейт стремится решить задачи диверсификации экономики и создания новых рабочих мест путем снижения роли государства в управлении экономикой и ускорения роста частного предпринимательства, в первую очередь в ненефтяных отраслях. С этой целью в стране были предприняты весьма значимые инициативы. В феврале 2010 г. национальное собрание Кувейта утвердило новый пятилетний план экономического развития, нацеленный на повышение роли частного сектора в хозяйственной жизни эмирата и предусматривающий общие ассигнования в сумме 104 млрд долл., а в ноябре указанного года вступил в силу закон о приватизации, данный нормативный акт открывает возможности для передачи активов, принадлежащих государству, местным органам власти или в частную собственность, разрешается также учреждение новых компаний, в которых государству будет принадлежать миноритарный пакет акций. Закон о приватизации не распространяется на нефтяную и газовую промышленность, переработку нефти, здравоохранение и образование (116).

Алжир, в отличие от других арабских нефтедобывающих стран, стремящихся либерализовать инвестиционный режим, сделал вы-

бор в пользу политики, ориентированной на ужесточение отношения к иностранным компаниям в период сильно возросших внутренних потребностей в новых рабочих местах в связи с безработицей и в реализации курса на диверсификацию экономики. В стране около 70% лиц, не имеющих работу, являются молодыми людьми. Каждый год тысячи из них, рискуя жизнью, пытаются пересечь Средиземное море на небольших плавсредствах и нелегально обосноваться в западноевропейских странах (90).

Алжирское руководство надеется, что нефтяная и газовая промышленность страны обеспечит будущий экономический рост, а валютные резервы, аккумулированные благодаря вывозу энергоносителей, послужат своего рода «подушкой безопасности». В то же время глобальный финансово-экономический кризис показал неустойчивость и уязвимость избранной алжирскими властями модели развития, опирающейся на массированные государственные расходы и «экономический национализм».

Ведущие эксперты по странам Северной Африки полагают, что смена экономического курса и ухудшение инвестиционного климата в Алжире, скорее всего, ограничат активность алжирских и иностранных частных компаний. Безработица среди молодежи, по всей вероятности, останется высокой, что в сочетании с растущей инфляцией и недостаточной эффективностью государственного и частного секторов может привести к росту социальной напряженности в стране.

Арабские страны-импортеры нефти, как и богатые нефтедобывающие государства Персидского залива, пытаются диверсифицировать экономику, проводить структурные реформы, чтобы справиться с естественным приростом населения и не допустить дальнейшего повышения и без того высокого уровня безработицы.

В Иордании в 1990–2000-е годы были осуществлены важные экономические преобразования, ориентированные на создание современной рыночной экономики. Приватизационные инициативы, поощрение развития частного предпринимательства и повышение транспарентности в сфере бизнеса, облегчение условий торговли, устранение значительной части субсидий на продовольствие и топливо, инвестиции в образование и, что особенно важно,

приверженность правящей элиты реформам – все это способствовало позитивной трансформации иорданской экономики.

В Иордании повышенная ставка делается на развитие сектора услуг. Королевству удалось обеспечить его значительную конкурентоспособность в масштабах ближневосточного региона, в частности, благодаря продвижению информационных технологий, совершенствованию системы здравоохранения, образования и туризма.

Наряду с этим, правительство королевства оказывает помощь и другим хозяйственным секторам, в том числе промышленности. Так, трехлетний план развития на 2009–2012 гг. был нацелен на стимулирование роста промышленного производства, расширение внешнеэкономических связей, привлечение инвестиций и создание новых рабочих мест.

Исследования, проведенные Всемирным банком, показывают, что страны Ближнего Востока и Северной Африки во второй половине 2000-х годов реформировали правила ведения предпринимательской деятельности быстрее, чем другие регионы мира (19). В то же время в регионе сохраняется множество проблем, мешающих ведению малого и среднего бизнеса. Так, экономические аналитики отмечают, что для малых и средних предприятий получить доступ к банковским кредитам и современным технологиям весьма затруднительно, поскольку приоритет в этой сфере отдается государственному сектору и крупному бизнесу. Значительное время занимает получение лицензий и реализация контрактов. Компаниям в странах Ближнего Востока и Северной Африки требуется в среднем 3,5 года, чтобы завершить процедуру банкротства, то есть почти в два раза больше времени, чем в развитых государствах. Явно недостаточным остается уровень компетентности местных судов в разрешении коммерческих споров. Эти и другие трудности оказывают негативное воздействие на местных предпринимателей, снижая их заинтересованность в развитии бизнеса, в наращивании активов. В результате существенно уменьшаются возможности SMEs для роста и развития после прохождения ими стадии «start-up», а также для создания рабочих мест помимо семьи. В этой связи важно подчеркнуть, что частный акционерный капитал в арабских странах находится в зачаточном состоянии. Его отличительной чертой до сих пор остается «семейный» характер, что, в частности,

ограничивает шансы выпускников средних и высших учебных заведений региона занять достойное место на местных рынках труда.

Настоятельная необходимость развития процесса акционирования компаний, функционирующих в рамках семьи, в арабских странах, наглядно подтверждается примером Саудовской Аравии. Согласно оценке Middle East Economic Digest, на семейные фирмы приходится 90% структур в частном секторе страны. При этом более продвинутые семьи приняли в последние годы смелое решение сделать хотя бы часть своего бизнеса публичным. К таким семьям относятся Al-Zamil Group. Jarir. Al-Halwani Brothers. Al-Sorayai. Shaker и Aldrees, составивших избранную группу компаний, которые провели реструктуризацию своих бизнесов и вошли в более диверсифицированное сообщество акционеров.

В 2014–2015 гг. к принятию решения об акционировании ряд крупных компаний королевства подтолкнуло обещание правительства разрешить иностранным инвесторам участвовать в торгах на Саудовской фондовой бирже (Saudi Stock Exchange – Tadawul). Так, в начале 2014 г. крупнейший саудовский конгломерат – Saudi Binladen Group – объявил, что его строительное подразделение планирует стать акционерной компанией. Вслед за этим консультационные фирмы начали отмечать увеличение запросов со стороны ряда семейных саудовских корпораций относительно целесообразности запуска аналогичного процесса.

Необходимо отметить, что активизация подобного интереса неудивительна. Ведь даже самые успешные саудовские владельцы бизнесов постепенно пришли к пониманию, что старая модель, то есть структура, тесно привязанная к семье (closely-held family structure), во многом не соответствует вызовам глобализирующейся экономики. Одним из важных аргументов в пользу акционирования стало обострившееся соперничество между различными поколениями в семейных фирмах, в частности, по поводу свидетельств на право собственности, бизнес стратегий и т.д. Эти споры зачастую приводят к замораживанию капитала компаний в ожидании юридических решений.

Кстати, важно подчеркнуть, что саудовский закон о компаниях, принятый в 1950-е годы, не отвечает современным реалиям экономической ситуации в королевстве. Кроме того, он содержит

множество нечетких формулировок, которые дают возможность для различных толкований. Законодательство, касающееся прав наследования собственности, еще более несовершенное. В этих условиях отделение менеджмента от собственности, а также разграничение семейных споров и производственных решений, что позволяет осуществить трансформация семейной фирмы в акционерную компанию, создают более благоприятные возможности для развития бизнеса.

Как показывает анализ деятельности семейных фирм в странах Персидского залива, их активность постепенно снижалась с начала глобального финансово-экономического кризиса в 2008 г. Так, согласно данным консультационной компании AT Kearney (США), GCC Family Conglomerate Index упал на 60 пунктов за период с 2009 г., тогда как Bloomberg GCC200 Index снизился на 40 пунктов за тот же период (117). Серьезные проблемы некоторым семейным фирмам Саудовской Аравии доставили отчетливо проявившиеся недостатки корпоративного управления. Ряд дефолтов, произошедших в 2009 г. и затронувшие два многопрофильных бизнеса – AH Algosaibi & Brothers и Saad Group – стали результатом непрозрачности и закрытости практики кредитования в королевстве. Дело в том, что займы и кредиты предоставлялись, как правило, исходя из имени семьи и ее репутации, при этом недостаточное внимание уделялось проверке бухгалтерских счетов компаний.

В современных условиях кредиторы требуют более строгую отчетность, в том числе детальную статистику доходов и надежные доказательства финансовых обеспечений. Это ограничивает возможности компаний увеличивать банковский долг способами, которые они использовали ранее, что, в свою очередь, делает более приемлемым привлечение капитала с фондового рынка.

Все это вместе взятое создало импульс для реформы сектора семейного бизнеса в аравийских монархиях. Первые признаки назревших изменений нашли отражение в возросшем интересе к первичному размещению акций компаний на фондовой бирже (initial public offering – IPO). Так, например, саудовский холдинг – Saudi Binladin's Construction Products Holding – в январе 2014 г. подтвердил свои планы по проведению IPO, за ним последовала Saudi Company for Tools & Hardware, планировавшая разместить

30% своих акций на фондовой бирже королевства. В марте того же года Abdul Mohsen al-Hokair Group for Turism and Development получила «зеленый свет» на продажу 30% акций в рамках IPO, а в мае пришла очередь Al-Hamadi Company for Development & Investment, которая объявила о продаже одной трети своих акций, чтобы обеспечить финансирование проектов по строительству новых госпиталей.

Тем не менее, из более, чем пяти тысяч саудовских компаний, имеющих лицензии на определенные виды деятельности, пока лишь около 4% участвует в торговле на фондовой бирже страны. В то же время увеличение числа семейных корпораций, изучающих рынок IPO, свидетельствует о переменах, происходящих в экономике Саудовской Аравии. По мнению главного экономиста местного National Commercial Bank, некоторые семейные фирмы опасаются ухудшения позиций после превращения в акционерные компании или регистрации на Tadawul. Однако другие осознают, что не смогут развиваться без доступа на рынок капитала, поэтому они рассматривают предложения о продаже части акций с тем, чтобы повысить капитализацию своего бизнеса (117).

Помимо высокого уровня молодежной безработицы, сложной социально-экономической проблемой арабских стран является дефицит квалифицированных кадров, который во многом связан со сложившейся в них системой образования.

Как уже отмечалось, в 1990–2000-е годы в регионе Ближнего и Среднего Востока, особенно в странах Персидского залива, заметно выросли расходы на образование. В текущем десятилетии рост ассигнований в эту сферу продолжился. В частности, члены ССАГПЗ в среднем выделили на образование 18,6% общей суммы расходов госбюджетов на 2013 г. по сравнению с 14,2% в глобальном масштабе (15; 8–14.03.2013). В частности, Саудовская Аравия планирует в 2010-е годы потратить 37 млрд долл. на строительство и модернизацию школ и университетов.

Перед арабскими странами, затронутыми политическими беспорядками и испытывающими серьезные финансовые проблемы, стоит задача хотя бы сохранить ассигнования на школы, университеты и профессионально-техническую подготовку на прежнем

уровне, а также повысить эффективность расходования выделяемых средств. Этот вывод подтверждает пример Марокко, где правительство принимает меры, чтобы сделать систему образования более эффективной.

В новом стратегическом плане развития образования в Марокко сделан акцент на совершенствование учебного процесса, управления учебными заведениями и повышение качества обучения. С этой целью предприняты шаги для укрепления эффективности и подотчетности 16 региональных администраций, ведающих образованием и профессиональной подготовкой. В государственном бюджете на 2013 г. предусмотрено создание шести новых университетов и строительство 24 лекторских помещений, чтобы обеспечить дополнительно 15900 мест для обучения студентов (15; 8–14.03.2013).

Тем не менее, несмотря на существенное увеличение ассигнований за последние несколько десятилетий, а также различные инициативы по модернизации образования, необходимо признать, что система в целом в арабском мире (от начального до университетского уровня) не отвечает современным требованиям экономического развития стран Ближнего Востока и Северной Африки и не способствует решению такой острой социальной проблемы как высокий уровень безработицы среди молодежи.

Изучение проблем безработицы и состояния трудовых ресурсов в арабском мире дает основание сделать следующие выводы:

– протестные выступления высветили одну из самых острых социально экономических проблем – проблему массовой молодежной безработицы;

– необходимость создания достойных рабочих мест является главным приоритетом для региональных правительств, которые в долгосрочной перспективе не смогут обеспечивать занятость в прежних объемах за счет государственного сектора;

– важная цель заключается в формировании условий для стимулирования участия частного сектора в экономическом развитии и создании рабочих мест. При этом необходимо усилить акцент на поощрение малых и средних предприятий;

– трудовое законодательство арабских стран нуждается в серьезном реформировании с тем, чтобы расширить стимулы для

частного найма, одновременно поддерживая адекватную защиту работников;

– диверсификация экономики, совершенствование и развитие индустриальной базы, включая создание новых современных отраслей, повышение роли частного сектора в модернизационных процессах – все это требует наличия в достаточном количестве трудовых ресурсов более высокой квалификации, что, в свою очередь, подразумевает повышение уровня образования в арабских странах;

– правительства государств Ближнего Востока и Северной Африки в последние два десятилетия заметно увеличили расходы на образование всех ступеней, некоторые из них делали попытки перестроить систему обучения, приблизить её к современным требованиям (Катар, Саудовская Аравия, ОАЭ и др.). Несмотря на это, добиться кардинальных сдвигов пока не удалось. Все страны региона по-прежнему нуждаются во всеобъемлющей реформе образовательных систем, которая потребует формирования нового баланса между традиционными и современными методами обучения. Такая реформа во многом сопряжена с изменением менталитета, культурных традиций арабского общества, а это достаточно длительный и сложный процесс.

Заключение

Анализ общих черт и отличительных особенностей экономической модернизации, осуществлявшейся в арабских странах в 1990–2000-е годы, показывает, что они в рассматриваемый период заметно продвинулись по пути создания на базе диверсификации и укрепления межхозяйственных связей интегрированного национального рыночного пространства и развития основных его составляющих – товарных, отраслевых, финансовых и других рынков. Об этом, в частности, наглядно свидетельствует появление значительного числа новых отраслей и хозяйствующих субъектов в экономике и в обрабатывающей промышленности, в том числе и в частном секторе, повышение роли местного производства в удовлетворении внутренних потребностей в ряде товаров производственного и потребительского назначения. Важно отметить, что развитие экспортных производств, деловых, торговых и туристических связей стран Ближнего Востока и Северной Африки с внешним миром способствовало все более активному втягиванию их в мировой рынок, что, в свою очередь, отвечало целям модернизации, а также находилось в русле набиравших силу тенденций к глобализации и интернационализации мирового хозяйства.

Особенности правящих в арабском мире режимов и проводимой ими экономической политики нашли четкое отражение в специфике процессов модернизации, которые продолжали, как и в предшествующий период, проходить при доминирующей роли государства, в условиях сильного государственного предпринимательства и преимущественно административных методов регулирования экономики в целом и госсектора, в частности, со всеми вытекающими из этого диспропорциями и противоречиями.

В то же время постепенное осознание руководством арабских стран исторически назревшей потребности к переходу

от системы сохраняющегося доминирования государства к современной рыночной экономике привело в 1990–2000-е годы к усилению тенденций к стимулированию частного предпринимательства и активизации осуществления структурных экономических реформ.

Повышенная роль государства как ведущей силы и организатора модернизации была обусловлена сложившейся в арабском мире к моменту завершения процесса национального освобождения и создания самостоятельных государств ситуацией, которая была крайне неблагоприятна для осуществления перехода от традиционного общества к современному (низкий уровень развития производительных сил, социальной дифференциации и социальной самодеятельности, отсутствие сформировавшихся национальных рынков, сравнительно слабое развитие городов и пр.). С этим непосредственно связано появление здесь, как и в ряде других развивающихся стран, такого феномена, как «авторитаризм развития (или модернизации) ».

Распространение авторитаризма в «третьем мире» объясняется не только тем, что для данного типа режимов в этих обществах имелись достаточные основания, но, в первую очередь тем, что он оказался силой, продвинувшей процессы индустриализации, экономической и социальной модернизации. Более того, в ряде стран «авторитаризм развития» заложил предпосылки и возможности собственного отрицания и последующей демократизации политической сферы» (118, с. 298).

Однако опыт современного общественно-политического развития арабских стран показывает, что, наряду с тенденцией к политической и экономической либерализации, укрепляются позиции сторонников противоположной идеи, согласно которой рассматриваемая часть мира, «поскольку слишком медленно приобщалась к этой тенденции, сама по себе отторгает процесс быстрой демократизации» (119, с. 1). В исследуемом регионе, как свидетельствуют события начала XX1 века, возрождаются концепции «арабской исключительности» и существования в этих обществах исторических, культурных и религиозных особенностей, препятствующих демократизации.

В то же время, опираясь на изучение глубинных экономических и социально-политических процессов, можно с уверенностью утверждать, что арабское общество в течение последних десятилетий существенно изменилось. Важно то, что формы народного представительства, появившееся в исследуемых странах, рассматриваются частью общества как ценный инструмент, с помощью которого можно восстановить гражданский мир, политическую и экономическую стабильность.

Существенная социальная трансформация, происходившая в арабских странах в течение последних десятилетий, заметно усложнила структуру их обществ. В каждой из частей рассматриваемого региона она, безусловно, имеет свои специфические особенности. Тем не менее, для арабского социума в целом характерно наличие множества еще окончательно не сформировавшихся слоев и групп промежуточного, переходного от традиционных к современным типа.

В условиях достаточно устойчивого экономического роста в 1990–2000 гг., расширения существующих и появления новых производств и товарных рынков заметное развитие и влияние получили средние слои национальной буржуазии, к которым можно отнести часть торговцев и сельских предпринимателей, хозяев небольших мастерских и предприятий. Эти слои включают как выходцев из горожан – мелких торговцев, ростовщиков, ремесленников, так и представителей вчерашних кочевых и полукочевых племен.

В рассматриваемый в данном исследовании период в арабских странах продолжали быстро расти так называемые средние слои городского общества: мелкие предприниматели, коммерсанты, служащие государственных и местных административных учреждений, частных компаний, национальная интеллигенция, офицерство. Заметное развитие системы образования на Арабском Востоке привело к увеличению численности национальной бюрократии, наемных служащих государственного и частного секторов. Однако влияние этих слоев в арабских странах пока остается весьма ограниченным в силу недостаточной численности и слабости этой прослойки. Российский исследователь А. Г. Володин, в частности, отмечает, что «средние слои, как показали

«арабские революции» 2011–2012 гг., не трансформировались в средний класс, способный своим авторитетом привести различные социально-политические силы к общенациональному согласию в отношении целей развития и дальнейшей эволюции общества» (123, с. 99).

Несмотря на существенные социальные и экономические сдвиги, модернизационные процессы в арабском мире происходили достаточно сложно и противоречиво. В результате к началу XX1 века в общественно-политической и социально-экономической эволюции стран Ближнего Востока и Северной Африки накопилось множество серьезных проблем, требовавших своего разрешения.

В начале текущего десятилетия политические, социально-экономические, этнические, религиозные и межплеменные проблемы региона сошлись вместе и вылились в ряде стран в цепь непрекращающихся кризисов. Рост терроризма и влияния радикальных исламистских сил пугает не только значительную часть населения самих арабских стран, но и мировое сообщество в целом.

Сирийский политический кризис далек от разрешения. Ливан и Иордания переживают серьезные трудности в связи с гражданской войной в Сирии. Обострились политические проблемы в Ираке, часть территории которого была захвачена летом 2014 г. террористической организацией «Исламское государство». Активизация деятельности ИГ, а также «Братьев-мусульман» представляет серьезный вызов для многих стран региона (Египет, Иордания, Йемен, государства Персидского залива и др.).

В этих условиях аравийские монархии, в частности, ответили на события «арабской весны» политическими репрессиями. К. Ульрихсен, аналитик по странам Персидского залива из Лондонской школы экономики и политологии, в одной из своих статей приводит ряд фактов, подтверждающих этот вывод. В частности, он пишет, что в марте 2011 г. в Саудовской Аравии были арестованы пятеро интеллектуалов, пытавшихся создать первую в истории королевства политическую партию (исламскую партию «Умма»). Эта мера стала лишь частью более широкого наступления на политическую оппозицию. В ОАЭ столь же сильное давление испытали на себе 133 интеллектуала, которые подписали петицию с требованием

выборов всех членов Федерального национального совета и принятия поправок к конституции. Нескольких подписантов арестовали, а три организации гражданского общества, поддержавшие петицию, по сути, были взяты под государственный контроль (127).

Сдвиги, которые происходят в арабском мире в результате «арабской весны» могут оказаться первыми признаками формирования нового общественного порядка на Ближнем Востоке и в Северной Африке, который радикально изменит всю региональную динамику. Действующим и будущим арабским политикам придется искать ответы на сложные вопросы и принимать непопулярные решения в обстоятельствах, характеризующихся высокой степенью турбулентности.

«Арабская весна», на первых порах вселившая надежду на позитивные перемены, на деле обернулась кровопролитием в Ливии и Сирии, обострением экономических и политических проблем в Египте и Тунисе. Ни в одной из этих стран не было представлено проекта развития государства, вокруг которого могло бы сплотиться большинство населения. Для многих стало очевидно, что умеренные исламисты, каковыми принято было считать «Братьев-мусульман», не смогли стать конструктивной альтернативой прежним светским режимам. Приход к власти исламистов привел лишь к разжиганию противостояния между суннитами и шиитами, как внутри отдельных стран, так и на региональном уровне.

Руководство всех без исключения арабских стран стоит перед необходимостью проведения трудных реформ, чтобы дать толчок экономическому росту в средне- и долгосрочной перспективе. В то же время группа государств, переживающих так называемый переходный период, нуждается в краткосрочном плане в стабилизации своих экономик, существенно пострадавших в результате массовых политических беспорядков. При этом новая экономическая и политическая ситуация, складывающаяся в этой части арабского региона привела к дезориентации не только государственных органов и структур, но и частного сектора и инвесторов. К данной группе арабских стран относятся Египет, Тунис, Ливия, Марокко, Иордания, Йемен и Сирия.

Лидеры названных стран уже столкнулись с проблемой нахождения оптимального баланса между удовлетворением завышенных ожиданий местного населения и проведением в жизнь жестких непопулярных решений, в частности, чтобы поставить государственные финансы под контроль, сбалансировать государственные бюджеты и тем самым гарантировать укрепление финансовых систем. По оценке экспертов МВФ, фискальные дефициты рассматриваемых стран (исключая Ливию) с начала «арабской весны» выросли до 9% их совокупного ВВП.

Большинство международных экономических аналитиков сходятся в том, что консолидация государственных бюджетов рассматриваемой группы стран, то есть сокращение их расходной части, не может быть достигнута без постепенной отмены неэффективных и дорогостоящих субсидий на топливо и продовольствие. В соответствии с их оценкой, стоимость субсидий в государствах Ближнего Востока и Северной Африки в 2011 г. составляла около 210 млрд долл., или более 7% их совокупного ВВП. Помимо того, что эти расходы ложатся тяжелым бременем на госбюджеты, они не оказывают реальную поддержку малоимущим слоям населения. Так, согласно заявлениям официальных лиц Египта, одну треть энергетических субсидий получает 20% состоятельного населения страны, то есть люди, которые могут себе позволить машины и кондиционеры. Исследования, проведенные экспертами МВФ подтверждают, что аналогичная ситуация существует во многих других арабских странах. По их мнению, развитие сетей социального страхования, включая денежные переводы и адресное субсидирование цен, более адекватный путь поддержки бедных семей, а также он намного эффективнее с точки зрения финансовых затрат. Однако реформирование системы субсидирования, на которой в значительной степени базируется весьма хрупкий социальный мир в переходных странах, потребует от их лидеров сильной политической воли и одобрения со стороны широких слоев общества.

Стабилизация экономического и финансового положения для нового руководства так называемых переходных стран представляет исключительно трудную задачу, которую они вряд ли способны

решить самостоятельно. Эти государства (за исключением Ливии) нуждаются в массированной финансовой поддержке со стороны партнеров как из региона, так и вне его, а также в займах от международных финансовых институтов.

На саммите восьми ведущих в мировой политике и экономике стран в Довиле (Франция) в 2011 г. было принято решение о выделении помощи Египту и Тунису в размере примерно в 40 млрд долл. Сумма увеличилась почти в два раза после расширения списка получателей за счет Марокко и Иордании (2; 11.08.2012). Целью предоставления столь крупных средств являлась поддержка этих стран в ходе намечавшихся в них преобразований. Аналитики образно назвали программу «Довильское партнерство» новым планом Маршалла. В кулуарах саммита ее сравнивали с «кнутом и пряником в долларовом выражении», так как многомиллионные средства предполагалось предоставлять только в случае проведения странами реформ государственного управления, укрепления верховенства закона, гарантирования равноправия женщин, последовательной борьбы с коррупцией, формирования гражданского общества.

В то же время государства-реципиенты рассчитывали на более значительные суммы. При этом больше всего претензий было выдвинуто со стороны Египта, который получил примерно половину того, на что рассчитывал в 2011 г.

Согласно первоначальному плану, финансовая «подпитка» должна была состоять, во-первых, из двусторонней помощи; во-вторых, из средств, выделяемых международными организациями; в третьих, из денежных вливаний со стороны нефтедобывающих стран Персидского залива. В действительности в 2011 г. и в первой половине 2012 г. реципиентами было получено, по данным Barclays Bank, немногим более 18 млрд долл. (некоторая часть этой суммы представляет собой реализацию обязательств, данных еще до проведения саммита в Довиле). Обращает на себя внимание тот факт, что выделенные средства сильно уступают реальным финансовым потребностям указанных выше четырех государств. В частности, Египет получил всего лишь 5,9 млрд долл., в основном по двусторонним каналам.

В данной работе уже отмечалось, что АРЕ была предоставлена значительная финансовая поддержка нефтеэкспортерами Персидского залива после прихода к власти в стране летом 2014 г. нового руководства во главе с Абдул-Фаттах Ас-Сиси.

В этой связи важно подчеркнуть, что Египет из всех стран «арабской весны» обладает наибольшим потенциалом для возвращения доверия инвесторов и мобилизации финансовой помощи из двусторонних и международных источников. Поддержка внешних доноров могла бы помочь улучшить ситуацию с платежным балансом и стимулировать возвращение в страну иностранных инвестиций. Однако реализация этих возможностей во многом зависит от сохранения политической стабильности в стране, а также принятия правительством Египта заслуживающей доверия программы реформ.

Что касается аравийских монархий, то в краткосрочном плане им удалось избежать серьезной политической и экономической дестабилизации с помощью таких мер, как прямая раздача денег, создание рабочих мест в государственном секторе, повышение заработных плат и пособий. Саудовская Аравия, например, планировала дополнительно трудоустроить 60 тыс. саудовцев (в одном только Министерстве внутренних дел) и увеличить минимальную заработную плату в госсекторе (и так достаточно высокую). Подобные меры могут нанести серьезный урон долгосрочным программам диверсификации арабских стран Персидского залива, призванных создать в них конкурентоспособную в мировом масштабе экономику.

В этой связи важно подчеркнуть, что, как показывает анализ, проведенный экспертами российского Института энергетических исследований, в период до 2040 г. может существенно измениться соотношение сил ведущих участников мировых рынков нефти и газа. Некоторые глобальные игроки, по их мнению, получат дополнительные возможности влияния, для других – это означает потерю той или иной доли своих позиций.

Исходя из названного исследования, есть достаточно веские основания предполагать, что ожидаемая глубокая трансформация мировых энергетических рынков несет с собой определенные не-

гативные последствия для нефтегазового сектора арабских нефтедобывающих государств.

Предполагается, что наибольший выигрыш от перестройки мировой энергетики получат США, которые смогут в среднесрочной перспективе осуществлять масштабный экспорт нефти и газа, а при желании даже удерживать в течение 2–3 лет заниженные цены на них, что, в свою очередь, создало бы проблемы для производителей углеводородов Ближнего Востока и Северной Африки.

Арабские экспортеры нефти и газа в прогнозный период будут, по всей вероятности, по-прежнему весьма чувствительны к негативным колебаниям рыночной конъюнктуры, поскольку нефтегазовый комплекс останется основой экономик рассматриваемой группы стран, а также ключевым источником доходов от внешнеэкономической деятельности. С другой стороны, данные обстоятельства обусловливают зависимость их бюджетов от ситуации на мировых рынках углеводородов, которая весьма изменчива, что негативно воздействует на стратегическое планирование устойчивого развития. В силу этого необходимо проводить дальнейшую диверсификацию экономик арабских нефтедобывающих государств, при этом нефтегазовый сектор в случае грамотного подхода к его развитию может выступать катализатором прогресса в других областях экономики.

Наряду с этим, дальнейшего совершенствования требует инвестиционный климат в изучаемых странах с целью привлечения потенциальных инвесторов, которые разделили бы риски с национальными компаниями и смогли бы поделиться своими технологическими наработками. В частности, на законодательном уровне должны быть четко установлены «правила игры» и зафиксирована невозможность их изменения в произвольном порядке.

В более широком плане перед всеми арабскими странами стоит задача огромной важности и сложности – формирование общенационального согласия относительно стратегических долгосрочных целей развития. При этом особое значение приобретает поиск путей и методов дальнейшего продвижения процесса модернизации, что позволило бы качественно снизить достаточно высокий

уровень политических, социально-экономических, этнических, религиозных, межплеменных противоречий в арабском мире.

В этой связи важно подчеркнуть, что, если повышение темпов экономического роста, которое крайне необходимо для поддержания внутриполитической стабильности в арабских странах, не будет подкрепляться активной политикой, преследующей цель смягчения социальных контрастов и всемерного поддержания и развития средних слоев населения, воспроизводство на расширенной основе политических, экономических, социальных и других проблем способно в перспективе привести к повторению событий 2011–2012 гг. на Арабском Востоке.

Приложение

Таблица 1

Население арабских стран (млн чел.)

Страны	1975 г.	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2011 г.	Средне-годовые темпы прироста, %	2015 г.*	2020 г.*
Северная Африка								
Египет	39,3	57,8	67,8	72,8	82,5	1,80	88,2	98,6
Судан	17,1	27,1	...	36,9	...	...	...	...
Алжир	16,0	25,3	30,2	32,9	36,0	1,60	38,1	40,6
Марокко	17,3	24,8	29,1	30,5	32,3	0,95	36,2	36,2
Тунис	5,7	8,2	9,5	10,1	10,7	1,06	11,1	11,4
Ливия	2,4	4,4	5,2	5,9	6,7	2,33	7,0	7,7
Мавритания	...	...	2,6	...	3,5	2,85	...	...
Ближний Восток								
Ирак	12,0	18,1	23,6	28,0	33,0	3,08	36,5	40,2
Саудовская Аравия	7,3	16,3	22,1	23,6	28,1	2,20	30,8	31,6
Йемен	7,0	12,3	18,0	21,1	24,8	2,96	28,5	31,6
Сирия	7,5	12,7	16,6	18,9	22,5	2,80	23,8	26,5
ОАЭ	0,5	1,9	2,8	4,1	7,9	9,88	5,6	5,7
Иордания	1,9	3,3	5,0	5,5	6,2	1,95	7,0	7,5
Ливан	2,7	3,0	3,5	4,0	4,3	1,80	4,0	4,6
Палестина	1,3	2,2	...	3,8	...	...	5,0	5,8
Кувейт	1,0	2,1	2,2	2,7	2,8	2,28	3,4	3,7
Оман	0,9	1,8	2,6	2,5	2,8	0,83	3,2	3,5
Катар	0,2	0,5	0,6	0,8	1,9	10,89	1,0	1,7
Бахрейн	0,3	0,5	0,7	0,7	1,3	5,96	...	...
Прогноз								

Источники: United Nations Development Programme-Human Development Reports; World Development Indicators Database.

Таблица 2

Сельское население арабских стран (тыс. чел.)

Страны	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Алжир	10366	10151	9923	9763
Бахрейн	121	134	144	150
Египет	44460	45195	45935	46601
Иордания	1044	1052	1060	1069
Ирак	10038	10373	10719	11041
Йемен	15698	16054	16418	16783
Катар	26	25	24	23
Кувейт	45	47	48	49
Ливан	545	545	544	543
Ливия	1397	1414	1426	1430
Марокко	13783	13813	13843	13864
ОАЭ	1035	1132	1199	1236
Оман	721	734	746	756
Саудовская Аравия	4804	4862	4918	4973
Сирия	8853	8958	9063	9147
Сомали	5671	5758	5851	5948
Судан	21748	22048	22486	22913
Тунис	3542	3559	3576	3596

Источники: UN. World Urbanization Prospects; World Bank estimates; Catalog Sources. World Development Indicators.

Таблица 3

Доля сельских жителей в общем населении арабских стран (%)

Страны	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Алжир	30	29	28	27
Бахрейн	11	11	11	11
Египет	57	57	57	56
Иордания	18	18	18	17
Ирак	33	33	33	33
Йемен	69	69	68	68
Катар	2	2	1	1
Кувейт	2	2	2	2
Ливан	13	13	13	13
Ливия	23	23	22	22
Марокко	44	44	43	43
ОАЭ	17	16	16	16
Оман	27	27	27	27
Саудовская Аравия	18	18	18	18
Сирия	45	45	44	44
Сомали	64	63	63	62
Судан	67	67	67	67
Тунис	34	34	34	34

Источники: ИN. World Urbanization Prospects; World Bank estimates; Catalog Sources. World Development Indicators.

Таблица 4

Динамика валового внутреннего продукта арабских стран (млрд долл. США)

Страны	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.*
Алжир	134,3	171,5	137,1	161,2	199,4	207,8	212,5	227,8
Бахрейн	18,5	22,1	19,3	21,5	25,9	27,1	28,4	29,1
Египет	130,3	162,4	188,6	218,5	235,6	256,1	262,0	275,7
Иордания	17,1	22,0	23,8	26,4	28,9	31,2	34,1	36,7
Ирак	...	131,6	111,7	135,5	180,6	212,5	221,8	238,8
Йемен	21,7	26,9	25,1	31,0	33,1	35,4	40,5	42,8
Катар	79,5	115,3	97,8	125,1	171,5	192,4	199,9	209,9
Кувейт	114,7	147,4	106,0	119,9	160,7	184,5	186,1	188,1
Ливан	25,1	29,7	34,7	37,1	39,0	41,3	43,5	45,5
Ливия	68,6	87,2	63,1	74,8	34,7	81,9	70,9	94,3
Марокко	75,2	88,9	90,9	90,8	99,2	96,1	104,8	111,7
ОАЭ	258,2	315,5	254,8	287,4	348,6	383,8	390,0	403,9
Оман	41,9	60,7	48,2	58,8	70,0	78,3	81,9	84,0
Саудовская Аравия	385,2	519,8	429,1	526,8	669,5	711,1	718,5	746,8
Сирия	40,4	52,6	53,9	60,0	...	...	...	...
Тунис	38,9	44,9	43,6	44,3	46,4	45,4	48,4	51,5

* Прогноз

Источники: International Monetary Fund (IMF); MEED; UNCTAД; World Bank; MEED Yearbook 2015.

Таблица 5

ВВП на душу населения в арабских странах (долл. США)

Страны	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.*
Алжир	3967	4958	3901	4497	5414	5583	5668	5675
Бахрейн	24171	28416	18563	19420	22918	23555	24153	24275
Египет	1771	2160	2543	2776	2930	3112	3114	3213
Иордания	2990	3757	3987	4326	4618	4879	5207	5479
Ирак	...	4328	3575	4278	5529	6305	6377	6656
Йемен	971	1171	1061	1272	1318	1367	1518	1557
Катар	64872	79582	59676	74210	100410	104756	104655	105637
Кувейт	33733	42824	30410	33481	43638	48761	47826	47048
Ливан	6666	7795	8983	9501	9856	10311	10708	11049
Ливия	11115	14186	10071	11729	5513	12788	10864	14187
Марокко	2439	2851	2885	2850	3082	2956	3190	3368
ОАЭ	57520	39075	31074	34778	40951	43774	43185	43424
Оман	15369	21808	16734	23351	23380	23356	25720	25545
Саудовская Аравия	15444	20157	16095	19413	23599	24524	24426	24685
Сирия	2014	2557	2557	2807	...	...	...	...
Тунис	3807	4345	4177	4199	4350	4213	4431	4654

* Прогноз

Источники: IMF; World Bank

Таблица 6

Структура ВВП арабских стран (2011 г.,%)

Алжир

Нефтегазовый сектор 36,2
Сельское хозяйство 8,1
Промышленность 4,6
Строительство и общественные работы 9,2
Сектор услуг 36,4
Другие сектора 5,5

Источник: Central Bank of Algeria

Бахрейн

Нефтяной сектор 13,0
Обрабатывающая промышленность 18,0
Транспорт и связь 10,0
Торговля 7,0
Недвижимость и бизнес-услуги 9,0
Финансовый сектор 27,0
Государственные услуги 16,0

Источник: Central Bank of Bahrain

Египет

Добывающая промышленность 13,0
Сельское хозяйство 13,0
Обрабатывающая промышленность 15,0
Торговля 11,0
Государственные услуги 9,0
Другие сектора 39,0

Источник: Central Bank of Egypt.

Иордания

Добывающая промышленность 4,0
Сельское хозяйство 3,0
Обрабатывающая промышленность 17,0
Строительство 4,0
Транспорт и связь 12,0

Водо- и электроснабжение 2,0
Торговля 9,0
Финансы, страхование, недвижимость
и бизнес-услуги 17,0
Государственные услуги 20,0
Другие сектора 12,0
Источник: Central Bank of Jordan.

Йемен
Добывающая промышленность 11,0
Сельское хозяйство и рыболовство 14,0
Транспорт и связь 16,0
Торговля 18,0
Государственные услуги 10,0
Другие сектора 31,0
Источник: Central Bank of Yemen.

Катар
Нефтегазовый сектор 57,0
Обрабатывающая промышленность 10,0
Финансовые услуги 10,0
Другие сектора 23,0
Источник: Qatar National Bank

Кувейт
Нефтегазовый сектор 62,1
Транспорт и связь 5,7
Торговля, отели и рестораны 3,7
Финансы, недвижимость и бизнес-услуги 10,0
Сектор услуг 14,2
Другие сектора 4,3
Источник: National Bank of Kuwait.

Ливан
Сельское хозяйство 4,7
Промышленность 7,2
Строительство 15,2
Транспорт и связь 5,5

Торговля 27,4
Сектор услуг 33,5
Источник: Lebanon Ministry of Finance

Ливия
Сельское хозяйство 1,9
Промышленность,
включая нефтегазовый сектор 78,2
Сектор услуг 19,9
Источник: International Monetary Fund.

Марокко
Сельское хозяйство и рыболовство 15,5
Энергетика и промышленность 30,2
Сектор услуг 54,3
Источник: Economy and Finance Ministry

ОАЭ
Нефтегазовый сектор 38,0
Строительство 11,0
Торговля 12,0
Недвижимость и бизнес-услуги 9,0
Другие сектора 30,0
Источник: National Bank of Abu Dhabi.

Оман
Нефтегазовый сектор 50,0
Сельское хозяйство и рыболовство 1,0
Обрабатывающая промышленность 16,0
Сектор услуг 33,0
Источник: Central Bank of Oman.

Саудовская Аравия
Нефтегазовый сектор 51,0
Нефтепереработка 4,0
Другие отрасли промышленности 6,0
Строительство 4,0
Оптовая, розничная торговля, рестораны, отели 5,0

Государственные услуги 4,0
Другие сектора 16,0
Источник: Sama

Сирия
Добывающая и обрабатывающая промышленность 25,0
Сельское хозяйство 22,0
Строительство 3,0
Транспорт и связь 10,0
Торговля 23,0
Финансы и страхование 5,0
Государственные услуги 9,0
Социальные услуги 2,0
Таможенные пошлины 1,0
Источник: Central Bank of Syria

Тунис
Сельское хозяйство и рыболовство 8,0
Промышленность 27,0
Бизнес-сектор (business activities) 42,0
Другие сектора 23,0
Источник: Finance Ministry.

Таблица 7

Некоторые макроэкономические показатели арабских стран

	Динамика ВВП (%)			Динамика средне-годовых розничных цен (%)			Сальдо платежного баланса по текущим операциям (% ВВП)		
Страны	2012 г.	2013 г.*	2014 г.*	2012 г.	2013 г.*	2014 г.*	2012 г.	2013 г.*	2014 г.*
Страны-экспортеры нефти[1]	5,7	3,2	3,7	11,3	10,0	8,5	16,6	14,3	12,0
В том числе: Алжир	2,5	3,3	3,4	8,9	5,0	4,5	5,9	6,1	4,5
Ирак	8,4	9,0	8,4	6,1	4,3	5,5	7,0	3,6	2,9
Катар	6,6	5,2	5,0	1,9	3,0	4,0	29,5	29,3	23,7
Кувейт	5,1	1,1	3,1	2,9	3,3	3,8	45,0	40,8	37,6
ОАЭ	3,9	3,1	3,6	0,7	1,6	1,9	8,2	8,4	7,9
Саудовская Аравия	6,8	4,4	4,2	2,9	3,7	3,6	24,4	19,2	16,1
Страны-импортеры нефти[2]	1,9	2,7	3,7	8,7	8,3	10,6	-7,7	-5,7	-4,9
В том числе: Египет	2,2	2,0	3,3	8,6	8,2	13,7	-3,1	-2,1	-1,6
Иордания	2,8	3,3	3,5	4,8	5,9	3,2	18,1	-10,0	-9,1
Ливан	1,5	2,0	4,0	6,6	6,7	2,4	-16,1	-16,1	-14,6
Марокко	3,0	4,5	4,8	1,3	2,5	2,5	-9,6	-7,0	-5,8
Судан	-4,4	1,2	2,6	35,5	28,4	29,4	-11,2	-6,9	-5,9
Тунис	3,6	4,0	4,5	5,6	6,0	4,7	-8,0	-7,3	-6,6

* Прогноз

1/помимо перечисленных стран включены также Бахрейн, Ливан, Оман, Йемен, и Иран.

2/помимо перечисленных стран включены также Джибути и Мавритания, не учтена Сирия.

Источники: World Economic Outlook, International Monetary Fund.

Таблица 8

Государственный долг арабских стран (%ВВП)

Страны	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Алжир	13,5	8,1	10,4	11,1	9,9	8,9	8,6
Бахрейн	19,2	14,6	25,4	34,1	36,5	31,6	31,3
Египет	80,2	70,2	73,0	73,2	76,4	79,2	77,6
Иордания	73,8	60,3	64,5	66,8	69,8	71,9	71,5
Ирак	181,0	110,4	144,1	119,5	86,9	31,3	25,6
Йемен	40,4	36,4	49,9	40,9	42,5	43,4	44,9
Катар	8,0	11,7	28,8	30,9	31,5	29,6	27,4
Кувейт	11,8	9,8	11,3	10,5	7,3	6,3	6,2
Ливан	167,7	156,3	147,6	141,7	136,2	135,3	133,8
Марокко	54,6	48,2	48,0	51,3	54,4	56,0	57,4
ОАЭ	7,8	12,5	22,5	21,3	16,9	14,6	14,3
Оман	6,9	4,7	6,5	5,4	5,1	5,6	6,3
Саудовская Аравия	18,5	13,2	15,9	9,9	7,5	5,9	5,2
Сирия	43,2	37,4	31,4	29,4	...	...	...
Судан	80,4	75,2	77,2	71,7	73,1	109,0	104,9
Тунис	45,9	43,3	42,8	40,4	42,4	43,5	49,1

Источники: IMF; World Bank; MEED

Таблица 9

Приток прямых иностранных инвестиций в арабские страны (млн долл.)

Страны	2000 г.	2008 г.	2012 г.
Алжир	280	2593	1484
Бахрейн	364	1794	891
Египет	1235	9495	2798
Иордания	913	2826	1403
Ирак	-3	1856	2549
Йемен	6	1555	349
Катар	252	3779	327
Кувейт	16	-6	1851
Ливан	964	4333	3787
Ливия	141	3180	...
Марокко	672	2487	2836
ОАЭ	-506	13724	9602
Оман	83	2952	1517
Палестина	62	52	244
Саудовская Аравия	183	39456	12182
Сирия	270	1467	...
Тунис	779	2759	1918

Источник: UNCTAD.

Таблица 10

Динамика ВВП, трудовых ресурсов и безработицы (по регионам мира,%)

Регионы мира	Среднегодовые темпы роста ВВП	Среднегодовые темпы роста трудовых ресурсов	Уровень занятости	Уровень безработицы	
				В целом	Молодежь
Годы	1980–2010	1980–2010	2009 г.	2009 г.	2009 г.
Ближний Восток и Северная Африка В том числе:	3,2	3,3	50,8	11,5	25,2
Алжир	2,7	2,9	50,4	10,0	21,5
Египет	4,6	3,4	50,1	11,5	26,3
Марокко	3,7	3,2	53,2	9,1	24,9
Саудовская Аравия	2,4	3,5	48,4	10,2	23,2
Тунис	4,1	3,0	50,5	13,3	28,7
Южная Азия	6,4	2,1	69,6	5,2	13,9
Восточная Азия	6,7	1,5	73,2	4,4	8,9
Латинская Америка	3,1	2,3	65,6	7,7	15,7

Источники: Institute of International Finance Calculations; World Bank; International Labor Organisation.

Таблица 11

Арабские страны: расходы на оборону (2012 г.)

Страны	Расходы на оборону (млн долл.)	Доля расходов на оборону в ВВП (%)	Расходы на душу населения (долл.)
Саудовская Аравия	52510	7,99	1979
Ирак	14727	11,28	473
Алжир	9367	4,54	251
Оман	6731	8,42	2178
Египет	5510	2,16	66
Кувейт	4616	2,64	1744
Марокко	3374	3,47	104
Ливия	2971	3,49	529
Иордания	1750	5,58	269
Йемен	1654	4,55	67
Тунис	1224	2,74	114
Ливан	1223	2,93	296
Бахрейн	1028	3,88	824

Источник: IISS

Таблица 12

Распределение доказанных запасов нефти по регионам мира

Регионы мира	1993 г.	2003 г.	2013 г.
	Мир, всего (млрд баррелей)		
	1041,4	1334,1	1687,9
Ближний Восток	63,6%	55,9%	47,9%
Южная и Центральная Америка	7,7%	7,5%	19,5%
Северная Америка	11,6%	16,9%	13,6%
Европа и Евразия	7,5%	8,7%	8,8%
Африка	5,9%	8,0%	7,7%
Юго-Восточная Азия	3,7%	3,0%	2,5%

Источник: British Petroleum

Таблица 13

Распределение доказанных запасов газа

Регионы мира	1993 г.	2003 г.	2013 г.
	Мир, всего (трлн куб. м)		
	118,4	155,7	185,7%
Ближний Восток	37,5%	46,5%	43,2%
Европа и Евразия	34,2%	27,4%	30,5%
Юго-Восточная Азия	7,8%	8,1%	8,2%
Африка	8,5%	8,9%	7,7%
Северная Америка	7,4%	4,7%	6,3%
Южная и Центральная Америка	4,6%	4,4%	4,1%

Источник: British Petroleum

Таблица 14

Арабские страны: подтвержденные запасы нефти (млрд баррелей)

Страны	1991 г.	2001 г.	2012 г.	Доля в общемировых запасах (%)
Саудовская Аравия	260,9	262,7	265,9	15,9
Ирак	100,0	115,0	150,0	9,0
Кувейт	96,5	96,5	101,5	6,1
ОАЭ	98,1	97,8	97,8	5,9
Ливия	22,8	36,0	48,0	2,9
Катар	3,0	16,8	23,9	1,4
Алжир	9,2	11,3	12,2	0,7
Оман	4,3	5,9	5,5	0,3
Египет	3,5	3,7	4,3	0,3
Йемен	2,0	2,4	3,0	0,2
Сирия	3,0	2,3	2,5	0,1
Южный Судан	0,3	0,7	1,5	0,1
Тунис	0,4	0,5	0,4	0,0

Источник: British Petroleum

Таблица 15

Добыча нефти в арабских странах (тыс. баррелей в сутки)

Страны	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Саудовская Аравия	9439	11033	10775	10371	10769	9809	9955	11161	11530
ОАЭ	2620	2983	3149	3053	3088	2750	2867	3322	3380
Кувейт	2237	2654	2726	2647	2761	2477	2518	2865	3127
Катар	757	1028	1110	1197	1378	1345	1569	1723	1966
Алжир	1579	2015	2003	2016	1993	1816	1762	1729	1667
Оман	959	778	742	715	754	813	865	891	922
Египет	781	696	697	710	723	736	730	735	728

Источник: British Petroleum

Таблица 16

Добыча природного газа в арабских странах (млрд куб. м)

Страны	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Катар	24,0	46,0	51,0	63,0	77,0	89,0	117,0	147,0	157,0
Саудовская Аравия	50,0	71,0	74,0	74,0	80,0	78,0	88,0	99,0	102,8
Алжир	84,0	88,0	84,0	85,0	86,0	80,0	80,0	78,0	81,5
Египет	21,0	43,0	55,0	56,0	59,0	63,0	61,0	61,0	60,9
ОАЭ	38,0	48,0	49,0	50,0	50,0	49,0	51,0	52,0	51,7
Оман	9,0	20,0	24,0	24,0	24,0	25,0	27,0	27,0	29,0
Кувейт	10,0	12,0	13,0	12,0	13,0	11,0	12,0	13,0	14,5
Бахрейн	9,0	11,0	11,0	12,0	13,0	13,0	13,0	13,0	14,2
Ливия	...	...	...	...	...	...	...	...	12,2
Сирия	...	...	...	...	...	...	...	...	7,6
Йемен	...	...	...	...	...	...	...	...	7,6

Источник: British Petroleum

Таблица 17

Индекс производства зерновых в арабских странах (2004–2006 гг. =100)

Страны	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Алжир	88,3	121,7	131,6
Бахрейн	109,9	112,0	117,1
Египет	113,0	115,5	105,7
Иордания	96,1	107,8	122,8
Ирак	85,5	86,9	101,3
Йемен	119,3	120,9	133.0
Катар	133,4	138,1	138,2
Кувейт	103,6	106,3	106,1
Ливан	99,9	101,8	103,2
Ливия	101,0	103,0	...
Марокко	98,0	120,4	123,5
ОАЭ	95,6	97,9	101,2
Оман	108,8	114,4	135,2
Саудовская Аравия	98,9	92,9	96,1
Сирия	81,3	93,3	90,8
Сомали	91,7	100,4	100,4
Судан	102,9	109,2	97,7
Тунис	109,8	104,3	101,0

Источники: FAO, electronic files and web site; Catalog sources. World Development Indicators.

Таблица 18

Индекс производства животноводческой продукции в арабских странах (2004–2006 гг. =100)

Страны	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Алжир	104,2	108,1	110,2
Бахрейн	114,8	155,3	117,4
Египет	119,0	120,5	123,7
Иордания	128,1	116,4	121,3
Ирак	106,1	108,2	110,5
Йемен	125,2	134,3	144,7
Катар	90,7	133,0	137,0
Кувейт	115,0	114,8	118,8
Ливан	112,0	110,4	112,7
Ливия	106,0	106,0	...
Марокко	113,6	122,6	131,8
ОАЭ	97,5	97,8	99,2
Оман	81,8	77,8	94,6
Саудовская Аравия	110,7	110,8	117,6
Сирия	105,5	102,8	101,7
Сомали	98,4	101,1	116,7
Судан	120,5	124,7	129,6
Тунис	109,3	107,4	110,0

Источники: FAO; Catalog Sources. World Development Indicators.

Таблица 19

Самообеспеченность продуктами питания в арабских странах (%)

Страны	Зерновые		Мясо		Рыба		Молоко и молочные продукты		Фрукты		Овощи	
	2000 г.	2007 г.	2000 г.	2007 г.	2000 г.	2007 г.	2000 г.	2007 г.	2000 г.	2007 г.	2000 г.	2007 г.
Алжир	29,6	33,7	93,3	83,5	90,6	91,1	41,1	41,1	92,8	89,0	99,5	99,8
Египет	70,9	70,6	91,3	83,3	79,9	79,3	81,2	87,4	102,6	103,9	102.3	102,2
Иордания	5,1	2,1	77,1	68,1	6,9	3,8	50,1	50,9	92,0	89,1	150,0	203,7
Ирак	52,8	53,3	98,8	98,0	100,0	100,0	85,1	58,2	99,3	97,6	59,0	54,6
Йемен	20,2	31,2	62,7	...	131,5	167,6	33,1	23,1	97,8	101,6	98,7	100,4
Катар	4,0	0,6	15,9	11,3	95,3	64,4	13,2	7,2	22,5	22,8	25,3	13,6
Кувейт	2,8	2,5	45,4	38,3	42,1	36,3	10,2	8,4	10,7	27,0	50,3	59,1
Ливан	16,8	18,1	89,8	87,0	35,0	34,5	30,7	31,1	120,2	123,0	93,7	95,3
Ливия	10,3	14,9	91,2	92,7	97,7	57,4	45,4	35,5	94,6	87,1	93,3	97,4
Марокко	60,9	39,7	99,5	98,3	130,6	195,2	70,0	82,8	121,6	110,0	107,6	118,8
ОАЭ	0,0	0,9	21,9	20,2	...	...	12,9	17,1	57,1	53,1	55,9	36,3
Оман	3,2	2,2	18,6	27,0	147,4	173,8	13,8	35,6	71,8	77,2	75,6	63,7
Палестина	13,4	17,6	94,0	94,0	23,6	23,5	96,2	87,5	119,5	125,5	145,3	130,1
Саудовская Аравия	27,6	23,4	62,1	55,6	43,2	60,4	43,0	28,5	64,9	65,0	84,0	77,7
Сирия	84,5	86,8	100,1	98,7	55,3	45,3	89,6	97,3	100,3	105,7	112,2	98,3
Судан	80,2	77,0	100,0	99,9	99,5	99,4	98,9	98,2	100,2	98,4	100,3	99,9
Тунис	40,2	34,3	197,2	193,6	95,4	91,3	89,8	104,4	105,0	106,0	100,9	100,9

Источник: Arab Organization for Agricultural Development.

Таблица 20

Импорт продовольствия в арабские страны (% общей стоимости товарного импорта)

Страны	1995 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2007 г.
Алжир	25	24	29	28	20
Бахрейн	16	16	12	10	5
Египет	27	32	28	25	19
Иордания	19	26	21	21	15
Йемен	...	...	29	36	25
Катар	18	17	9	12	5
Кувейт	...	17	16	14	13
Ливан	...	...	...	19	16
Марокко	18	10	20	14	12
ОАЭ	...	...	...	11	6
Оман	13	19	20	22	10
Саудовская Аравия	15	15	17	18	13
Сирия	19	31	17	19	13
Судан	17	...	...	23	5
Тунис	14	11	13	8	10

Источники: World Bank; World Development Indicators.

Таблица 21

Географическое распределение внешней торговли арабских стран (2012 г.)[1]

Алжир					
Наименование страны	***Импорт***		***Наименование страны***	***Экспорт***	
	млн долл. $	%		млн долл. $	%
Евросоюз	15116	52,4	Евросоюз	22794	55,3
Китай	3419	11,8	США	6177	15,0
Аргентина	1034	3,6	Канада	2912	7,1
Турция	1031	3,6	Бразилия	1946	4,7
США	1014	3,5	Гонконг	1514	3,7
Бразилия	770	2,7	Турция	1504	3,7
Южная Корея	740	2,6	Индия	612	1,5
Россия	692	2,4	Тунис	584	1,4
Индия	635	2,2	Марокко	569	1,4
Япония	533	1,8	Япония	490	1,2
Мир, всего	28874	100,0	Мир, всего	41184	100,0

Бахрейн					
Наименование страны	***Импорт***		***Наименование страны***	***Экспорт***	
	млн долл. $	%		млн долл. $	%
КСА	2181	27,4	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Евросоюз	1369	17,2	Нет данных	Нет данных	Нет данных
США	762	9,6	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Китай	758	9,5	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Япония	509	6,4	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Индия	386	4,9	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Бразилия	261	3,3	Нет данных	Нет данных	Нет данных
ОАЭ	245	3,1	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Южная Корея	208	2,6	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Швейцария	166	2,1	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Мир, всего	7949	100,0	Мир, всего	Нет данных	100,0

Египет					
Наименование страны	***Импорт***		***Наименование страны***	***Экспорт***	
	млн долл. $	%		млн долл. $	%
1	2	3	4	5	6
Евросоюз	11516	29,8	Евросоюз	4492	26,8
Китай	3692	9,5	Индия	1162	6,9
США	2947	7,6	США	1147	6,8
Россия	2064	5,3	КСА	1045	6,2
Украина	2056	5,3	Турция	893	5,3

[1] Источник: EU Directorate-General for Trade

Турция	1974	5,1	Ливия	820	4,9
Кувейт	1532	4,0	Япония	573	3,4
КСА	1530	4,0	Ливан	480	2,9
Бразилия	1524	3,9	Китай	426	2,5
Индия	1248	3,2	ОАЭ	412	2,5
Мир, всего	38690	100,0	Мир, всего	16754	100,0

Иордания					
Наименование страны	***Импорт***		***Наименование страны***	***Экспорт***	
	млн долл. $	%		млн долл. $	%
КСА	2791	23,6	США	636	16,6
Евросоюз	2080	17,6	Ирак	578	15,1
Китай	1114	9,4	КСА	423	11,0
США	794	6,7	Индия	400	10,5
Турция	545	4,6	Евросоюз	172	4,5
Египет	473	4,0	Индонезия	163	4,2
Индия	406	3,4	ОАЭ	142	3,7
ОАЭ	338	2,9	Ливан	135	3,5
Россия	337	2,9	Китай	107	2,8
Южная Корея	327	2,8			
Мир, всего	11842	100,0	Мир, всего	3829	100,0

Кувейт					
Наименование страны	***Импорт***		***Наименование страны***	***Экспорт***	
	млн долл. $	%		млн долл. $	%
Евросоюз	3041	21,1	Южная Корея	9532	16,1
США	1691	11,8	Индия	9302	15,7
Китай	1317	9,2	Япония	7933	13,4
КСА	1232	8,6	США	6952	11,7
Япония	1183	8,2	Китай	5446	9,2
Южная Корея	998	6,9	Евросоюз	3218	5,4
Индия	660	4,6	Сингапур	2493	4,2
ОАЭ	628	4,4	Пакистан	1705	2,9
Сирия	440	3,1	Египет	1393	2,3
			Индонезия	1137	1,9
Мир, всего	14338	100,0	Мир, всего	59376	100,0

Ливан					
Наименование страны	***Импорт***		***Наименование страны***	***Экспорт***	
	млн долл. $	%		млн долл. $	%
1	2	3	4	5	6
Евросоюз	4778	39,2	ЮАР	495	19,3
США	1361	11,2	Швейцария	314	12,2
Китай	1015	8,3	Евросоюз	255	9,9
Турция	554	4,5	КСА	205	8,0
Египет	481	4,0	ОАЭ	202	7,9
Кувейт	361	3,0	Сирия	169	6,6
Швейцария	291	2,4	Ирак	121	4,7

КСА	243	2,0	Турция	90	3,5
Украина	243	2,0	Иордания	82	3,2
Россия	243	2,0	Египет	51	2,0
Мир, всего	12194	100,0	Мир, всего	2569	100,0

Оман					
Наименование страны	***Импорт***		***Наименование страны***	***Экспорт***	
	млн долл. $	%		млн долл. $	%
ОАЭ	4367	24,2	Китай	8831	31,7
Евросоюз	2622	14,5	Япония	3579	12,9
Япония	2260	12,5	ОАЭ	2877	10,3
Индия	1531	8,5	Южная Корея	2764	9,9
Китай	1142	6,3	Таиланд	1230	4,4
США	1101	6,1	Сингапур	1224	4,4
Бразилия	712	3,9	Индия	1005	3,6
КСА	648	3,6	США	741	2,7
Южная Корея	582	3,2	Новая Зеландия	481	1,7
Таиланд	454	2,5	Евросоюз	358	1,3
Мир, всего	18083	100,0	Мир, всего	27815	100,0

Катар					
Наименование страны	***Импорт***		***Наименование страны***	***Экспорт***	
	млн долл. $	%		млн долл. $	%
Евросоюз	4282	26,9	Япония	18681	26,7
США	2255	14,2	Южная Корея	13285	19,0
ОАЭ	1814	11,4	Индия	8432	12,0
КСА	1369	8,6	Евросоюз	6864	9,8
Япония	947	6,0	Сингапур	3987	5,7
Китай	760	4,8	Китай	3782	5,4
Южная Корея	460	2,9	Индонезия	831	1,2
Бахрейн	423	2,7	Малайзия	699	1,0
Швейцария	398	2,5	США	550	0,8
Мир, всего	15900	100,0	Мир, всего	70095	100,0

КСА					
Наименование страны	***Импорт***		***Наименование страны***	***Экспорт***	
	млн долл. $	%		млн долл. $	%
1	2	3	4	5	6
Евросоюз	21047	24,3	США	29863	14,2
Китай	11630	13,5	Китай	28622	13,7
США	11420	13,2	Япония	28537	13,6
Южная Корея	5743	6,6	Евросоюз	22604	10,8
Индия	5435	6,3	Южная Корея	20684	9,9
Япония	5181	6,0	Индия	17286	8,2
Турция	2318	2,7	Сингапур	8965	4,3
ОАЭ	2023	2,3	Южная Африка	4486	2,1

Бразилия	1891	2,2	Таиланд	4323	2,1
Таиланд	1756	2,0	Пакистан	3307	1,6
Мир, всего	86448	100,0	Мир, всего	209674	100,0

Объединенные Арабские Эмираты					
Наименование	***Импорт***		***Наименование***	***Экспорт***	
страны	млн долл. $	%	***страны***	млн долл. $	%
Евросоюз	27348	20,1	Япония	22916	15,4
Индия	23029	16,9	Индия	19930	13,4
Китай	18641	13,7	Иран	16023	10,7
США	14226	10,4	Таиланд	8206	5,5
Япония	5647	4,1	Сингапур	8162	5,5
Турция	5153	3,8	Южная Корея	7874	5,3
Южная Корея	4325	3,2	Китай	5636	3,8
Оман	3165	2,3	Евросоюз	4989	3,3
Сингапур	2979	2,2	Оман	3970	2,7
Гонконг	2748	2,0	Пакистан	3275	2,2
Мир, всего	136227	100,0	Мир, всего	149162	100,0

Литература

1. Внешнеэкономический бюллетень. М.
2. Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). М.
3. Вестник МГИМО – Университета, № 5, 2010 г., М.
4. Внешнеэкономический бюллетень. М.
5. Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). М.
6. Вестник МГИМО – Университета, № 5, 2010 г., М.
7. World Economic Situation and Prospects. UN. N.Y., 2009, 2010.
8. Institute of International Finance. The Arab World in Transition. Assessing the Economic Impact. N.Y., 2011–2014.
9. Egypt. Special Report. Middle East Economic Digest (MEED). London.
10. Мурси Ф. Хаза аль-ифтитах аль-иктисадий. Аль-Кахира, 1975.
11. Руденко Л. Н. Экономические реформы в Египте (1990–2000-е годы). М., 2011.
12. Арабская Республика Египет. Справочник. М., 1990.
13. Михин В. Л. Кувейт. М., 1984.
14. The Middle East and North Africa 1993. London, 1994.
15. Economic Intelligence Unit. Saudi Arabia. Country Report, London.
16. Родригес А. М. Нефть и эволюция социальных структур аравийских монархий. М., 1989.
17. Ministry of Public enterprise. Egypt.
18. Middle East Economic Digest (MEED). London.
19. Saudi Arabia. Special Report. MEED. London.
20. Middle East Business Weekly. London, 31 July 1998.
21. World Bank «Doing Business 2010». N.Y., 2009.
22. World Economic Forum «Global Competitiveness 2009–2010», N.Y., 2009.
23. Арабский мир. Три десятилетия независимого развития. М., 1990.
24. Global and Regional Foreign Direct Investment Trend in 2009. UNCTAD. N.Y., 2010.
25. Global Investment House. 2009.
26. Middle East Economic Review 2010. London.
27. Руденко Л. Н. Египет: развитие ИТ-индустрии в стране. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 15.12.2010.
28. World Steel Association (www.worldsteel.org).
29. Статистика черной металлургии. Международный институт чугуна и стали (МИЧС). 1995–2010.
30. Middle East Economic Review 2012. London.

31. Middle East Industry Report 2014. MEED. London.
32. Цветные металлы, № 9, 1996. М.
33. Руденко Л. Н. Транспортный сектор – один из важнейших экономических приоритетов арабских стран. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 9.09.2012.
34. Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (сборник статей). М., 2007.
35. Middle East Electricity 2012. London.
36. BP Statistical Review of World Energy. London. 2010–2014.
37. MEED Yearbook 2012. London.
38. Kuwait Projects Market 2012. MEED Insight. London.
39. Middle East Oil and Gas 2014. MEED. London.
40. Трибуна. 1.11.2012.
41. MEED. 20–21 Agenda 2012. London.
42. MEED Iraq Projects 2012. London.
43. Мировая экономика и международные отношения, № 4, 2012, М.
44. Арабский мир в потоке событий и времени. Сборник статей. М., 2014
45. The World of Africa. 2010.
46. Ближний Восток и современность. Сборник статей. М., № 5, 2012.
47. World Energy Outlook. International Energy Agency. N.Y., 2010–2012.
48. Проблемы национальной стратегии. М., № 5, 2012.
49. Руденко Л. Н. Арабский нефтяной сектор в свете сдвигов на мировом рынке жидкого топлива. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 7.02.2013.
50. Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). М., № 49, июль-сентябрь 2013 г., с. 35–42.
51. Ступин В. Рынки первичных энергоресурсов: современное состояние и перспективы для России. БИКИ. М., № 49, июль-сентябрь 2013 г., с. 44–57.
52. Мировая экономика и международные отношения, М., № 1, 2014, с. 3–20.
53. Мировая экономика и международные отношения. М., № 3, 2013.
54. Баранов М. Сланцевая революция: США меняют мировую экономику. (Полит.ру; 17.12.2013).
55. Волков В. О. О структурной перестройке мирового рынка нефти. БИКИ. М, октябрь-декабрь 2013.
56. Ведомости. 11.02.2015.
57. World Economic Outlook 2013. Wash., 2014.

58. Подсчитано по: World Bank. World Development Indicators. N.Y., 2012.
59. Подсчитано по: Annual Fertilizer Review. FAO. Rome, 1977–1983.
60. Подсчитано по: FAO Production Yearbook 1981, 1982. Rome, 1982,1983.
61. FAO Monthly Bulletin of Agricultural Statistics. Rome, 1984, vol.7, № 3.
62. FAO electronic files and website.
63. Восток: продовольствие и развитие. М., 1986.
64. Catalog Sources World Indicators (http://www. World Bank. World Development Indicators).
65. http://www. sesrtcic.org.
66. Далиль истисмар аз-зираий фи-ль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя 1970–1980. Справочник сельскохозяйственной деятельности в Саудовской Аравии, б.г.
67. Джано Джомаа. Продовольственная ситуация в арабском мире. М., 1996.
68. Al-Farsy, Fouad. Modernity and Tradition. The Saudi Equation. London, 1990.
69. Георгиев А. Г., Озолинг В. В. Нефтяные монархии Аравии. М., 1983.
70. Визарат аз-зираа ас-саудийя. Аль-истисмар фи-ль – кытаа аз-зираий, б.г.
71. International Agricultural Baseline Projections to 2007. Washington, 1998.
72. Саудовская Аравия (справочник). М., 1980.
73. Middle East Business Weekly. London.
74. Oman' 94. Ministry of Information, 1994.
75. Мухаммед Х. Хаваджикия. Ат-Такамуль аль-иктисадий фи-ль-халидж аль-арабий. Эль-Кувейт, 1978.
76. Economic Intelligence Unit. London.
77. Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (сборник статей). М., 2007.
78. UN. World Urbanization Prospects. New-York, 2012.
79. Подсчитано по: Arab Organization for Agricultural Development. 2012.
80. National Accounts Statistics: analyses of main aggregates. New-York, 1987.
81. International Monetary Fund. Washington.

82. Максимов А. А. Развитие отсталых обществ при неограниченных финансовых ресурсах. М., 1989.
83. Андреасян Р. Н. Нефть и арабские страны в 1973–1983 гг. М., 1990.
84. Трофимова О. Е. Экономические вызовы «арабской весны». Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 3.04.2013.
85. Руденко Л. Н. Сирия: политическая нестабильность ведет к обострению экономических проблем. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 29.08.2011.
86. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение».
87. Middle East Economic Review 2012. London.
88. Руденко Л. Н. Экономические проблемы Египта. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 21.09.2012.
89. Руденко Л. Н. Арабские страны: экономические итоги и перспективы. Часть 2. «Новое восточное обозрение». 20.01.2013.
90. ИТАР-ТАСС. Каир, 1.03.2013.
91. http://carnegieendowment.org./ 2013/01/31/ Egypt-shard-economic choices.
92. Руденко Л. Н. Марокко: перспективы экономического развития. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 10.04.2011.
93. Руденко Л. Н. Алжир: смена экономического курса. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 17.01.2011.
94. MEED. Special Report Algeria. London.
95. Руденко Л. Н. Политическая нестабильность тормозит экономические реформы в Ливане. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 17.02.2011.
96. MEED. Special Report Lebanon. London.
97. Руденко Л. Н. Иордания: приверженность экономическим реформам. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 30.01.2011.
98. MEED. Special Report Jordan. 9–15.12.2011.
99. MEED Yearbook 2014. London.
100. Руденко Л. Н. Нефтяные амбиции Ирака. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 16.11.2012.
101. Руденко Л. Н. Восстановление экономики Ирака – сложный и долгий процесс. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 6.10.2012.
102. Руденко Л. Н. Ирак. Программа восстановления экономики. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 31.08.2011.
103. Яковина И. Война в Сирии раскачала ситуацию в Ираке. www.lenta.ru. 23.07.2013.

104. Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (сборник статей). М., 2007.
105. Гияз Г. М. Нефть и особенности социально-экономического развития арабских стран Персидского залива в 80-е – начале 90-х годов (на примере Саудовской Аравии, Кувейта и ОАЭ). Диссертация на соискание степени кандидата экономических наук. М., 1997.
106. Birks J. S. Sinclair C. A. Arab Manpower. 1980.
107. Social and Economic Development in the Arab Gulf. London, 1983.
108. Яковлев А. И. Рабочий класс и социальная революция в нефтяных монархиях Востока. М., 1988.
109. Руденко Л. Н. Занятость – ключевая проблема арабских стран. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 28.05.2012.
110. MEED Special Report Saudi Arabia. London, 2011.
111. MEED. Education Supplement. London, 2011.
112. MEED. Education Quarterly Report. London, 9–15 September 2011.
113. MEED. Education Survey. London, 2011.
114. Lipton D. Enabling Economic Transformation in the Middle East and North Africa. International Monetary Fund. New-York, 2012.
115. Руденко Л. Н. Бахрейн – лидер экономической диверсификации в регионе Персидского залива. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 24.02.2011.
116. Руденко Л. Н. Оман. Стратегия экономического развития – «Vision – 2020». Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 23.03.2011.
117. Руденко Л. Н. Саудовская Аравия: состояние демографии и трудовых ресурсов. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 13.08.2012.
118. Руденко Л. Н. Объединенные Арабские Эмираты: сохранение политической стабильности – залог дальнейшего развития экономики ОАЭ. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 22,05.2011.
119. Руденко Л. Н. Кувейт: отсутствие консенсуса в парламенте тормозит реализацию экономических проектов. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 7.02.2012.
120. Special Report Saudi Arabia. MEED. London, 3–9. 2014.
121. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996.
122. Democracy without democrats? London-New-York, 1994.

123. Володин А. Г. Место и роль среднего класса в незападных обществах. Мировая экономика и международные отношения. М., 2014, № 1, с. 95–104.
124. Что догоняет догоняющее развитие (поиски понятия). Сборник статей. М., 2011.
125. Исаев В. А., Филоник А. О. Катар. Три столпа роста. М., 2015.
126. Акимов А. В., А. И. Яковлев. Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М., 2012.
127. Ульрихсен К. Персидский залив: есть ли жизнь после нефти? Россия в глобальной политике. 2011. № 5, с. 112–123.

Научное издание

Руденко Людмила Николаевна

Экономическая модернизация в арабских странах
(конец XX – начало XXI века)

Художественное оформление: *Рамиль Миннуллин*
Компьютерная верстка: *Йолдыз Нуриева*

Формат 60x84 1/16. Гарнитура Newton. Бумага офсетная.
Усл.-печ. листов 13,485. Тираж 500 экз. Заказ 102/6

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™.

Отпечатано в типографии
Издательства Казанского университета
420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 292-65-60

ISBN 978-5-00019-784-4